

Департамент образования и науки города Москвы
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
Институт гуманитарных наук

**МОДУСЫ СОЦИАЛЬНОГО И КОНЦЕПТ ЧЕЛОВЕКА
(ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ)**

Москва
2024

УДК 130.2
ББК 87.62
М74

Рецензенты:

*доктор философских наук, профессор Денисова Л.В. (АУ МВД РФ)
доктор философских наук, профессор Мамедов А.А. (РГАУ-МСХА)*

Модусы социального и концепт человека (философские размышления): коллективная монография / Жукоцкая А.В. и [др.], отв. ред. Ю.Ю. Джуад. Москва: МГПУ, «Галлея-принт», 2024. с. 190

Коллективная монография включает в себя философские размышления, аналитические статьи и результаты исследований по самым разнообразным аспектам, касающимся бытия человека, общества, культуры. Модусы социального и концепт человека представлены в них как взаимопроникающие грани этического, политического, правового, нравственного. Авторы осмысливают проблемы трансформации ценностей, образования, языка. Особое внимание уделяется на фоне анализа прошлого – настоящему и будущему, предлагаются пути решения актуальных проблем современности, исходящих от цифровизации и виртуализации реальности. Несмотря на многообразие охваченных тем, концептуальное единство и целостность данного издания определяют ценностной позицией авторов, соответствием представленных рассуждений идеалам научности и образцам отечественной философской традиции.

Монография адресована широкому кругу читателей, интересующихся социально-гуманитарной тематикой на уровне философского осмысления. Проблематика, затрагиваемая авторами, актуальна для студентов, преподавателей, исследователей, ученых, экспертов, реализующих свою деятельность в сфере «человек-общество».

ISBN 978-5-6051728-9-5

© Коллектив авторов, 2024
© ГАОУ ВО МГПУ, 2024

Содержание

О социальной природе модусов бытия общества и человека (Жукоцкая А.В., Смирнова А.И.).....	4
Часть 1. Философские размышления о человеке: прошлое, настоящее, будущее.....	22
Концепт человека в философии Древней Греции и Древнего Китая (Черненькая С.В.).....	22
«Человек моральный» и «Человек нравственный» (Мапельман В.М.).....	31
Человек в экстремальных обстоятельствах: экзистенциальная философия и новые медиа (Лакаев П.В.).....	43
Модусы времени в бытии человека: от традиции к постмодерну (Кузьменко Г.Н.)	53
Человек цифровой как постчеловек (Отюцкий Г.П.).....	60
Антропологические риски развития искусственного интеллекта и нейросетей GPT четвертого и пятого поколений (Скородумова О.Б.).....	73
Модус человека-творца как цель будущего образования (Бирич И.А., Джерелиевская И.К.).....	80
Часть 2. Культура и общество: модусы социального в современном мире.....	97
Политическое сознание как модус культуры (Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б.).....	97
Неравенство равных: приключения одной идеи (Сахарова М.В.).....	105
Семантика модусов справедливости: философский, лингвистический и психолингвистический аспекты (Казаченко О.В., Джуад Ю.Ю.).....	117
Ценности и культура в условиях информационного общества (Рябова М.Э.).....	131
Концепции межкультурного взаимодействия в современном обществе (Хилханов Д.Л., Хилханова Э.В.).....	142
Социальные медиа как модус социального взаимодействия (Осмоловская С.М.).....	154
Социальная устойчивость молодежи в условиях информационной пандемии (Кириллов В.В., Алексейчева Е.Ю., Казенина А.А.).....	160
Заключение.....	185
Информация об авторах.....	187

О СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ МОДУСОВ БЫТИЯ ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА

Жукоцкая А.В., Смирнова А.И.

Понятие «модусы социального» подразумевает еще одну категорию, которая в философском дискурсе имеет предельно широкое значение и наполнена разнообразным и неисчерпаемым содержанием – «бытие». Исследовательский потенциал этой фундаментальной категории огромен, но интерпретация ее смысла всегда включает в себя не только понимание человеком начал мира, но и рефлексии своего собственного существования. Эволюция взглядов на бытие определяется прежде всего тем, как человек понимал самого себя в различные исторические эпохи. Под бытием человека мы будем понимать существование человека в качестве природного и социального существа; под социальным бытием – бытие самого общества, в котором человек является его имманентным сущностным и субстанциальным началом.

Модусы бытия

Бытие – максимально широкое философское понятие. Как известно из логики, чем больше объём понятия, тем беднее его содержание. Об этой фундаментальной категории философии можно сказать лишь то, что она объединяет всё существующее и утверждает само существование. Быть – значит существовать, быть сущим, бóльшего и не скажешь. В отличие от бедного содержания категории «бытие» чрезвычайно богата история ее становления. Она подробно отражена в философской традиции разных стран, эпох и культур. Не будем повторять уже известное, в нашу задачу не входит экспликация всех смыслов категории «бытие». Лишь отметим, что для европейской философии в его осмыслении огромную роль сыграл Г.В.Ф. Гегель, рассматривая бытие как философскую категорию, отражающую актуальное и потенциальное, возможное и действительное, а также необходимое начало всякого существования и познания. Абсолютная Идея Гегеля – единственная субстанция, о которой вначале ничего нельзя сказать, кроме того, что она существует. Гегель предлагал так называемую субстанциальную онтологию, в основе которой лежал принцип тождества бытия и мышления.

Серен Кьеркегор несколько иначе понимал и трактовал категорию бытия: он связывал бытие не с существованием вообще, а именно с человеческим существованием. Не случайно его идеи часто считают предпосылкой экзистенциализма. Подлинное бытие, по мнению Кьеркегора, может быть только переживаемо, следовательно неразрывно связано с человеком. Социальная составляющая при этом не учитывалась Кьеркегором. Первая мировая война разрушила надежды многих интеллектуалов на установление гармонии человека и общества. Она «продемонстрировала ничтожность жизни отдельного человека перед лицом исторических событий, невостребованность его уникальности, принципиальное непонимание обществом личности и даже антагонизм между ними» [7, с. 88]. Идеи С. Кьеркегора были интерпретированы экзистенциалистами.

Субстанциальная онтология Парменида и Г.В.Ф. Гегеля была дополнена смыслами, связанными с сущностью и существованием самого общества и, разумеется, человека в обществе. Экзистенциалисты в своём творчестве опирались не только на идеи С. Кьеркегора, но и на феноменологический метод Э. Гуссерля [4]. Гуссерль не отрицал реальности внешнего мира. Реальное для него гипотетически существует. Но может ли эта реальность считаться подлинным бытием? Ведь доступ к такому объективному бытию всегда заблокирован не только нашими чувствами, но и разумом, логикой, языком. Мы постоянно даем феноменам какие-то определения, оценки, характеризуем качества и т.д., фактически мы наделяем всем этим некий предмет (феномен). В таком случае, по мнению Э. Гуссерля, само сознание является источником представлений о реальности. Гуссерль предложил отказаться от традиции сравнения реальных вещей с их отражением в сознании. Принцип тождества бытия и мышления был отвергнут и его место занял принцип и метод феноменологической редукции, то есть «сведение» объектов, вещей, реальностей к их мысленным эквивалентам – феноменам. Это означало, что сравнивать следует лишь разные способы осознания реальности, то есть реконструировать разнообразные смыслы реального.

Основное понятие феноменологии – интенциональность (лат. *intention* – стремление), этот термин ранее уже использовался в средневековой схоластике. Интенциональность – это «устремленность» сознания к миру, «сознание о...». Именно так, по мнению

Э. Гуссерля, могут быть истолкованы «фундаментальные структуры человеческого существования» (М. Хайдеггер). Ведь структура наших «переживаний» совсем не зависит от того, реален или не реален предмет. Главное – это придание смысла предмету. Поэтому в феноменологии – сознание, бытие, личность, предметный мир, социум, духовная культура, психофизическая природа человека неразрывны и не редуцируются одно к другому. Надо «освободить» сознание и предметный мир из причинно-следственных и функциональных связей, любой предмет должен быть схвачен как коррелят сознания, то есть коррелят памяти, восприятия, фантазии, суждения, сомнения и т. д., или всего одновременно. Именно это и составляет сущность категории «бытие». Бытие таково, каким оно усматривается нашим сознанием.

М. Хайдеггер реальные проблемы человека связывал с его «растворением в сущем». А.А. Мажитов предлагает такую интерпретацию идей Хайдеггера. «Хайдеггер разделяет существование объектов материального мира и существование человека – сущего и бытия, онтического и онтологического соответственно. Переход от сущего к бытию человек осуществляет благодаря трансценденции – вынесению себя за пределы сущего, так он выступает в просвет бытия, в здесь-бытие. Тем самым человек (феноменологический наблюдатель Гуссерля) освобождается от своей захваченности сущим и может определять свое отношение к нему – экзистировать. Побуждает его к экзистированию осознание собственной смертности. Именно осознание собственной конечности, или бытие-к-смерти, заставляет его задуматься о главной заботе собственной жизни. Забота становится модусом бытия, как и другие его виды настроения, например радость, любовь и т. д. Бытие, таким образом, имеет единственное измерение – время, а фундировано оно языком: «язык – дом бытия» [7, с. 88].

Ж.-П. Сартр различал бытие-в-себе как способ существования материальных объектов и бытие-для-себя, присущее только человеку. Человек начинает свое существование в качестве бытия-в-себе, но в какой-то момент он осознает себя, и это ведет к тому, что человек перестает быть «феноменологическим наблюдателем» (Э. Гуссерль) и «наполняется» своей будущей сущностью, становится проектом самого себя, обретает подлинное существование [6, с. 89].

Религиозные экзистенциалисты (К. Ясперс, Г. Марсель и др.) связывали подлинное существование, те есть бытие, с Богом. Сущность человека обретается им лишь в приближении к Богу. Г. Марсель отмечал, что бытие есть состояние озарения божественной истиной. К. Ясперс полагал, что бытие непознаваемо научными методами, оно имманентно сознанию как таковому.

В постмодернистской трактовке исчезает каноническая идея бытия в своих разных значениях и ипостасях, вместо неё манифестируется субъект, детерминированный желаниями, порывами, аффектами. Человек «растворяется» в массовой культуре, омассовляется, теряет индивидуальность, его нравственные, этические, эстетические принципы и нормы релятивизируются, а значит и субъект как таковой исчезает.

Итак, категория бытия в философии отражала не только абстракт и абсолют как некое начало мира (Парменид, Гегель), но и поиски человеком основ своего собственного существования, своей индивидуальной и социальной природы. Эволюция взглядов на бытие определялась прежде всего тем, как человек понимал самого себя в различные исторические эпохи. Разрыв между бытием и сущим означал выделение из природы человека – осознающего себя и способного противостоять сущему (материальному миру). Последовательная эмансипация человека от природы, социума и своей собственной природы отражалась в смене трактовок бытия как некоего природного начала, или единого Бога, или как субстанции – материи, или как устойчивых социальных структур (процессов), или наконец, как собственного индивидуального существования. При всем разнообразии оснований для размышления о бытии и трактовок бытия все-таки как аксиома принимается то, что наш образ действия (поведения), или наши знания (образ мышления), или наши высказывания (образ обозначения) следуют за неким образом бытия, проявляющего себя подобно Спинозовской субстанции через атрибуты и модусы.

Современный мир – это разнообразие культур, религий, политических, экономических и идеологических систем, традиций, ценностей, калейдоскоп событий, феноменов, постоянно бросающий вызовы человеку и обществу. Человек и социум, сталкиваясь то с локальными, то с глобальными вызовами, остро нуждаются в адекватных методах и способах оценки рисков, выработке эффективных стратегий поведения в условиях кризиса, грозящих опас-

ностей, в способах совместного их предотвращения, в выработке принципов совместного сосуществования для устойчивого развития и обеспечения будущего. В этом контексте имеет смысл вновь обратиться к анализу концептов действия, поведения, состояния, меры, выраженных через когда-то общепринятую в средневековом философском дискурсе систему модусов. «Способ (образ) жизни» (*modus vivendi*), «способ действия» (*modus agendi*), «способ (модель) поведения» (*modus operandi*) и т.д. Их анализ, интерпретация – это не только ключ к пониманию системной сложности современного социума, но и важные механизмы, с помощью которых можно сохранить систему, предотвращая конфликты, формируя векторы её будущего гармоничного развития.

Понятие модус (лат. *modus* – мера; способ; образ, вид существования или действия чего-либо) в философии обозначает определяющее свойство предмета, проявляющееся в определенных состояниях или условиях. В контексте наших размышлений под модусом социального бытия мы будем понимать способ существования или действия чего-либо/кого-либо, а также средство передачи смысла – когда акцентируется какое-либо значение общего понятия или обобщающего высказывания.

Это понятие широко используется в разных науках, но в соответствии со средневековой традицией прежде всего в логике, праве и философии. В социально-правовом дискурсе это понятие, на наш взгляд, близко по смыслу к понятию статуса. Важно, что модус, в отличие от атрибута – преходящее, изменчивое свойство или признак какого-либо феномена. То, как будет явлено то или иное свойство или признак зависит от условий, внешних обстоятельств. В каких-то условиях тот или иной признак специфически проявляется, а в каких-то нет. В философском смысле модус зависим от субстанции, это есть единичное проявление самой субстанции. Модусы включены в связи детерминации, особенно в причинно-следственную цепь. Постичь субстанцию и её бесконечные проявления мы можем только через модусы.

Философское понятие модуса подразумевает различные состояния объектов. Например, способ существования (*modus vivendi*) понимается как образ жизни, способ существования, либо условия, обеспечивающие возможность существования чего-либо/кого-либо; *modus procedendi* – это набор мер, предпринимаемых для достижения какой-либо цели; *modus intelligendi* – образ мыш-

ления (*modi cogitandi*); *modus significandi* – модус обозначения чего-либо/кого-либо; *modus essendi* – модус существования; *modus purus* – мера свободы и т.д. Обратим внимание на то, что термин модус несёт в себе и значение меры. Этот ряд можно продолжать до бесконечности, так как свойств проявления субстанции в различных условиях и обстоятельствах бесконечно много.

Р. Декарт называл модусами такие качества субстанции, через которые она проявляет все свои «оттенки», демонстрирует свои различные свойства. Б. Спиноза также полагал, что модусы – это состояние субстанции, через которые проявляются её атрибуты. Г. Гегель понимал модусы как внешнее проявление Абсолюта, через модусы Абсолютная Идея обнаруживает сама себя: «Модус есть вовне-себя-бытие абсолютного, утрата себя в изменчивости и случайности бытия, совершившийся переход абсолютного в противоположное без возвращения в себя – лишённое целокупности многообразие форм и определений содержания» [Цит. по: 7]. М. Хайдеггер особое внимание уделял модусу времени («бытие-всегда-уже-в-мире», «забегание-вперед», «бытие-при»), модусу бытия мира («бытие-в-мире», «бытие-с-другими»), модусу экзистенции (забота, страх).

В средневековой философии особое внимание уделялось языку как средству коммуникации, что предполагало взаимодействие трёх различных модусов – модуса существования, модуса мышления и модуса обозначения. Между этими модусами устанавливаются отношения зависимости: модус обозначения зависел от модуса мышления, а модус мышления – от модуса существования. Иными словами – нечто должно существовать прежде, чем мыслиться, а уж коли это мыслится, то должно быть названо, то есть обозначено: «Все модусы обозначения должны брать начало от свойств вещей. Ведь те, кто налагает имена, необходимо должны обладать знанием вещи, которой следует придать звук для обозначения, и звук, который должен налагаться... И поскольку вещь посредством своих свойств определяет модус того, как она мыслится..., то способы обозначения следуют за модусами мышления, постольку свойства вещи определяют модус её обозначения» (Бозций Дакийский) [Цит. по: 1, с. 73].

Применим ли концепт модуса к нынешним обстоятельствам, например, к социальному бытию или бытию человека? Воспользуемся некоторыми хорошо известными и устойчивыми кон-

цептами, такими, например, как *modus agendi* (образ действий), *modus operandi* (способ действия), *modus vivendi* (способ существования, порядок взаимного сосуществования) для того, чтобы раскрыть некоторые свойства, присущие современному социальному бытию и бытию человека, их сущности (*essential*) и существованию (*existential*). А также попробуем показать важнейшую методологическую роль данных концептов и правомерность их использования применительно к феноменам социума и человека.

Modus agendi (образ действий) и *modus operandi* (способ действия) – значение этих терминов можно интерпретировать как проявление социального в индивидуальном поведении и поведении групп. Эти концепты не упоминаются, но их смысл отражен в социологической концепции Макса Вебера, названной автором «понимающей социологией». В основе понимающей социологии Макса Вебера находится поведение человека и социальных групп. Поведение, образ действия, способ действия – это важный феномен, анализ которого может привести к пониманию протекания социальных процессов. М. Вебер предполагал, что люди совершают те или иные поступки, опираясь на собственное мировоззрение и свой анализ ситуации.

Понимающая социология предполагает поиски ответов на следующие вопросы: как, через какие осмысленные действия люди достигают своей цели? Как это соотносится и сказывается на поведении других людей? Вебер предлагает модель социального поведения («социального действия»), включая в неё четыре типа. Целерациональное действие – человек четко видит перед собой цель и пытается ее достичь (преобладает в сфере торговли, бизнеса); ценностно-рациональное – стратегию поведения человек выбирает, исходя из своей системы духовных или нравственных ценностей. В этом случае личная цель может оказаться на втором плане. Традиционное поведение (действие) – человеком руководит традиция, привычки и аффективное – человек выполняет какие-то действия под влиянием эмоций, аффектов, а не рационального мышления и логики. Вебер полагал, что, анализируя типы социального действия (*modus agendi*, *modus operandi*) можно сделать выводы о стратегии социального поведения больших социальных групп и даже общества в целом.

На разных исторических этапах, обладая различными культурными кодами, члены того или иного социума (агенты действия)

осуществляют социальное поведение разных типов. Разумеется, это лишь модель, поэтому «чистых» типов в реальной социальной действительности мы не встретим, но преобладание того или иного типа или их определённое сочетание трудно не заметить. Есть общества, демонстрирующие преобладание традиционного и аффективного поведения, есть такие, где преобладают ценностно и целерациональные мотивы.

В целом термин «modus operandi» может рассматриваться как ключ к пониманию человеческой природы, он подчеркивает уникальность подхода каждого индивида к решению задач, выбору стратегий поведения. По modus operandi и modus agendi вполне можно судить о состоянии и качественных характеристиках того или иного социума, о системе норм и моральных ценностей, о культурных кодах, о социальной и даже личной истории людей, о мотивах выбора человеком индивидуальных траекторий поведения и социального действия. Такой анализ может способствовать пониманию причин и мотиваций, лежащих в основе выбора человеком той или иной стратегии поведения, а также размышлению о том, как общество может содействовать или помешать адекватному поведению человека в ситуации вызова.

Модусы как методологические установки

Modus agendi, modus operandi по сути являются методологическими парадигмами, способствующими или препятствующими достижению человеком и обществом поставленных целей. Именно выбором метода, его корректностью, адекватностью поставленным целям, а также социальному и политическому контексту чаще всего обусловлены успехи или неудачи практически во всех сферах жизни общества и человека – от обыденности до науки, искусства, экономики, бизнеса, профессиональной деятельности и др. Корректный и адекватный выбор методов способствует оптимизации и экономии времени и ресурсов, используемых для достижения поставленной цели, развитию инновационных процессов и технологий.

В modus agendi и modus operandi включается также умение человека и общества адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, что в условиях постоянной и быстрой смены социальных и политических реалий является весьма ценным качеством человека и общества, которое мы бы обозначили как modus

accommodationis. Можно было бы использовать и термин *modus operandi evolution*, если бы он не был так широко распространён в правовом и юридическом дискурсе применительно к изменению поведения преступника. Адаптация к изменениям, критический анализ, использование инноваций – важнейшие компетенции, которые имманентно присутствуют в *modus agendi* и *modus operandi*, они неразрывно связаны с успехом любой индивидуальной и социальной деятельности.

Итак, *modus agendi* и *modus operandi* это, с одной стороны, методы, с другой – индикаторы, по которым мы можем судить об атрибутивных свойствах человека и общества, то есть о сущности субстанции, её неотъемлемых свойствах, а также меняющихся свойствах её проявления – модусах, системную совокупность которых мы часто обозначаем через понятие «феномен».

В современном мире изменчивости, неопределённости, «разрывов постепенности» (Г. Лейбниц), борьбы и сотрудничества выбор методов для решения поставленных задач имеет стратегическое значение. В этом контексте *modus vivendi* (способ существования, порядок совместного существования) несет в себе глубокий смысл и методологический потенциал. Это выражение активно использовалось в средние века в правовом и философском дискурсе. В средневековых юридических текстах оно обозначало временное соглашение между сторонами для урегулирования конфликтов или достижения согласия [5, с. 44-45]. По мере развития общества, усложнения социальных связей концепт *modus vivendi* приобрел более широкое онтологическое, аксиологическое, социальное и межличностное значение, которое можно обозначить как «искусство нахождения согласия», своего рода «конвенциональная компетенция».

Современное общество поляризовано, разнообразно, в нём господствуют различия культурных кодов, ценностей поэтому обращение к *modus vivendi* как методологической парадигме также неизбежно, как и к *modus agendi*. Конечно, на каком-то этапе борьба идей, политических и ценностных систем может быть непримиримой, но в итоге находится некий компромисс. *Modus vivendi* подразумевает уважение к уникальности сущностных проявлений человека и общества, их разнообразию и умение найти компромисс, способствующий их дальнейшему развитию.

В обыденной жизни человека *modus vivendi* проявляется в

умении принимать и уважать точки зрения других, несмотря на различия. Если обратиться к концепции «критического рационализма» Карла Поппера, то *modus vivendi* обнаруживается в следующих словах: «Вера в разум есть не только вера в наш разум, но также – и даже более того – вера в разум других. Поэтому рационалист, даже если он уверен в своем интеллектуальном превосходстве над другими, будет отвергать все призывы к авторитаризму, поскольку он сознает, что если его интеллект и превосходит другие интеллекты (о чем трудно судить), то лишь настолько, насколько он способен учиться под воздействием критики, учиться на своих собственных ошибках и ошибках других людей. Учиться же в этом смысле можно лишь тогда, когда принимаешь все-речь других людей и их аргументы. Рационализм, следовательно, связан с представлением о том, что другой человек имеет право быть услышанным и право отстаивать свои доводы» [9].

Modus vivendi – это не только способ разрешения конфликтов и непонимания, но и своего рода интенция, путь к построению более справедливого и гармоничного общества. Именно поэтому *modus vivendi* можно трактовать как программу, метод рассмотрения проблемных моральных, этических вопросов. Он (метод) не предполагает постоянного согласия по всем существующим вопросам и проблемам, возникающим у человека или социальных групп, сообществ и т. д. Он предполагает создание таких условий, при наличии которых стало бы безусловным их совместное существование, позволяющее при этом проявлять свою уникальность, сохраняя и поддерживая гармонию социальной и личностной систем. Если *modus agendi*, *modus operandi* – это принципы действия, то *modus vivendi* ещё и принцип морали, не требующий соглашаться, но требующий признавать и уважать разнообразие и уникальность человека и социума в любых их проявлениях. Это своего рода моральный императив, требующий осознанности и ответственности при решении моральных дилемм.

Ожидаемая гармония при разрешении конфликтов и противоречий между людьми, человеком и обществом, социальными группами и другими субъектами общественных отношений предполагает баланс индивидуального и коллективного. *Modus vivendi*, с одной стороны, выступает стимулом для обдумывания и решения проблем сосуществования в условиях проявляющихся противоречий системы, а с другой – требует обращения к

modus agendi, modus operandi для поиска правильной и адекватной стратегии сохранения социума, основанного на уважении и сотрудничестве. Именно поэтому modus vivendi есть не что иное, как практический метод урегулирования «скрытых напряжений социальной системы» (Т. Парсонс), обусловленных множественностью и разнообразием социокультурных обстоятельств. Modus vivendi также как и modus agendi, modus operandi влияют на мышление людей, на их взаимодействие, на взаимодействие социальных систем в современном мире, подчеркивая важность адаптивности и взаимопонимания в поиске устойчивого способа жизнедеятельности социальных структур и всего социума.

Модусы социального

В наших рассуждениях постоянно используются такие абстрактные понятия, как «человек», «общество», поэтому стоит уточнить, что в контексте данных размышлений под человеком (индивидом) мы понимаем социобиологическое существо, а под обществом – не только систему взаимосвязей и отношений между индивидами («совокупность общественных отношений» К. Маркс), но также феномены культуры, социальные системы, институты и процессы. Однако «тело» общества составляют люди, а также осваиваемая ими природа и созданные их трудом вещи, которые в единстве выступают носителями «общественного» (социального) при ведущей роли личностного начала, ибо без живых деятельных индивидов нет общества» [3, с. 7]. Еще раз отметим, что носителями социального выступают не только люди, но объективированные результаты их деятельности. Если бы это было иначе, то на современном этапе мы бы не оказались во власти отчужденных продуктов нашего труда и наших собственных сущностных сил – общества потребления, во власти консьюмеристской идеологии, а такие произведения, как «Иметь или быть» (Э. Фромм, 1976), «Общество потребления: его мифы и структуры», (Ж. Бодрийяр, 1970) или его же «Система вещей» (1968) не стали бы бестселлерами.

Очевидно, что общество не есть сумма индивидов, но что все-таки объединяет людей помимо совместной деятельности по поводу «производства, распределения и потребления совокупного общественного продукта» (К. Маркс)? На наш взгляд, само производство как основа жизни общества – это его субстанциаль-

ная, атрибутивная черта. Без производства общество просто не будет существовать. Но есть такие специфические качественные особенности социума, которые не столь очевидны, как производство или культура, но их безусловно следует отнести к модусам социального, так как в разные времена, разные эпохи, в разных обстоятельствах они будут сохраняться, но являть себя по-разному. Например, зависимость людей друг от друга, особенности их коммуникации, сосуществования, солидарность, проявляющаяся не обязательно в единстве, но в общности интересов, целей, стандартов поведения, морали и культуры, во всем том, что можно обозначить как *modus vivendi*.

Правовые, нравственные, эстетические, конфессиональные, межэтнические и пр. отношения индивидов и социальных групп – это те формы, через которые проявляются, реализуются и транслируются нормы, правила, идеалы как образцы поведения индивидов. Солидарность как *modus vivendi* при этом приобретает разные формы и ипостаси и может по-разному интерпретироваться. А поскольку общество всегда дихотомично, оппозиции, конституирующие общество, многообразны, то солидарность и выступает «образом жизни», позволяющим предохранять социальную систему от разрушения.

Модусом социального (*modus agendi, modus operandi*) выступает также феномен деятельности, проявляющий себя через материальные и интеллектуальные практики, а также через материальные, объективированные продукты этой деятельности. К модусу социального, интегрирующего в себе само действие, образ действия, образ жизни, стиль мышления и другие модусные характеристики можно отнести такую характеристику общества, как информатизация, сопровождающаяся «цифровизацией».

Цифровые трансформации изменили весь образ жизни и управление всеми сферами общества [10]. Мы уже отмечали, что модусные характеристики фиксируют нынешний, «сегодняшний» статус феномена или объекта, а как будет именоваться грядущее состояние нашего общества, мы пока предсказать не можем. Через модус времени (*modus tempus*) можно преломить и социальное, и индивидуальное бытие. Достаточно вспомнить знаменитое выражение Марка Тулия Цицерона «*O tempora, o mores!*» («О времена! О нравы!»), чтобы еще раз убедиться, что способ действия (поведения), образ действия, образ мыслей и иные моду-

сы открыты изменениям, как и само общество. В каждый данный момент оно недостаточно, неполно, несовершенно, незавершённо, устремлено в будущее, поэтому у каждого нового поколения всегда есть перспективы.

Еще одной модусной характеристикой социального является феномен коллективности, который очень часто в исследованиях предстаёт в дихотомии индивидуального и коллективного. Например, в книге Ф. Хайека «Дорога к рабству» (1944) глава 3 так и называется «Индивидуализм и коллективизм». Эта дилемма давно стоит перед исследователями и, вероятно, в логике оппозиции решения не имеет. Коллективность как характеристика общества может быть различной – от первобытной до нынешней сетевой, но модус коллективности человека и общества будет сохраняться как характеристика социального бытия до тех пор, пока само это бытие наличествует. Но это не исключает и противоположного модуса – модуса индивидуального, экзистенциального, модуса обособления личности, стремления к свободе и независимости, к разрушению коллективности.

Диалектика такова, что разрушение и созидание коллективности – это процесс, который происходит в социуме непрерывно и одновременно. Взаимодействие социума и человека, индивидуального и коллективного в современном информационном обществе приобрело новое содержание в силу его принципиально иных качественных характеристик. «Глобальные самоорганизующиеся сети превратились в некую универсальную коллективную и по сути неперсонифицированную силу, возможности которой могут быть безграничны и в смысле конструктивности, и в смысле деструктивности. Эти сети – не только платформа для сотрудничества, но они обладают огромным конфликтогенным и манипулятивным потенциалом» [10, с. 7]. В таком социуме меняется и место самого индивида, его статус, его образ действия, образ мыслей, стиль поведения.

Интернет способствовал созданию не только новой социально-экономической инфраструктуры, но сконструировал фактически новый тип отношений. Например, виртуальные сообщества – сети принципиально изменили понимание «виртуального» и «реального», сделав границы между ними очень условными. Многие социальные практики, различные виды деятельности, переместившись в цифровую среду, изменили качественно формы

коммуникации, понимание индивидуального и коллективного. С одной стороны человек постоянно «открыт», доступен в электронной почте, социальных сетях, а с другой – он всегда может сохранить свою приватность, не включаясь в коммуникацию, оставляя выбор за собой. Но у цифровизации есть и другая сторона, связанная со многими рисками – от потери рабочих мест до социального манипулирования, интернет-мошенничества, возникновения конфликтов на почве цифрового неравенства и т.д. Очевидно, что процесс цифровизации создал качественно новую информационно-коммуникативную среду, которая в свою очередь изменила человека и общество. С одной стороны, вроде бы возрос объём коммуникативных интеракций, связей и отношений между людьми, с другой – это спровоцировало усиление отчуждения человека от власти, от государства, от социума, от другого человека и в итоге – от себя самого.

Не все исследователи социальных процессов считают дихотомию человек-общество, коллективизм-индивидуализм неразрешимым противоречием. «Можно выделить ряд направлений, сторон жизнедеятельности индивидов, по которым они входят в историю, в социум как сотворцы «общественного». Само проявление индивидов в такой роли для большинства из них является объективным результатом их жизнедеятельности, а не субъективной установкой, целью. Значительная часть людей вообще не задумывается над тем, что они делают для общества, истории. По этим причинам силы и факторы, масштабы воздействия человека на общество надо искать в повседневной жизнедеятельности индивидов, в тех самых действиях и поступках, которые составляют содержание их жизни» [3, с. 7].

Обозначенные нами модусы (действия, поведения, жизни и т. д.) и их содержательный потенциал лишний раз подтверждают системный характер взаимодействия человека и общества. Все социальные практики человека (рождение и воспитание детей, участие в производственной сфере, в воспроизводстве духовной культуры, в сохранении и трансляции ценностей цивилизации и т. д.) осуществляются прежде всего в формах повседневной, обыденной жизнедеятельности, которая не может не быть совместной (*modus vivendi* подчеркивает факт сосуществования, мы это уже отмечали). «Общество – системное образование. Активность одних людей, бездеятельность других – все вливается в общий

поток исторических достижений. Жизнь каждого индивида имеет смысл, независимо от содержания. ... В отношениях человека и общества всегда присутствует момент взаимности. Ни в коем случае нельзя их противопоставлять по типу: сначала измените общество, условия его жизнедеятельности, а уж потом ждите преобразования индивидов. Или, наоборот, прежде надо дождаться изменения человека, а уж он перестроит социальную среду. Человек и общество есть взаимно детерминируемые начала. В этом и состоит один из секретов социальной истории» [3, с. 7].

Модус бытия человека (modus essendi)

Общество усложняется, темп жизни ускоряется, прогнозы становятся все проблематичнее, в сама жизнь неопределённое. В этих обстоятельствах наше мышление становится ситуативным, в поведенческих стратегиях доминирует ситуация выбора, релятивизм этический, ценностный, поведенческий закрепляется в качестве преобладающей установки, в какой-то мере нанося ущерб целостности человека как личности и общества как социальной системы. Сказываются ли эти изменения на модусе бытия человека, его экзистенции? Происходящие качественные изменения социального: нарастающие риски, обострение проблем личной и общественной безопасности, социального, экономического, цифрового неравенства, страх потери свободы под давлением цифровизации, возможности осуществления подлинно свободного выбора, отчуждение от власти, государства, общества провоцируют социальное и психологическое напряжение в человеке и обществе, обостряют состояние общей тревоги, делают человека более уязвимым перед неопределённостью сегодняшнего дня и тем более будущего.

В философском дискурсе подчеркивается атрибутивность этих экзистенциальных характеристик бытийного состояния человека. Состояния страха, тревоги, одиночества, отчуждённости выступают экзистенциалами человеческого бытия, они имманентны человеческой природе, но проявления их различны в разных исторических и культурных контекстах. Чувства одиночества, страха, тревоги, сомнения, отчужденности являются не только результатом внешних, ситуативных, случайных обстоятельств жизни человека, они присущи самому его бытию, по-разному манифестируя себя в условиях кризиса и/или стабильности.

В условиях кризиса человек в большей степени ощущает себя уязвимым, незащищенным, переживая тревогу, тоску, одиночество. Кризисные ситуации, события могут быть восприняты человеком через различные модальности ощущений. Модусная природа этих состояний человека отражена в огромном корпусе философских и психологических исследований, в которых авторы сконцентрированы не только на чувствах и переживаниях человека, но и на его поведенческой тактике, особенно в кризисных ситуациях.

М. Хайдеггер отмечал существование различных видов страха, где ужас выступал высшим проявлением страха, меняющим модус страха, но он был способен стать для человека способом обретения нового знания [Цит. по: 2, с. 58]. Концепт «тревога» передаёт сильное душевное волнение, беспокойство, вызываемое чем-либо (обычно опасениями), которые сопровождаются страхом. Тревога имплицитно связана с актуальностью или вероятностью негативных событий не только в жизни индивида, но и общества. М. Хайдеггер определял бытие как условие «заброшенности» человека в мир, которое определяет границы человеческой экзистенции. Человек не может выбрать или отказаться, подвергнуть изменению сферы своей жизни, обстоятельства, ситуации. С. Кьеркегор в своей книге «Болезнь к смерти» писал: «человека охватывает потребность одиночества, столь же необходимая для него порой, как потребность дышать или, в иные времена, спать. Потребность в одиночестве всегда служит для нас доказательством духовности и мерой последней» [6, с. 82]. Ж.-П. Сартр связывал одиночество с чувством ответственности, поскольку мы обречены совершать выбор самостоятельно, мы одиноки в осуществлении поступка и берем на себя ответственность за реализованные нами действия [Цит. по: 2, с. 59]. Габриэль Марсель в книге «Быть и иметь» также отмечал связь между экзистенциальными переживаниями, эмоциями человека и его действиями: «Можно переживать и сознавать свои переживания, интерпретировать их, но я должен и принимать за что-то ответственность, не просто следить за течением жизни. Путь имеет цель» [Цит. по: 2 с. 59].

Модус бытия современного человека протекает в калейдоскопе событий, детерминированных экономической, политической и социальной нестабильностью, растущей социальной неопределённостью. Неудивительно, что по мере нарастания кризисных

ситуаций усиливается и состояние тревоги. Тревога, как и страх, имманентна бытию человека, она существует в самом бытии как его модусный феномен. В какой-то мере можно сказать, что такие экзистенциальные состояния (страх, тревога, отчуждение, одиночество) могут формировать алгоритмы индивидуального и социального поведения людей, их поведенческие паттерны, в конечном счете влияющие на качество жизни (*modus vivendi*), а иногда и определяющие его. В кризисной ситуации, как правило, люди выбирают разные стратегии поведения, либо они будут ориентированы на открывающуюся возможность выхода из опасности, поиски путей и способов решения проблемы, либо подчиняются обстоятельствам. В этом отношении весь наличный экзистенциальный и социальный опыт является основанием для формирования поведенческой стратегии.

Итак, действие, состояние, качественная определенность социальной системы, связь её элементов, а также мера, проявляющаяся при их взаимодействии, а также ряд других характеристик системы могут быть отражены и проанализированы посредством модусного дискурса. Логика размышлений о взаимодействии социального и индивидуального, специфике их проявления в разных обстоятельствах вновь возвращает нас к сложной системе и диалектике модусов бытия человека и общества. Каждый из тех модусов, которые мы рассмотрели (модус действия, модус поведения, образ жизни, образ мышления и т.д.), имеют своё собственное смысловое наполнение, нуждающееся в корректной интерпретации. Эти модусы являют собой не только ситуативный феномен бытия человека и общества, но и методологическую парадигму, в конечном счете детерминирующую когнитивный и поведенческий выбор субъекта.

Литература

1. Апполонов А.В. Жанр и метод «Трактата о модусах обозначения» Фомы Эрфуртского // Социальные и гуманитарные науки. Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. № 3 (11), 2016. С.69-76.

2. Будько Е.В. Модусы социального поведения в условиях кризисной ситуации // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 8 (430). Философские науки. Вып. 53. С. 67-60.
3. Грибакин А.В. Человек и общество // Основания социального бытия. Екатеринбург: Издательство: «Банк культурной информации», 2002. 156 с.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.
5. Капитонова Е.А. Понятие «модус» в правовой науке: история использования и новый подход к определению // Вестник Поволжского института управления 2019. Том 19. № 3. С. 42-47.
6. Кьеркегор С. Болезнь к смерти. М.: Академ. проект, 2014. 160 с.
7. Мажитов А.А. Категория бытия: история и современность // Вестник БНТУ. №4. 2010. С. 84-89.
8. Пивоваров Д.В. Модус // URL: <https://russian-philosophia-enc.slovaronline.com/244-%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D1%83%D1%81> (дата обращения 01.08.2024 г.).
9. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. II // URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3912/3941> (дата обращения 05.08.2024 г.).
10. Цифровая гуманитаристика: человек в «прозрачном» обществе: Коллективная монография. М.: Книгодел, 2021. 136 с.

I ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

КОНЦЕПТ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Черненко С.В.

Проблема человека является определяющей в философии. По-разному она рассматривается в западной и восточной традициях, характеризую которые, исследователи, как правило, отмечают, что базовой категорией западного мышления является категория «Я», в восточного – «Мы». Интересно, что в философии Древнего Востока, в частности, в философии Древнего Китая, не акцентировавшей внимание на «самости» человека, именно человек – в центре философских исследований. Это – особенность древнекитайской философской традиции – размышлять о простом, демонстрируя его сложность, и просто говорить о сложном, не выделяя человека, как центр мироздания, рассматривать все философские вопросы, как имеющие отношение к человеку. Можно именно так определить установку древнекитайских философов – всё в мире имеет отношение к человеку.

К.Г. Юнг, обратившийся к восточной философии в поисках ответов на вопросы о коллективном бессознательном, писал: «В то время как западное мышление заботливо анализирует, взвешивает, отбирает, классифицирует, изолирует, китайская картина момента все сводит к незначительной детали, ибо все ингредиенты и составляют наблюдаемый момент... Этот любопытный принцип я назвал синхронностью... и он диаметрально противоположен нашей причинности» [9]. Концепт человека, предложенный философской традицией Древнего Китая, иной, нежели в древнегреческой философии. Он интересен, значим не только для Востока потому, что позволяет обратить внимание на другое отношение к человеку и социуму. В современной философии выделяют ряд подходов к понятию «концепт». Концепт выступает своеобразной «защепкой» для мышления, позволяющей обсуждать проблему и двигаться к понятию [12]. Концепт в противовес понятию, фик-

сирующему общее в предметах, всегда субъектен, он выделяется в процессе обсуждения проблемы, в процессе ее «проговаривания», требуя четкой формулировки вопросов и ответов, в рамках которых актуализируются возможные смыслы [11].

Возьмем два основных учения Древнего Китая: даосизм и конфуцианство. Оба учения вырастают и оформляются в едином социокультурном пространстве, наследуют и развивают одни и те же предфилософские категории, у них сходные механизмы развертывания философского знания. Есть сведения о том, что Конфуций и Лао-цзы встречались. Западные исследователи часто противопоставляют даосизм и конфуцианство как противоположные философские партии, а на Востоке – другой подход. Российский востоковед Н.И. Конрад вспоминал о встрече с конфуцианским ученым Такахаси Тэммин. «В наивной гордыне недоучки, штудировавшего „Критику чистого разума“ ... в чрезвычайном чванстве европейца, щеголяющего модной тогда мудростью „без теории познания нет философии“, – я сказал Учителю: „Я не хочу читать с Вами ни Луньюй, ни Мэн цзы... Я хочу настоящую философию. А так как в Китае кроме Сунской школы, по видимому, настоящей философии нет, прошу Вас прочесть со мною чтонибудь отсюда...“ Учитель Тэммин сидел некоторое время молча, потом медленно поднял глаза, внимательно посмотрел на меня и сказал: „Есть четверо – и больше никого. Есть четверо великих: Кун цзы, Мэн цзы, Лао цзы, Чжуан цзы“...

Я был удивлен. Прежде всего – недопустимое с моей тогдашней точки зрения смешение понятий. Разве можно говорить о Конфуции и Лао цзы рядом? Ведь это – полярно противоположные явления, как бы ни хотел я их соединить вместе. Этому японцу не хватает отчетливо философского представления о „системе“. Делаю замечание в этом духе. Ответ краток: „Кун цзы и Лао цзы – одно и то же“...» [4].

В тексте Лао-цзы есть критика конфуцианства, а Конфуций, со своей стороны, также подверг критике основные положения даосской философии. При этом ни Конфуций, выступая с критикой основоположений Лао-цзы, ни Лао-цзы, критикуя конфуцианство, нигде прямо не называют имена друг друга. Они отделяют учение от личности философа. Показательно поведение Лао-цзы, покинувшего Китай, и ушедшего на Запад – в Индию. Как считают многие исследователи, он оставляет Поднебесную

Конфуцию, понимая силу и роль конфуцианских принципов для Китая [6,8]. Ключевые категории и основные принципы, на первый взгляд, противоположны. У Лао-цзы центральная категория – естественность (цзы жань), основные принципы: не-деяние (у вэй), молчание (бу янь), доверие, искренность (синь), у Конфуция центральная категория – Ли (ритуал), основные принципы: сяо ти (почитание родителей и старших братьев), жэнь (взаимность, человечность), и (долг, справедливость), синь (доверие).

В учении Лао-цзы человек и его личность растворены в природе, человек и вещи в бытии равны и вместе именуются «тьмой вещей». «Самость» – это атрибут природы, ее естественности (цзы жань). Тот, кто берет «самость» на себя, нарушает естественный порядок вещей:

«Тот, кто сам во взглядах, – не просветлен.

Тот, кто сам в истине, – не просвещен.

Тот, кто сам в походе, – не доблестен.

Тот, кто сам в возвышении, – не главенствует [5].

Знание и понимание того, «Дао – таинственная основа тьмы вещей, драгоценность добрых людей, защита от недобрых людей», что человек – одна из тьмы вещей, позволяет человеку правильно ориентироваться в мире, практиковать не-деяние и молчание [5]. Не-деяние (у вэй) – это действия людей, соразмерные данному порядку, который уже задан, и человеку не нужно переустраивать мир. Поэтому вместе с категорией у вэй разрабатывается категория молчание (бу янь). Необходимо внимать природе, учиться у природы, следовать ее законам. Дао (путь) – универсальный закон вселенной: все пребывает «в пути».

Никто в Поднебесной не может подчинить Дао себе.

Если князья и цари смогут блюсти его,

то вещи сами покорятся [5].

Ценности, которые выделял Лао-цзы: мужество, щедрость, способность вести за собой и др., можно найти в разных философских системах Востока и Запада. Особенность даосского мыслителя – в выделении и обосновании оснований данных ценностей».

*«Я имею три драгоценности, держусь их и дорожусь ими.
Первая называется «милосердие (любовь к младшему)»,
вторая – «простота»,
третья – «не смею встать впереди Поднебесной».
Милосерден, поэтому могу быть мужественным.
Прост, поэтому могу быть щедрым.
Не смею встать впереди Поднебесной,
поэтому могу быть способным вождем» [5].*

Человек, не ставящий себя впереди Поднебесной, будет, или сможет быть способным вождем, не имеющий ничего лишнего – щедрым, любящий младшего – мужественным. Интересна система координат бытия человека, выделенная Лао-цзы. Человек – социальное существо, но если вырвать и противопоставить человека миру природы, то разрушится и социальная составляющая нашего бытия. Ценности – мужество, щедрость, способность вести за собой и т.д. – предполагают наличие Другого, с которым ты существуешь, ориентацию на его бытие:

- совершенномудрый не стремится к величию, поэтому может создать своё величие;*
- совершенномудрый относится ко всему как к трудному, поэтому никогда не испытывает трудностей;*
- не деет, поэтому не терпит неудач;*
- не удерживает, поэтому не теряет;*
- относится к изъяну как к изъяну, поэтому без изъяна;*
- собою дорожит, себя не ценит высоко;*
- чем больше делает другим, тем больше приобретает;*
- чем больше отдаёт, тем больше получает [5].*

Даосская модель мира изображается в виде круга с двумя полуизогнутыми половинами, готовыми перейти одна в другую. В модели («и то и это» или «то станет этим») акцентируется относительный характер противоположностей, которые в то же время непротивоположности, поскольку присутствуют друг в друге.

*Чтобы нечто сжать, необходимо прежде расширить его.
Чтобы нечто ослабить, необходимо прежде усилить его.
Чтобы нечто уничтожить, необходимо прежде взрастить его.*

*Чтобы нечто отнять, необходимо прежде дать его.
Это и называется сокровенно-глубокой просветлённостью.
Мягкое и слабое побеждает твёрдое и сильное [5].*

Массовое сознание определяется другим идеалом – борьбой за что-то одно из противоположного. А Лао-цзы говорит о взаимодействии, переходе, взаимопроникновении противоположностей – одна противоположность с необходимостью вызывает другую, это и есть естественность цзы жань. Лао-цзы понимает, что невозможно одним махом изменить сознание, вписать в него идею цзы жань, человеку необходимо показать образ цзы жань, сказать о ней. Покидая Поднебесную, Лао-цзы напишет трактат «Дао дэ цзин», идеи которого будут продолжены его учениками и последователями.

Даосам принадлежит мысль: «Природа рождает тьму существ, самое же ценное из них – человек» [5]. То же скажет и Конфуций: «Не Путь может расширить человека, а человек может расширить Путь» [7]. Даосы и конфуцианцы расходились в понимании средств достижения цели, но не в понимании самой цели. Действительное и возможное общество, наличное и подлинное бытие человека – основная тема во всех размышлениях Лао-цзы и Конфуция.

Исследователи называют Конфуций учителем человечности в человеке [1, 2, 3, 8, 10]. По Конфуцию у человека нет лучшего призвания, чем осознать себя человеком. Что делает человека подлинно человеческим? Не что иное, как способность осмысливать свою жизнь, судить самого себя, совершенствоваться всегда и во всем – способность, данная человеку от природы, но реализуемая через непрестанное усилие. Самосовершенствование, как всякая практика, не может осуществляться на пустом месте. Оно требует своего материала, которым, по Конфуцию, является культурная традиция. В деле учительства должно цениться в первую очередь не оригинальное, а просто долговечное, преемственное в нашем опыте: «Передаю, а не сочиняю. Доверяю древности и люблю ее», – говорил Конфуций [7]. Он обобщил древние представления о мире и человеке, сведя их в достаточно стройный набор предустановленных правил. По сути, Конфуций закрепил их как привычные формы общественного поведения, которые просуществовали с тех пор ещё две с половиной тысячи лет, формируя тра-

диционный этос китайской культуры. В контексте переменчивой истории, смены ориентиров, нравов, конфуцианские «правила» неизменно становились общезначимыми для любых культурных привнесений, оформляя всё новое – возникло ли оно в китайской среде или было заимствовано у других народов.

Человек, приобщаясь к культуре древних (вэнь), выявляет в себе пять «постоянств»: человеколюбие (жэнь), справедливость (и), благожелательность (ли), мудрость (чжи), искренность (синь), заложенных в человеческой природе.

В «Беседах» с учениками («Лунь юй») Конфуций размышлял о двух типах человека. Один – истинный (цзюньцзы), другой – неистинный, кажущийся (сяожэнь). Слово цзюньцзы переводят по-разному, чаще всего – «благородный муж». Сяожэнь буквально «маленький человек», т.е. малодушный, ничтожный. Можно сказать, что Сяожэнь – это человек, в котором не проявлена человеческая сущность, изначально присущая всем: «Все близки по природе (син), далеки по привычкам (воспитанию, наклонностям)» [7].

Антиномия истинного и неистинного человека проходит через все учение Конфуция. Обычный человек не соответствует цзюньцзы, что нарушает мировой порядок – Дао, и ведет ко всеобщему упадку. В отношении «человек–мир» Конфуций акцентирует внимание на человеке: каков человек, таков и мир, и говорит о том, каким должен быть человек и каким он в действительности является. Конфуций переносит центр внимания на социального субъекта, выделяя новый способ регуляции отношений – традицию, ритуал. Категория Ли (ритуал) ставится Конфуцием в центр осмысления социальной действительности и нравственного состояния общества. «Цзычжан спросил: «Можно ли знать, что будет десять поколений спустя? Учитель сказал: «(Династия) Инь унаследовала ритуал (династии) Ся: то, что она отбросила, и то, что она добавила – известно. Поэтому можно сказать, что будет при преемниках династии Чжоу, хотя и сменят друг друга сто поколений» [7].

В доконфуцианском миропорядке можно выделить три главных определяющих черты: главенство кровнородственных отношений, сакральность и монополизм. Ко времени появления Конфуция в значительной мере были расшатаны все три главных опоры традиционного миропорядка: государственная структура

требовала более динамичных принципов. Реальная политическая ситуация как во всей империи, так и в отдельных княжествах, ставила под сомнение тождественность благой силы дэ и реальной политической власти. «Государственная наука» под влиянием накопленного опыта все более склонялась к исключительной важности светской этики, смещая центр тяжести с «Пути Неба» к «Пути человека». Конфуций осмысляет эти процессы и формулирует новые принципы. Патриархальной этике он противопоставит идею построения межчеловеческих отношений на основе «гуманности» («жэнь»), государственной сакральности – идеал светского порядка, устроенный силами «совершенных мужей» («цзюнь цзы»).

Одна из особенностей китайской культуры – в том, что новое в Китае никогда не стремилось к ниспровержению старого, предпочитая сосуществование с ним. Кровнородственные отношения играли и играют в обществе исключительную роль. Но в политической сфере, особенно в императорский период, они были оттеснены на второй план сообществом конфуциански образованных «совершенных мужей», подорвавшими монаршую монополию на власть и ставшими советниками и критиками при дворе. Именно Конфуций сделал политические проблемы предметом частного и профанного обсуждения. Поскольку политический порядок создавался им не на сакральной или кровнородственной основе, а на базе реальных человеческих отношений, необходимо было обратиться к проблемам отдельного человека, к проблемам его индивидуального существования, его жизни, безопасности.

Для различения благородного и низкого человека Конфуций выделял умение «ладить со средой, но не отождествляться с ней» (фраза из «Лунь юй») Благородный человек, понимая наличие разных мнений, имеет свое собственное, тогда как низкий человек слепо соглашается повсюду и не осмеливается выдвигать свои собственные суждения. Умение «ладить со средой, но не отождествляться с ней» обеспечивало условия для интеграции в китайскую культуру разных знаний и опыта, выступало золотым правилом для строительства любых типов взаимоотношений [7].

«Благородный муж», которого Конфуций выдвигал на роль носителя нового порядка, не должен был порождать его противоположность, то есть «беспорядок» («луань»). А отвратить от беспорядка, по мнению Конфуция, могла только гуманность, «ибо

она привносит в души людей покой» и тем предотвращает их разрушительное воздействие на внешний мир [7]. Конфуций считал, что «обуздать себя и вернуться к ли (ритуалу) – в этом и есть подлинная гуманность». Гуманность – внутри человека и «происходит из самого себя», а не извне. «Могут ли люди в течение одного дня отдавать свои силы гуманности? Я не видел людей, у которых на это недоставало бы сил. Возможно, такие люди есть, но я их не видел» [7]. Для того чтобы гуманность могла реализоваться, необходимо на основе имеющихся у каждого человека чувств «сыновней почтительности и уважения к старшим» было «преодолеть себя». «Гуманный человек, – говорил Конфуций, – желая собственного становления, (содействует) становлению других, желая собственного преуспеяния, (способствует) преуспеянию других» [7].

Выделенные выше характеристики совершенномудрого человека в даосской философии, благородного мужа в конфуцианстве можно рассматривать как компоненты концепта «человек» в древнекитайской философии. «Проговаривая» проблему человека, актуализируя возможные смыслы, философы Поднебесной формировали представление о человеке, его характере и мотивах действий.

Литература

1. Богданова С.Д. Учение Конфуция и традиции конфуцианства в современном мире // Актуальные проблемы философии и социологии. Красноярск, 2022. С. 55–58.
2. Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М.: Наука: Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 431 с.
3. Кобзев А.И. Категории «душа», «дух», «духи» в китайской культуре / Сакральное на традиционном Востоке. Институт востоковедения РАН. М., 2017. С. 419-425.
4. Конрад Н.И. О встрече с Такахаси Тэммин в 1927 г. – «Народы Азии и Африки». 1972, №2.
5. Лао Цзы. Дао дэ Цзин. URL: <http://lib.ru>.
6. Лукьянов А.Е. Дао «Книги перемен» / А.Е. Лукьянов; Российский фонд культуры. М.: НПО «ИНСАН», 1993. 238 с.
7. Лунь Юй. Конфуций. URL: <http://knijky.ru>

8. Малявин В.В. Конфуций / Владимир Малявин. М.: Молодая гвардия, 2001. 357 с.
9. Мартынов А.С. Конфуцианская личность и природа // Проблема человека в традиционных китайских учениях / под ред. Т. П. Григорьева. М., 1983. 260 с.
10. Мартынов А.С. Конфуцианство: классический период / А.С. Мартынов. СПб., 2006. 384 с.
11. Черненькая С.В. О границах свободы интерпретации текста // История и современность филологических наук. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XVI Виноградовские чтения. В 2 томах. М., 2021. С. 185-189.
12. Черненькая С.В. Диалог в условиях межкультурной коммуникации // Коммуникативные стратегии информационного общества. Труды IX Международной научно-теоретической конференции. 2017. С. 169-173.

«ЧЕЛОВЕК МОРАЛЬНЫЙ» И «ЧЕЛОВЕК ПРАВСТВЕННЫЙ»

Мапельман В.М.

Жизнь человека и её сферы

Жизнь человека складывается из разнообразных, разнородных, взаимосвязанных отношений, сопровождающих его развитие, способствующих его созидательной реализации, обеспечивающих и фиксирующих социальный статус каждого индивида. Бытие человека представляет собой сочетание материальных и духовных составляющих. Материальная жизнь реализуется в ходе воспроизводства себе подобных, в процессе удовлетворения естественных потребностей (в воде, воздухе, пище, необходимых природных условиях обитания) и социальных (в одежде, жилье, средствах передвижения и др.), а также посредством участия в производственной деятельности. А вот чувства и переживания, желания и эмоции, способности и стремления, идеи и представления, знания и верования, убеждения и теории наполняют собой духовную жизнь человека. Эта целостная система формировалась и воплощалась в конкретных результатах на протяжении всей истории в ходе жизни абсолютно каждого человека, включая современный период.

Сосредоточимся на духовной жизни людей. Такие её формы как правовая, политическая, научная и религиозная сложились не сразу. В индивидуальном жизненном опыте каждого человека, взгляды и убеждения подобного рода тоже формируются со временем. А вот художественно-образная и морально-нравственная формы духовности сопровождают и общество, и индивида всю жизнь. В своей совокупности они помогают человеку, хотя и постепенно, включаться в социальное функционирование, занимать и сохранять в социуме определённое положение, а в дальнейшем либо усложнять и обогащать его жизнь, либо обеднять и даже искажать ее.

Любые проявления своей духовной жизни человечество, в конечном счёте, воплощало, демонстрировало и реализовывало через поведение, поступки, деятельность, взаимоотношения отдельных индивидов и различных ассоциаций. Именно они могут продемонстрировать какие же на самом деле цели, образцы,

оценки, идеалы, ценности реально функционировали в обществе. Таким образом, необходимо признать, что во всех касающихся жизни людей материальных и духовных процессах и явлениях присутствуют этические аспекты.

Этика, мораль, нравственность

Что же такое этика, и связанные с ней, мораль и нравственность? Если давать им номинальные определения (объясняющие значение терминов), то понятия «этика» (от др.-греч. – ἠθικός), «мораль» (от лат. – mores) и «нравственность» (от др.-рус. – нъравъ) являются синонимами, замыкаясь на смысловом наполнении одного и того же понятия – «нравы». Нравы же представляют собой привычки следовать в поведении и отношениях принятым правилам. Но если этим же понятиям давать генетические определения (фиксирующие существенные, отличительные признаки), то выясняется, что у каждого из них своя содержательная нагрузка. *Этика* – это наука о закономерностях функционирования морали и нравственности. *Мораль* – совокупность исторически изменяющихся образцов поведения (оценок, идеалов, принципов, норм, ценностей), выработанных обществом и характерных для определенных периодов времени и конкретных культурных ареалов. *Нравственность* – комплекс внутренних установок человека, которыми он руководствуется при определении и оценке своего поступка, выбирая между двумя позитивными для него, но одновременно не реализуемыми, моральными требованиями, в соответствии с принципом «меньшего зла»¹.

И мораль, и нравственность являются древнейшими эффективными добровольно принятыми (в отличие от принудительности закона) регуляторами поведения людей. Мораль контролирует соответствие поступков признанным обществом образцам, а нравственность – внутренним личностным установкам. Мораль позволяет оценить намерения наших действий с точки зрения добра и зла, чем способна обеспечить душевный комфорт человека. Нравственность же в процессе выбора «меньшего зла» между двумя благими моральными требованиями, укрепляет наши убеждения и не позволяет нашей совести успокаиваться (ведь совершается зло, хотя и «меньшее»). Эти два неразрывно взаимосвязанных регулятора способны функционировать и разна-

¹ Существуют и иные взгляды на интерпретацию этих понятий (например, [1, с. 17-22]).

правленно. Иначе говоря, вполне возможно проявление, как аморальной нравственности, так и безнравственной морали.

Принципиальная роль морально-нравственного регулирования социальных отношений признаётся всеми, хотя единства во взглядах нет, не только на механизмы такого влияния, но и на источники его происхождения. Можно выделить три основных подхода. Первый – *креационистский*, трансцендентный (недоступный познанию). В соответствие с ним, мораль имеет либо сверхъестественное божественное происхождение (религиозная версия), либо представляет собой абсолютную идеальную заданность (Платон), либо является «априорной сущностью» (И. Кант). Второй – *натуралистический*. Его основная идея заключается в том, что мораль заложена в человеке самой природой и реализуется в ходе эволюции, представляя собой усложнение групповых инстинктов в процессе борьбы за существование. Современные сторонники этого подхода предпринимают активные попытки свести этику к этологии (наука о генетически обусловленном поведении животных). Третий – социальный. Его приверженцы считают мораль и нравственность социокультурными механизмами, сложившимися в ходе развития общества и обеспечивающими стабильность функционирования характерных именно для него разновидностей сознания, отношений и деятельности.

На начальных этапах истории духовная составляющая общественной жизни реализовывалась в нерасчленённом виде, обслуживая регулятивно и познавательно все виды деятельности, которые сосредотачивались на достижении трех жизненно важных целей: воспроизводстве себе подобных, добыче и создании необходимых средств существования, обеспечении безопасности. Всё это воплощалось, в конечном счете, в поступки и поведение. Однако со временем отдельные формы духовности не только обособились, демонстрируя характерные лишь для них закономерности функционирования, но и оказались способными к лидерству в отношении других форм. В античный период такую функцию выполняло право, в Средневековье – религия, в эпоху Возрождения – искусство, на современном этапе истории эту роль активно исполняет политика, поддерживаемая правом. Свои претензии на подобное руководство в будущем предъявляет наука. А как же этическое регулирование?

Мораль и нравственность в истории цивилизации

Если исходить из данных антропологии, человек как существо разумное сформировался в условиях строгой социальной коллегальности доклассового общества, «строгой в том смысле, что коллективность была тотально детерминирована объективным законом социального бытия, законом безусловной необходимости ассоциированного труда, ибо в иной форме он не мог осуществляться. Лишь в условиях столь строгой коллективности сформировались те черты и свойства индивида, которые сделали его человеком разумным и нравственным» [5, с. 124]. Без действовавших внутри коллектива правил (норм) он не смог бы выжить. Главными регуляторами взаимоотношений и всех видов деятельности внутри этих сообществ были запреты и образцы, а также способность к оценке поступков, исходя из интересов окружающих, в виде одобрения и осуждения (несогласия).

Именно в первобытном обществе пока ещё не расчленённые усилия морали и нравственности способствовали не только сохранности человека, но и формированию и развитию его культуры в условиях всё более расширяющейся «искусственной природы». Эти правила были безличны, универсальны, бескорыстны, не прагматичны и регулировали все важнейшие процессы, в том числе и нравственные, закрепляясь в обычаях, традициях, ритуалах. По всей вероятности, именно в этот период сформировалось так называемое «золотое правило нравственности»: «...как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними...» [3, Мф. 7:12]. Позднее оно было зафиксировано в большинстве древних источников (таких, например, как Махабхарата, Библия, Сунна), проанализировано многими философами (в частности, Конфуцием и И. Кантом). Однако морально-нравственные регуляторы и в этот период истории не были одинаковыми для всех людей и для каждого человека. Представители разных родоплеменных, а затем патриархальных объединений, сплочённые коллективным трудом, круговой порукой, защитными табу, состояли из индивидов, отождествлявших себя лишь со своим коллективом. Именно поэтому, принятые правила распространялись только на своих.

Наступившая классовая, а затем и классово-антагонистическая история цивилизации привели не только к формированию новых форм общественного сознания (правовой, политической) и

дальнейшему размежеванию существующих, но и к разграничению морали и нравственности. Адресное единство в отношении ориентиров поведения для всех людей сохранилось в морали, но исчезло в нравственности. Оценки в отношении «меньшего зла» и меры ответственности становились всё более дифференцированными, сориентированными на социальный статус: принадлежность к отдельным классам, группам, кланам, сословиям, слоям, прослойкам. Кроме того, в истории длительное время довольно категорически решался даже вопрос о праве отдельного индивида считаться человеком.

В древнегреческом мире каждый (в основном свободные мужчины) принадлежал либо к сословию граждан, либо к сословию неграждан (чужеземцы, постоянно проживающие в Греции; переселенцы; вольноотпущенники). Рабы людьми не считались. Женщины тоже имели чрезвычайно ограниченные права². Римский образ жизни, хотя и увеличил число людей, но сделал более строгими условия попадания в их ряды, усложнил внутреннюю социальную градацию, сохранил рабство. Главной социальной группой в этот период стали нобили (от лат. *nobilis* – благородный), это те патриции и знатные плебеи, кто обладал значительными богатствами и/или сумел занять важные государственные должности. Все остальные рассредоточились между свободными, латинами, перегринами, вольноотпущенниками и колонами.

Сообразно социальной иерархии распределялись моральные и нравственные добродетели. Высшей из них считался разум, позволявший античному индивиду познать законы естественного мира, чтобы ими руководствоваться в жизни. Одиннадцать проявлений благонравия выделялись особо: дружелюбие, великодушные, величавость, любезность, мужество, правдивость, ровность, справедливость, умеренность, честолюбие, щедрость. Они соединяли в себе те моральные ориентиры и нравственные принципы, которые могли быть свойственны лишь самым знатным. Претензии на них со стороны представителей других сословий считались преднамеренно оскорбительными. Основными моральными достоинствами (добродетелями ума) провозглашались мудрость, сообразительность и рассудительность, а основными нравствен-

² Однако в период античности таким особо одаренным женщинам, как, например, поэтесса Сапфо, врач Агнодика Афинская, математик Гипатия из Александрии, философ Арета Киренская, удалось довольно высоко поднять свой статус. Правда, это было скорее исключением, чем правилом.

ными достоинствами (добродетелями характера) – привычки следовать рекомендациям власти и закона, смирение, уважение и благоразумие. Античная мораль «утверждала образ уравновешенного, гармоничного человека – и внутри себя, и в общении с миром» [4, с. 69]. При этом античная нравственность демонстрировала господство непримиримых, предельно конфликтных и довольно жестоких взаимоотношений и неоднозначных поступков между различными слоями населения.

Средневековые серьёзно обновило не только социальную структуру общества, но и его морально-нравственную палитру. Её особенность – это двойные стандарты для всех сословий в этической сфере (моральном сознании, моральных отношениях, нравственной деятельности). Человек в этот период живёт не ради других людей, ни ради мира, ни ради дела, ни ради идеи, а ради Бога. С ним связано его прошлое, настоящее и будущее, ибо именно Бог установил принадлежность каждого к определённому сословию и прописал набор его добродетелей.

Основных сословий в Средние века было три. Ближе всего к Богу было сословие молящихся за спасение каждой души и напоминающих ей религиозные заповеди (духовенство). Рядом с ним находились воюющие за справедливость и порядок, защищающие имущество своё, своих вассалов и всех слабых (рыцари-феодалы). Эти два сословия имели самое большое число привилегий и составляли знать. Они писали законы, владели землей-феодом (основным видом собственности), вершили суд, занимали высшие государственные и общественные посты, собирали налоги. Третье сословие составляли работающие, которые платили налоги на содержание защищающих их и молящихся за них (крестьяне, ремесленники, горожане, купцы). Роль каждого была определена с рождения и, как правило, закреплялась кастовыми моральными кодексами рыцарских и духовных орденов, купеческих гильдий, цеховых организаций, университетских уставов и т.п.

Высшими добродетелями духовенства было отречение от мира и служение Богу, простота, смирение и бедность. При этом освобожденные от налогов и военной службы, её представители довольно активно занимались предпринимательской и политической деятельностью, торговали индульгенциями и церковными должностями. Высшими добродетелями феодалов считались воинская доблесть, храбрость, верность данной клятве, чувство че-

сти, умеренность и щедрость. Однако проявлялись они лишь в отношении представителей знати, по отношению же к иным такое поведение откровенно осуждалось. Произвол (жестокость, оскорбление, унижение, бесчеловечность) в отношении низших слоёв не порицался. Любое занятие физическим трудом для знати считалось недопустимым³. Важнейшими добродетелями крестьян, в том числе и крепостных, ремесленников, горожан и купцов были верность, трудолюбие, скромность, неприхотливость, запасливость, взаимопомощь. При этом вполне допустимыми были лицемерие, хитрость, лживость, корыстолюбие, терпимость, угодничество и даже подлость.

Преобразование морально-нравственных ориентиров на современном этапе развития социума

В XVI–XVII веках происходит очередное радикальное социально-экономическое переустройство. Наступает новый (буржуазный) этап развития общества, продолжающийся до настоящего времени. За любым человеком признается право не только считаться человеком, обладающим индивидуальной неповторимостью, но он провозглашается и венцом природы. Божественная душа и способное быть прекрасным тело человека, его уникальные умственные способности обеспечивают ему возможности для благополучной и творческой жизни. Сложившиеся и энергично стремительно развивающиеся капиталистические отношения потребовали и новых норм и идеалов поведения. И они были сформулированы: свобода, братство, равенство, счастье и достоинство каждого человека. Однако, при этом, любой индивид должен был обеспечивать их себе сам путём развития личной предприимчивости, приобретения максимально разносторонних знаний, расширения круга своих интересов, выработки особых навыков и умений.

Социальный статус такого нового человека начинает измеряться широтой его персональной известности (совсем не обязательно позитивной), объёмом богатств, уровнем влияния, разнообразием позволяемых себе наслаждений, степенью экономического преуспеяния. Не случайно именно эти обстоятельства способ-

³ Главные рыцарские доблести исчерпывались семью умениями: ездить верхом, плавать, владеть копьём, фехтовать, играть в шахматы, слагать стихи прекрасной даме, участвовать в соколиной охоте.

ствовавали формированию в конце XVIII – XIX веках таких философско-идеологических направлений как прагматизм (от др.-гр. *πράγματος* – дело, действие) и утилитаризм (от лат. *utilis* – полезный, выгодный). В этической части своей теории прагматизм обосновывал идею о том, что оправданность и целесообразность любой деятельности и любого поступка оценивается степенью его совпадения с личным интересом и объёмом извлекаемой из этого конкретной пользы. Утилитаризм, сосредоточившись в основном на сфере поведения, оценку моральности поступка вообще замыкал на выгоду, получаемую от состояния удовольствия. Согласно мнению И. Бентама, одного из основоположников этого учения, моральность есть «искусство исполнения обязанностей человека к ближнему... Исполнение отрицательной ветви этой обязанности есть честность; исполнение положительной ветви есть благотворительность» [2, с. 374]. Степень моральности поведения, по мнению утилитаристов, возрастает, если большее число людей солидарно могут получить удовольствие от одного и того же, в отличие от прагматиков, сориентированных на получение выгоды или избегания ущерба для себя лично.

Основными моральными ориентирами реально становятся успех, эффективность, степень влияния, объём власти, а качествами – предприимчивость, целесообразность, честолюбие. С развитием и укреплением предпринимательства и рыночной экономики подобные образцы всё более входят в жизненную практику. Складывается соответствующий образ морального человека. Это личность с мировоззрением индивидуалиста, оперирующего в своём моральном сознании идеальными образцами и ориентирами. Для неё характерны пацифизм, экологизм (часто в вульгарной форме), отношение к труду, как к социальной обузе, праздность, эстетизм (нередко, эпатажный), проектирование безукоризненных вариантов будущего. А ещё своя индивидуальная вера, позволяющая защититься от одиночества и наполняющего мир зла.

А что же параллельно в это время происходит в сфере нравственности? Можно выделить шесть вариантов современного отношения к этой составляющей этического регулирования поведения. Первый: нравственность пытаются не замечать, рассматривая понятия «мораль» и «нравственность» в качестве синонимов. Второй: оценки нравственного выбора используются в качестве вторичных показателей по сравнению с моральными

намерениями. Третий: связь между моралью (мир рационального) и нравственностью (мир практического) разрывается, провозглашается их автономность друг от друга и минимизируется их взаимодействие между собой. Четвёртый: критериями нравственного развития (в том числе и нравственного прогресса) предлагается считать увеличение общего объема знаний и оперативность освоения интенсивно обновляющихся технико-технологических инноваций. Пятый: мораль и нравственность представляются как согласованный неразрывный тандем, осуществляющий регулирование отношений между людьми и определяющий личное индивидуальное поведение. Шестой: нравственности отказывают в праве на выполнение особых функций, как исчерпавшей к настоящему времени свои возможности, заменяя её ориентацией на «общечеловеческие ценности».

Перспективы развития личности и общества (этический аспект)

Что же такое «общечеловеческие ценности»? Различные интерпретации этого понятия солидарны в одном: это такие характеристики и ориентиры, которые имеют одинаковую значимость для практически всего населения нашей планеты на протяжении всей его истории, для настоящего и будущего. Однако в ходе конкретизации составляющих их элементов единство и универсальность сохраняют лишь моральные трактовки, а нравственные оценки поведения продолжают оставаться разобщёнными, нередко вплоть до откровенного антагонизма с моралью.

Нет согласия даже в вопросе о том, что должно быть включено в число общечеловеческих ценностей. Одни ограничивают их истиной, любовью, внутренним комфортом, праведным поведением и ненасилием. Другие перечисляют большинство этических качеств, принципов, норм, характеристик, отношений (например, труд, красоту, добро, справедливость, любовь, жизнь, истину, целомудрие, чистоту, воспитание, родину, семью, детей, традиции, совесть, свободу и т.д.). Третьи ограничивают общечеловеческие ценности либо тем, что получает человек при рождении (жизнь, мышление, здоровье), либо тем, на что нацелено социальное поведение (добро, свобода, смысл жизни, счастье). Одно совершенно очевидно, что все предлагаемые «общечеловеческие ценности» имеют моральную природу (пребывают в сфере морального

сознания), а нравственность (сферу практического поведения) затрагивают косвенно.

Однако не надо забывать, что любое требование имеет смысл и способно выполнять свои регулятивные функции лишь при наличии условий для своего нарушения. И если какое-либо требование предлагается в качестве общечеловеческого, то это значит, что со следованием ему существуют серьёзные проблемы у всех представителей общества. Если же условий для его нарушения нет, то и потребность в этом требовании отсутствует. А запрос на это понятие возможен лишь в историческом плане. При этом не надо забывать и о том, что за время своего многовекового существования моральные нормы, идеалы, образцы и ценности, сохраняя своё звучание (форму), многократно изменяли своё содержание.

Например, чрезвычайно актуальный в настоящее время принцип справедливости. Его разработке была посвящена авторитетная работа Дж. Ролза [8], хотя на протяжении всего изложения многократные попытки автора дать определение справедливости воплотились лишь в откровенные тавтологии. Два же предлагаемых отличительных принципа справедливости выглядят следующим образом: «*Первый принцип*: каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других. *Второй принцип*: социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы: (а) от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех, и (б) доступ к положениям (positions) и должностям был бы открыт всем» [8, с. 66]. Так выглядит образец современного морального (теоретического) подхода к анализу этого серьёзного этического принципа, претендующего на статус общечеловеческого, но полностью замкнутого на интересы самых влиятельных группировок буржуазного общества. Автора не смущает даже принципиальная нереализуемость его адресации («для всех», «всем»), ибо для господствующих слоев эти послы близки и желанны, а для всех остальных – принудительны и сложно достижимы в своём воплощении. Но главное, это то, что автор убеждён, что трактовка справедливости такой была всегда и таковой останется и в дальнейшем.

Для настоящего времени характерным является стремление всю этическую среду ограничить моральностью, то есть сфе-

рой разума, пропагандируя доброту, милосердие, гуманность, сострадание, трудолюбие, толерантность, уважение, равенство, достоинство, дисциплинированность, правдивость. Не случайно такое широкое распространение было обеспечено проекту «К обществам знания», обнародованному ЮНЕСКО в 2005 году [6], в котором предпринимается попытка обосновать наиболее перспективную, по мнению его составителей, версию дальнейшего социального развития. Как они полагают, в обществе будущего всем и каждому будет обеспечен доступ к знаниям, к образованию, к информации, а это создаст условия для удовлетворения любых потребностей и интересов. Знания позволят гарантировать свободу (по мнению авторов, свобода это отсутствие препятствий) перемещения, выражения своего мнения, выбора профессии, участия в общественных делах.

А как же лень и зависть, злоба и грубость, жадность и эгоизм, надменность и лживость? Не секрет, что знания, в том числе и научные, способны нести в мир как благо, так и зло. Чтобы им препятствовать в наши дни обычно принимаются многочисленные манифесты и декларации, создаются ассоциации и союзы. Однако сосредоточенность на морально позитивных ориентирах не стимулирует реализацию аналогичных нравственных последствий.

В современном мире «человек моральный» серьезно потеснил «человека нравственного». Идеи общечеловеческой унифицированной моральности энергично внедряются через попытки обосновать безальтернативность процессов «информатизации», «приоритетности знания», «глобализации», «цифровизации». А они, в свою очередь, подразумевают ориентацию «на достижения и успех, измеряемые богатством, материальным обладанием, властным влиянием; приоритет личных интересов над общественными и государственными; святость частной собственности; предпочтение правового регулирования перед моральным; оценку любых трудовых усилий в товарно-денежных эквивалентах; стремление сделать образ жизни одних народов обязательным для всех остальных; использование в качестве основного показателя престижности уровень потребления; квалификацию научных (прежде всего, естественнонаучных) и технических новаций в качестве основного показателя прогрессивности развития обществ» [7, с. 15].

Однако общество никогда не было и никогда не будет однородным. Его развивающееся разнообразие и есть показатель уровня его культуры. Это разнообразие должно реализовываться не только в мыслях, но и во взаимоотношениях и поведении с ориентацией не просто на благо, но и на «меньшее зло». В связи с этим социальный прогресс связан не столько с достижениями в науке, технике и экономике, сколько с прогрессом в нравственности.

Литература

1. Апресян Р.Г. Этика. М.: Кнорус, 2017. 356 с.
2. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. 415 с.
3. Библия
4. Гусейнов А.А. Введение в этику. М.: МГУ, 1985. 208 с.
5. Зыбковец В.Ф. Происхождение нравственности. М.: Политическая литература, 1974. 127 с.
6. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж, ЮНЕСКО, 2005. 240 с.
7. Мапельман В.М. Гуманизм «старый», «новый» и «новейший». Вестник МГПУ, серия «Философские науки», 2020, № 2(34), С. 9-17.
8. Ролз Дж. Теория справедливости. М.: ЛКИ, 2010. 536 с.

ЧЕЛОВЕК В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И НОВЫЕ МЕДИА

Лакаев П.В.

Существует миф о том, что экстремальность может быть лишь отрицательной категорией, однако это не так. Это упрощение не учитывает разнообразие человеческого опыта. Экстремальность как концепт в целом символизирует крайние границы человеческого опыта, пределы, за которыми начинается новое понимание действительности. Экстремальность можно определить как экзистенциальную «точку», когда человек или система оказываются в условиях, значительно отличающихся от нормальных, ведя к уникальным и часто непредсказуемым последствиям. Такое пограничное состояние проявляется как в эмоциональной или социальной сферах, становясь предметом социально-гуманитарных исследований, так и в естественных науках, где концепция экстремальности находит свои четкие и конкретные отражения.

В физике, например, экстремальные условия могут наблюдаться в черных дырах, где метрики пространства и времени радикально изменяются, создавая эффект сильного искривления пространства. В математике экстремальность нередко связана с сингулярностями, например, в поведении функций на границах их определения. В биологии экстремальные условия могут быть размечены на примере экосистем, существующих в крайне неблагоприятных для жизни условиях: глубоководные гидротермальные источники или антарктические микроорганизмы, которые выживают при экстремально низких температурах. И даже любовь может быть связана с экстремальностью. Неожиданно, правда? Любовь – это чувство глубокого эмоционального притяжения между людьми, которое часто достигает своего максимума в моменты страсти и сильного желания. Иногда именно в этих сильных чувствах проявляются самые темные или самые светлые стороны человеческой души, от отчаяния и самоубийства до героизма и вдохновения. Это видно даже на примере книги Ивана Бунина «Темные аллеи» [2], где каждая история пропитана экстремальными состояниями.

Вернемся к вопросу о том, почему же экстремальные обстоятельства и само «слово» экстремальность ассоциируются у нас с бедствиями, несчастьями, страданием, страхом и опасностью? Частично это связано с интуитивным восприятием человеческой природы: мы склонны отождествлять экстремальные ситуации с угрозой нашему существованию и нашей безопасности. Природа человека устроена так, что в моменты, когда мы сталкиваемся с неопределенностью и риском, наши инстинкты активизируются, порождая страх и сопротивление, необходимые для выживания. Поэтому экстремальность часто воспринимается как состояние, противоположное социальному порядку, чему-то «нормальному» и «обычному». К тому же эту связь между экстремальностью и негативными переживаниями можно проследить благодаря социокультурным факторам. Общество вырабатывает традиции и нормы, которые указывают на то, что благополучие и стабильность – это высшие ценности. В силу этого, явления, будучи выходящими за пределы привычного, начинают восприниматься как угроза, вводящая нас в состояние дезориентации или «аномии».

Экстремальные обстоятельства можно поделить на позитивные и негативные. Позитивные экстремальные обстоятельства связаны с творчеством, спортивными достижениями или коллективными переживаниями совместных достижений или праздника. Это «коллективный экстаз», когда индивидуальные переживания становятся частью общего потока, формируя уникальную атмосферу всеобъемлющего счастья. Радость становится мощным социальным феноменом, придающим глубину и смысл совместно бытию. Экстремальность в спорте проявляется в достижении предельных физических возможностей, когда спортсмен выходит за рамки своих внутренних и внешних ограничений и достигает чего-то ранее невозможного. То же самое можно наблюдать и в мире альпинизма, экспедиций в джунгли и т.д.

Негативные экстремальные ситуации, такие как войны, катастрофы или кризисы, часто становятся предметом философского анализа. Философия, особенно экзистенциальная, обращает внимание на негативные аспекты экстремального по нескольким причинам. Во-первых, именно в условиях страдания и утраты человек сталкивается с экзистенциальными вопросами о смысле жизни, свободе выбора и природе зла. Во-вторых, негативные ситуации чаще всего обнажают моральные дилеммы и этические

конфликты, что делает их особенно значимыми для философского осмысления. Короче говоря, экзистенциальная философия чаще всего затрагивает наиболее болезненные аспекты человеческого существования.

А еще, и об этом важно сказать, исследование экстремальных ситуаций невозможно без человека. Без человека экстремальные ситуации становятся событиями без моральной составляющей. Они просто происходят во внешнем мире и превращаются в чисто физические явления, характеризующиеся динамикой стихий, функционированием экосистем и циркулирующей энергии. Они могут оставить свой след на ландшафте, изменить климат и повлиять на распространение видов, но без субъекта, который бы испытал их, осмыслял их, они лишены повествовательной структуры и эмоциональной насыщенности.

Но может ли быть так, что позитивные экстремальные обстоятельства становятся негативными, и наоборот? Следует кратко рассмотреть эту динамику и контекстуальные изменения. Позитивные экстремальные обстоятельства, как правило, становятся негативными в условиях системного давления или в случае, если они вступают в противоречие с существующими нормами и ценностями общества. Так, например, массовые спортивные события могут в одночасье обернуться негативными последствиями в случае возникновения социальной напряженности. Восторг, надежды и единение среди фанатов на протяжении турнира быстро перерастают в насилие и беспорядки из-за негативных эмоций, вызванных поражением.

Примеры таких ситуаций можно встретить как в клубных матчах, так и в международных турнирах: Россия – Хорватия (ЧМ-2018, 1/4 финала); Аргентина – Германия (Финал ЧМ-1990); Португалия – Греция (Финал Евро-2004). Что же происходит? Общая радость трансформируется во враждебность, когда коллективные переживания из эйфории трансформируются в агрессию и влекут за собой жестокость. Зигмунт Бауман называл подобные ситуации противостоянием между «Мы» и «Они» [1, с. 43-60]. С другой стороны, негативные экстремальные обстоятельства способствуют формированию новой социальной динамики, которая приводит к позитивным изменениям. Примеры такой трансформации можно увидеть в результате социальных протестов или революций, когда общественное недовольство, возникающее в условиях

кризиса, становится толчком для прогрессивных изменений. Общество также собирается вместе, чтобы противостоять вызовам и работать над созданием жизнестойких моделей. Место агрессии занимает понимание и чувство общности.

Экстремальные обстоятельства являются неотъемлемой частью человеческого существования, они возникают по множеству причин, и на протяжении веков меняют свою природу. В первобытные времена экстремальными ситуациями чаще всего становились стихийные бедствия и природные катаклизмы, которые приходили из-за пределов человеческого контроля. Например, источником информации о бедствиях в древнем Египте служат «Речи Ипувера» [5]. В этом тексте описываются катастрофические события: неурожай, наводнения и социальные беспорядки. Подчеркивается божественное происхождение экстремальных ситуаций. Катастрофы воспринимаются как отражение божественного гнева. Ипувер обращается к богам, раскаяваясь и указывая на то, что такие бедствия являются наказанием за моральное разложение общества, на этом фоне он призывает к возвращению к праведной жизни.

С течением времени внимание исследователей начинают привлекать в большей степени социальные катастрофы: войны, голод и эпидемии. Классическим источником для изучения социальных катастроф является книга Питирима Сорокина «Человек и общество в условиях бедствий» [6]. В этом труде Сорокин предлагает социологический подход к анализу бедствий, рассматривая их как циклические явления, где периоды благополучия сменяются периодами катастроф. Он описывает, как война, являясь одной из наиболее разрушительных форм человеческого взаимодействия, влечет за собой голод, а голод, в свою очередь, становится катализатором эпидемий. В отличие от древних текстов, где бедствия воспринимаются через призму божественного вмешательства, социологический подход Сорокина рационализирует эти явления. Он акцентирует внимание на социальном контексте бедствий, исследуя их влияние на людей и общество в целом. Сорокин анализирует «земные» причины бедствий и их последствия для социальной структуры, взаимодействия между различными группами населения и изменения в общественном сознании.

С развитием научного прогресса и технологических инноваций возникли новые, более сложные и опасные формы экстре-

мальных ситуаций. Появление современных видов оружия, ядерной энергии и смертоносных бомб добавило в нашу жизнь новое измерение угрозы, которые теперь могут исходить не только от природы или конфликтов между людьми, но и от самих человеческих достижений. Этот новый тип экстремальных обстоятельств связан с мощью и опасностью, которые человечество создало, и последствия которых оно ощущает на себе. Тоби Орд в своей книге «На краю пропасти. Экзистенциальный риск и будущее человечества» акцентирует внимание на том, что современный человек живет с постоянным ощущением экзистенциального страха [4]. Это состояние связано с осознанием множества потенциальных угроз, исходящих от технологий, экологических катастроф и социальных конфликтов. Экзистенциальный страх – это глубокое чувство уязвимости и бессилия перед лицом глобальных рисков.

В современных реалиях мы также наблюдаем появление четвертого типа экстремальных ситуаций – это кризис, который возник в глубинах «Я» человека и связан с потерей смысла жизни и ощущением отчуждения. Когда внутренний мир человека начинает разрушаться, он становится источником не менее глубоких экзистенциальных кризисов, чем воздействие самых разрушительных внешних испытаний. В условиях быстро меняющегося мира, насыщенного информационным шумом и культурным хаосом, люди все чаще сталкиваются с внутренними конфликтами. Утрата традиционных ориентиров, давление со стороны общества, постоянные требования к саморазвитию и успешности привели к чувству отчуждения и глубокому экзистенциальному кризису. Возникновение этого разлада внутри «Я» связано с несовместимостью между внутренними потребностями и внешними ожиданиями. Когда человек не может найти соответствие между тем, кем он является на самом деле, и тем, кем от него ожидают быть окружающие, это приводит к экзистенциальному конфликту: кто я на самом деле?

Такой разлад проявляется в состоянии тревоги, депрессии и порой может приводить к серьезным психическим расстройствам. В данном случае экстремальные ситуации становятся продуктом внутреннего мира, где человек сталкивается с непрекращающимся поиском смысла, идентичности и самопринятия. На этот кризис, разлад внутри «Я» обратили внимание Жан-Клод Ларше и Бен-Чхоль Хан, вдохновившись идеями Жана Бодрийера,

и связывая его с капитализмом. Хан вводит понятие «производительного субъекта» или субъекта достижений, который сам себя эксплуатирует, создавая нескончаемый поток продуктивности (контента) [7, с. 55]. Это связано с новой реальностью, где современные медиа диктуют свои правила и способствуют непрерывной активности пользователей. Ларше утверждает, что новые медиа и их влияние на бесконечную продуктивность привели к тому, что современный человек – это человек «подключенный» [3, с.71-72], он постоянно находится «на связи» и живет словно в «прямом эфире». Это приводит к ощущению утраты бытия. Человек теряет связь с самим собой, своей внутренней сущностью. Постоянная гонка за успехом, требования социума и новые медиа создают такой контекст, в котором человек вынужден забыть о своих истинных желаниях и потребностях. Вместо этого он фокусируется на создании образа, соответствующего общественным стандартам и ожиданиям.

В книге «Обратная сторона новых медиа» Жан Клод Ларше пишет о том, что новые технологии вызвали в жизни современного общества переворот, сравнимый с изобретением электричества и новых средств передвижения. Однако есть большая разница между новыми технологиями и изобретениями, изменившими жизнь человека. Никакие другие изобретения не отнимали так много времени в жизни человека, не требовали такого внимания и вовлеченности, не изменяли в такой мере условия и методы человеческой деятельности, не вторгались так глубоко в личную жизнь, не проникали в такой мере в нашу психику. Никакие иные приспособления не изменили так наше отношение к пространству и времени, наши отношения с окружающими, наше представление о самих себе, характер и ритм нашей работы и отдыха. И никакие другие технологии, по масштабам своего влияния на все эти сферы, составляющие основу нашего существования, не оказали столь сильного воздействия на нашу духовную жизнь.

Новые технологии и медиа действительно открывают перед человечеством множество возможностей, упрощая многие процессы и делая их более доступными. Мы можем заказывать справки через онлайн-порталы, избегая очередей; делать покупки, не выходя из дома; проводить совещания и встречи в формате видеоконференций, что значительно экономит время и ресурсы. Эти достижения позволяют людям быть более мобильными и

гибкими. Однако, несмотря на очевидные преимущества, существует и обратная сторона медали. Технологии, созданные человеком, парадоксальным образом начинают отделять его от других людей. Вместо того чтобы осознавать ценность этих инструментов и использовать их как средства для улучшения своей жизни, современный человек часто оказывается в плену технологий, которые трансформируют его мышление и восприятие мира.

Ларше указывает на то, что современные технологии деформируют саму природу человека. В этой связи возникает культ продуктивности, культ эффективности, культ многозадачности и культ потребления. Человек становится не субъектом, контролирующим свои действия, а объектом, подверженным влиянию технологий. Вместо того, чтобы управлять своей жизнью, человек начинает подстраиваться под требования цифровой среды. В результате мы наблюдаем снижение способности к глубоким межличностным отношениям. Виртуальные взаимодействия зачастую заменяют живое общение, что усугубляет чувство одиночества и отчуждения. Ларше подчеркивает, что современный человек находится не «над» технологиями, осознавая их функциональность, а «под» технологиями, теряя контроль над своим временем и вниманием [3, с. 48-70]. Ценность определяется не внутренними убеждениями или желаниями, а внешними стандартами, навязанными медиа.

Университетская аудитория становится сценой, на которой этот четвертый тип экстремальных ситуаций проявляется особенно ярко. Здесь молодые люди вступают в сложные отношения с учебным процессом, разделяя дисциплины на «полезные» и «бесполезные». В свою очередь, это деление создает новую иерархию знаний, где успех и выгода становятся главными критериями выбора учебного направления. Ощущение образовательного процесса как услуги уводит студента от непосредственного взаимодействия с преподавателем и углубленного понимания предмета. В этой ситуации преподавание теряет свою «человечность». Вместо того чтобы быть пространством для обмена знаниями и ценностями, оно трансформируется в механистический процесс, где главной целью становится получение диплома, который обещает доступ к высокооплачиваемой работе.

Эта утрата «человечности» создает разрыв между преподавателями и студентами, поскольку последние перестают воспри-

нимать педагогов как носителей опыта и знаний, а становятся потребителями образовательного контента. Многие студенты в разных группах мечтают об одном и том же – успехе, высокооплачиваемой работе, уютной квартире. Однако этот коллективный драйв часто оборачивается выгоранием и разочарованием. На фоне постоянного давления и высоких ожиданий они начинают испытывать экзистенциальный кризис, подобный тому, что был описан выше. Современного студента можно описать как внешне уверенного, но в глубине своей души одинокого и уязвимого человека, нуждающегося в поддержке. В окружении сверстников он старается продемонстрировать свою значимость, часто акцентируя внимание на собственных достижениях. Каждый студент думает о себе, и даже в разговоре с другим чаще всего говорит о себе. Другой его не интересует – это создает ситуацию, при которой все говорят о себе, но никто по-настоящему не слушает.

В результате возникает ощущение изоляции: каждый остается запертым в своем собственном мире, где внутренние переживания остаются невидимыми для окружающих. Этот эгоцентризм, подпитываемый культурой социальных сетей, приводит к тому, что студенты начинают воспринимать друг друга как конкурентов, а не как единомышленников. Они стремятся к признанию и одобрению, но в то же время испытывают страх перед диалогом, перед тем, чтобы быть открытыми. Создается парадоксальная атмосфера: несмотря на обилие общения, настоящие связи становятся редкостью. Интересно, что в аудиториях, состоящих из тридцати и более студентов, единое целое группы потеряло свою значимость. Лишь иногда образуются малые «группки» из двух-трех человек.

Современный преподаватель также переживает трансформацию. Он оказывается в условиях, когда его роль меняется с наставника и проводника знаний на поставщика услуг. Преподаватели начинают испытывать сомнения в своей значимости. Чувствуют себя ненужными, когда студенты воспринимают их просто как исполнителей учебной программы. Это также приводит к экзистенциальному конфликту: с одной стороны, преподаватели хотят вдохновлять и обучать, с другой – понимают, что их усилия могут быть восприняты как нечто избыточное или устаревшее.

Мечтать о хорошей жизни и стремиться к стабильности – это нормально. Это часть нашего человеческого «Я», стремящегося к безопасности и счастью. Но в современном мире порой бывает

сложно отличить собственные желания от ожиданий, навязанных кем-то. Часто люди оказываются втянутыми в гонку за тем, чего желают другие, и начинают стремиться к целям, которые лишены подлинного смысла для них самих. К сожалению, в наше время желания, в основном, обретают материальный характер. Современный человек постоянно сравнивает себя с другими, стремится к стандартам успеха, заданными новыми медиа. Социальные сети становятся шумным рынком желаний и амбиций, где люди выкладывают свои достижения, создавая иллюзию, что только они являются мерилom счастья. В результате возникает ощущение, что личное счастье может быть достигнуто лишь через материальные ценности, и человек забывает о духовной составляющей его жизни. Теперь сложно представить время, когда эффективность и результативность не были в центре нашего внимания.

Раньше, в более медленном и размеренном ритме жизни, люди осознавали время как амплитуду существования: они могли позволить себе размышлять, углубляться в детали, ощущать каждый момент без спешки, вызванной страхом упустить что-то важное. Ощущение времени напоминало медленное течение реки, где каждое мгновение имеет свое значение и ценность. Теперь же всё подчинено идее постоянного улучшения. Бесконечное стремление к улучшению, подгоняемое множеством факторов – от конкуренции до самодисциплины – создает порочный круг, в который всё труднее втиснуть время на размышления. Эта гонка влечет за собой чувство опустошенности, когда всё труднее осознать и оценить свои достижения и цели. Эффективность становится не просто целью, а способом самореализации, удовлетворяющим лишь в краткосрочной перспективе.

Согласно экзистенциальной философии, человек сам определяет, каким ему быть. Мир вокруг стремительно меняется, и сейчас человек только адаптируется к этим новым изменениям. Эти изменения создаются извне. Человек по своей природе является социальным существом. Нам плохо быть одним; отсутствие поддержки и общих идеалов приводит к внутреннему дискомфорту и чувству изоляции.

В XX веке мы были свидетелями глобальных идей, когда идеологии объединяли людей вокруг общих целей, создавая «мощные» сообщества. Этот век стал эпохой толпы, когда коллективные стремления и общие идеалы формировали общественное созна-

ние. В противоположность этому XXI век оказался шизоидным: акцент смещается на индивидуализм, и люди сосредоточены исключительно на своих личных интересах. Ценности индивидуализируются, и это приводит к фрагментации общества. Тем не менее, возможно, что в будущем, на которое всегда надеются философы, настоящее и прошлое будут отрефлексированы, и возникнет нечто новое – синтез между технологиями и экзистенциальной самостью человека. Однако пока что победу одерживают новые медиа, и человек часто не успевает за их стремительным развитием.

Современный мир часто вынуждает нас бежать вперёд, следуя за модой, трендами и ожиданиями других людей. Экзистенциализм же, напротив, учит, что смысл находится внутри каждого из нас, и наша цель – найти этот смысл, жить в соответствии с ним. Но чтобы достичь этого, необходимо сделать шаг назад, остановиться и подумать о своих истинных желаниях и ценностях, погрузившись в то, что уже кажется забытым, в состояние «глубокой скуки».

Литература

1. Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996. 255 с.
2. Бунин И. Жизнь Арсеньева; Темные аллеи. М.: Дрофа: Вече, 2002. 511 с.
3. Ларше Ж.-К. Обратная сторона новых медиа. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2023. 304 с
4. Орд Т. На краю пропасти. Экзистенциальный риск и будущее человечества / Yakniga.org. URL: <https://yakniga.org/tobi-ord/ebooks/na-krayu-propasti-ekzistentsialnyy-risk-i-budushee-chelovechestva> (дата обращения: 16.09.2024).
5. Речения Ипувера / Звездный Храм. URL: http://ntr.guru/load/drevneegipetskie-teksty/rechenija_ipusera/50-1-0-247 (дата обращения: 16.09.2024).
6. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СанктПетербург: Мирь, 2012. 336 с.
7. Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. М.: Издательство АСТ, 2023. 160 с.

МОДУСЫ ВРЕМЕНИ В БЫТИИ ЧЕЛОВЕКА: ОТ ТРАДИЦИИ К ПОСТМОДЕРНУ

Кузьменко Г.Н.

Понятие будущего входит и в естественно-научный, и в социально-гуманитарный теоретико-методологический кластеры. Но в зависимости от мировоззренческих установок приоритеты их использования меняются. В философском, шире – культурном феномене постмодерна понятие будущего, в первую очередь, социально-гуманитарное. В этом смысле, возможно, отражая диалектику культуры, постмодерн отрицает модерн и в чем-то повторяет традицию.

Напомним, что онтологическим основанием философской традиции было представление об объективности сознания, трактуемого религиозно в качестве божественного, а, следовательно, первичного по отношению к бытию. Содержание таким образом понимаемого сознания – от чувственного уровня до уровня мышления – отражает материальный мир вещей. В классическом виде подобные воззрения были выражены, к примеру, в античном платонизме: совокупное множество разумных существ материализуют потустороннюю иерархию понятий (идей) образующую гармоничную структуру космоса.

Данная установка вела к тому, что природные явления в древности и раннем средневековье, так или иначе, интерпретировались в социально-гуманитарном смысле. К примеру, движение тел было целесообразным, их взаимодействие объяснялось в категориях «любви – ненависти», долга, блага и так далее. Последний абзац «Физики» Аристотеля, объясняющей причину движения тел, прямо отсылает к бестелесному началу: «первый двигатель движет вечным движением в течение бесконечного времени... он неделим, не имеет ни частей, ни какой-либо величины» [1, с. 262]. Иными словами, причина движения материальных тел, согласно Аристотелю, телеологическая, так как «телеологический аргумент» в природе подразумевает божественное влияние. Через несколько столетий один из отцов Церкви Василий Великий, воспроизводя данную установку на новом уровне, напишет: «мир есть художественное произведение ... чрез него познается премудрость его Творца» [2].

Такое восприятие природы было естественным для традиционного мировоззрения. Это мировоззрение имеет свои истоки в древнем мифе, миф же антропоморфен и очеловечивает окружающий мир.

Мировоззрение модерна, которое начинает формироваться в Западной Европе в конце средних веков, с таким наивным мифологическим восприятием вступает в конфликт. Данный конфликт имеет, опять же, религиозный характер, что видно по одному из самых ярких его проявлений – схоластическому спору реалистов и номиналистов, актуализировавшемуся в XI-XII вв.

Включившие в философский словарь понятие «модерна», номиналисты доводили монотеистический принцип до предела, иными словами, они апеллировали к личности Бога. Личность Бога не универсальна, как мировое мышление античных или христианских платоников, а уникальна. Абсолютная, игнорирующая человеческую логику свобода Бога делает непонятным для разумных существ содержание Его творчества. Создающиеся Богом природные явления, возможно, имеют смысл (радикальный номинализм ставил и это под сомнение), так как они не естественного, а искусственного происхождения. Однако теперь этот божественный смысл стал принципиально недоступен человеку. Последний мог лишь высказывать свои предположения по поводу созерцаемой вещи.

Онтология модерна, таким образом, по сравнению с традицией изменила вектор связи материи и сознания (и качество последнего). Теперь содержание объективного материального мира стало первичным и получало отражение в форме понятий в субъективном сознании человека.

Снижение онтологического статуса сознания готовило предпосылки для классической естественной науки нового времени (с XVI в.). Её алгоритм: разработка учёными не имеющих антропоморфного измерения гипотез относительно природных явлений и их верификация. В классическом философском виде данная установка была отражена в деистических и атеистических учениях XVII-XIX вв., к примеру, в диалектическом материализме. Не случайно и то, что в классическом искусстве нового времени популярно подражание художника внешнему миру – это идейный натурализм, господство натюрморта, пейзажа, точное изображение сцен деятельности человека. Здесь важна гармония,

логичность, причинно-следственная связь, прямая перспектива и мастерство копировальщика.

Примерно такая же радикальная метаморфоза произошла с представлением о времени. В рамках традиции человек, имеющий доступ к божественному, прекрасно понимал конечную цель мироздания, к которой стремились все вещи мира. Будущее, таким образом, было человеку известно и, по сути, совпадало с должным; будущее вспоминали. На этом основании развивался популярный жанр пророчеств: от судьбы человека до судеб мира (апокалипсисов).

В рамках модерна сохранялось традиционная объективность времени, но духовная цель была утеряна и время в природе утратило свой вездесущий гуманитарный аспект. Время в восприятии классического модерна, например, в трудах И. Ньютона, это характеристика закономерного развития физических процессов, к которым человек не имеет никакого отношения.

В XIX-XXI вв. в культурном пространстве возникает феномен постмодерна. И, как уже было отмечено в начале данной статьи, будущее вновь обретает ясный социально-гуманитарный смысл. Происходит это потому, что в постмодернистской эклектике, кроме всего прочего, скрывается оригинальная онтологическая установка, неизвестная ни традиции, ни модерну. А именно: сознание и материя – субъективны.

Это обстоятельство сразу обнаруживает философские истоки постмодерна, так как в классическом виде такая установка была предложена И. Кантом. Напомним, что учение немецкого мыслителя с оговорками определяется как субъективный идеализм, так как в нем материальный мир предстает как продукт сознания человека. Отсюда кантовский парадокс естественно-научного знания: «мы познаем в (материальных) вещах лишь то, что вложено в них нами самими» [3, с. 88].

Если деятельность человека целесообразна по определению, то производимый его сознанием материальный мир должен получить антропологическое измерение. Вместе с природой это измерение должно получить и время.

Однако, существенной проблемой в этом случае становится понятие «человеческого», ведь по Канту основной вопрос философии, на который пытаются ответить метафизика, мораль и религия – «что такое человек»? [4, с. 280]. Указанная проблема ярко

проявляется в «Критике способности суждения», где немецкий мыслитель излагает свои мысли относительно целесообразности в природе. Он приходит к выводу, что это «целесообразное без цели». Кантовский оксюморон указывает, видимо, на то, что цель у материального мира все же есть, однако её понимание непостижимо. Происходит это потому, что, согласно учению философа, кроме материального мира, производимого индивидуальным сознанием, все же существует настоящий, то есть, объективный мир. Этот мир – мир «вещей в себе» – неизвестен. И. Кант, который был протестантом, советует духовную природу этого трансцендентного мира принять на веру, а вера ведь с точки зрения протестантизма и есть главное доказательство существования Бога.

Кантовские коннотации имплицитно сохраняются в идейном ядре постмодернистской парадигмы новейшего времени. Единственной, но важной онтологической новацией становится акцент на социальной природе человека, в связи с чем и сознание, и материя дополнительно приобретают интерсубъективный аспект: природа становится частью культуры. Как следствие, в философских направлениях новейшего времени (позитивизм, экзистенциализм и др.) появляется стремление найти нечто общее в понятии бытия и понятии языка как ключевого инструмента социализации.

При этом, с точки зрения постмодерна, осознание того, что есть подлинная, но принципиально непознаваемая реальность, в конечном итоге, дискредитирует любые продукты культуры (ценности, нарративы, тексты, др.). Ведь последние выступают в виде, по сути, безосновательных социальных конструктов.

Частный случай в современной (постнеклассической) науке – фактическая дискредитация понятия истины, которая проявляется в требованиях фальсификации научной теории и постоянного возвращения к чувственным данным. В современной философии такого рода дискредитация проявляется в принципе деконструкции текста вплоть до бессмысленного субстрата знаков. Если же говорить об искусстве, то постмодерн предлагает разного рода безобразные, бессвязные картины (супрематизм, сюрреализм и др.), бессмысленные стихи и прозу, театр абсурда и, наконец, «сумбур вместо музыки». По поводу последнего критики логично отметили, что это «уродство в опере растет из того же источника, что и ... уродство в живописи, в поэзии, в науке» [6].

Один из первых постмодернистских манифестов – «Манифест Дадаизма» (1918 г.) – в своём названии сознательно обыгрывает детский лепет. «Слово «да-да» символизирует примитивнейшее отношение к окружающей действительности ... жизнь предстаёт как синхронная путаница шорохов, красок и ритмов» [8]. Младенец в манифесте – это символ непосредственного восприятия мира. Речь идёт о требовании к человеку вернуться в состояние до социализации, когда поток ощущений ещё не структурирован культурными фильтрами в материальные вещи. Это требование носит нравственный характер, так как призывает человека освободиться от стереотипов, которые укоренены в нем обществом (религиозных, классовых, этнических, научных, сексуальных, других), и проявить свой творческий потенциал.

Если же говорить о причине, которая вызывает данный поток ощущений в сознании, то здесь снова уместно вспомнить учение И. Канта. Есть объективный, но трансцендентный мир множества «вещей в себе» и в человеке скрыта одна из них, собственно, поэтому понятию «человек» так трудно дать определение. Эта личная «вещь в себе» – точка контакта с подлинной реальностью. Она подобна «черной дыре» в сознании, которая соединяет разные вселенные и в горизонте событий которой генерируются ощущения. С учётом религиозных коннотаций кантовского учения, реликтом скрытых в постмодернистских учениях, конструирование материального мира в сознании, видимо, телеологично.

Отсюда парадоксальное понимание времени. Напомним, что постмодерн явление сложное, во многом эклектичное. В некоторых его продуктах существует инерция традиции и модерна, в том или ином неклассическом варианте. В таких вариантах, каким бы маргинальными они не были, время объективно и следует привычным путем – из прошлого в будущее.

Однако в тех постмодернистских явлениях, которые исходят из парадигмы новейшего времени, постулирующей субъективную природу сознания и материи и, одновременно, непостижимую объективную реальность, ситуация другая. Время подчёркнуто субъективно и, в соответствии с негласным телеологическим принципом, движется наоборот: от будущего к прошлому. Если отвлечься от физических образов, неизвестное будущее детерминирует известное прошлое. В этом смысле, видимо, следует понимать фразы о том, что «первичный феномен исходной

и собственной временности есть будущее» (М. Хайдеггер) [7, с. 164], «существование предшествует сущности» (Ж.-П.Сартр) [5, с. 172] и другие.

В заключении хотелось бы подчеркнуть актуальность процесса терминообразования для развития философской теории. Задачей настоящей статьи было указание на онтологическую проблему будущего в постмодерне. Однако её качественное решение требует вычленить парадигму новейшего времени из общей постмодернистской эклектики. Важным шагом в этом направлении мог бы стать новый термин.

Авторское предложение такого рода термина – футурум (лат. «будущее») – связано с высоким статусом будущего в данной парадигме. Дополнительным фактором предложения служит темпоральный оттенок в названиях предшествующих парадигм – традиции и модерна. Напомним, что именно «*via antiqua*», то есть, древнему, прошлому, вчерашнему пути понимания реальности средневековые номиналисты противопоставили свой «*via moderna*» – современный, сегодняшний путь.

Продуктивность предлагаемого терминологического решения с точки зрения историко-философской методологии заключается в следующем: уже апробированные дихотомии «традиция – модерн» и «модерн – постмодерн» дополняются триадой «традиция – модерн – футурум».

Литература

1. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. 613 с.
2. Василий Великий. Беседы на Шестоднев. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/besedy_na_shestodnev/ (дата обращения 15.10.2024).
3. Кант В. Критика чистого разума // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 69-756.
4. Кант В. Сочинения. В 8-ми т. Т. 8. [Статьи. Лекции. Избранные письма. Из рукописного наследия] М.: ЧОРО, 1994. 718 с.
5. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат. 1990. С. 169-183.
6. Сумбур вместо музыки // Газета «Правда» от 28 января 1936, редакционная статья об опере Д.Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда».

7. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: «Фолио», 2003. 503,
8. Хюльзенбек Р. Дадаистский манифест 1918 г. // Крещатик, № 3, 2012. URL: <https://magazines.gorky.media/kreschatik/2012/3/manifesty-dadaizma.html> (дата обращения 15.10.2024).

ЧЕЛОВЕК ЦИФРОВОЙ КАК ПОСТЧЕЛОВЕК

Отюцкий Г.П.

Человек всегда стремился прогнозировать будущее, в том числе и свое собственное. В XXI в. это стремление сконцентрировалось в рефлексии по поводу «постчеловека». Сформировалось междисциплинарное направление – трансгуманизм, который стремится спроектировать постчеловека, исходя при этом из наличия в современном мире технологий, которые позволяют напрямую вмешиваться в основы бытия человека – нейротехнологии, клонирование, редактирование генома, информационные технологии и др. По мнению трансгуманистов, эти технологии позволят преобразовать искусственным образом биологическую природу человека, трансформируя его телесную оболочку [см.: 5-7; 9; 18; 19; 21; 23 и др.]. Проекты трансгуманистов возрождают на принципиально ином уровне извечную философскую проблему о сущности и границах человека.

Формирование научных терминов с помощью приставки «пост-»: «постмодернизм», «постиндустриальное общество», «постчеловек» и др. весьма распространено, но это не лучший способ «категориальных инноваций», поскольку приставка «пост-» сообщает лишь о том, что нечто наступило после модернизма, после индустриализма, после человека... Но имеет ли это «наступившее» какую-либо связь с «предшествующим»? Так, «постстудент» может работать по профессии, не имеющей никакой связи с его специальностью по диплому, т.е. с его «предбытием» в качестве студента.

Поэтому существенна вторая часть термина – после кого? Если человека понимать в его *родовом смысле*, то постчеловек – это нечто после человека, а именно – то, что человеком уже не является (равно как «постмодернизм» не является модернизмом), и если основная идея «постгуманизма» именно такова, то он ни в коей мере не является гуманизмом. Неоднозначность понятия «постчеловек» ясна многим исследователям. Так, С.С. Хоружий в качестве главного препятствия для осмысления этого понятия указывает на отсутствие в наличном бытии самого постчеловека: «его самого ещё нет – его не видно ещё, потому что он – только на подходе» [28, с. 21]. Отмечаются и другие препятствия: человек

является существом, «наиболее трудно уловимым в своей сущности» [26, с. 344], это «незавершенная возможность», а любое иное его определение отождествляет человека с наличными знаниями о нем [16, с. 14-15]. Действительно, знание о границах биологических и психологических возможностей человека – это сегодняшнее знание, и не факт, что оно полностью раскрывает истинные границы человека, через которые хотят перешагнуть трансгуманисты.

Сформировалось два основных подхода к постчеловеку.

В первом из них он понимается как существо, сконструированное посредством НБИК-технологий¹, «которое нельзя считать человеком в современном смысле этого слова» [15, с. 7-8]. Это существо – результат «биоцифровой конвергенции» – «кодификации человеческого организма через вакцины, дозирование которых составляется детальными расчётами», «изменение человека при помощи игры цифр» [24]. Справедливо предлагается такого рода монстров именовать «суперсложные генетически или информационно программируемые системные объекты» [15, с. 8-9], ибо наиболее радикальные трансгуманисты выдвигают «главный технопроект» – «создания искусственного тела и подготовки человека к переходу в него» [см.: 29, с.4, а также: 2, 18 и др.].

Второй подход связан с пониманием постчеловека как человека, но приобретающего новые характеристики благодаря современным и будущим технологиям. В подлинно рациональном смысле понятие «постчеловек» обозначает *видовое отличие* родового человека. «Постчеловек» следует после «предчеловека», но оба сохраняют фундаментальные антропологические константы – границы, «при разрушении которых человек перестает быть человеком» [16, с. 20]. Так, применительно к «человеку экономическому» феодальной эпохи «постчеловеком» выступает «человек экономический капиталистический»; «человек политический империалистический» (имея в виду Римскую империю) – «постчеловек политический» в отношении «человека политического полисного» и т.д.

Многие трансгуманисты акцентируют внимание на проблемах человека информационного, считая, что они впервые заговорили о технологическом совершенствовании человека. Но в их публи-

¹ Речь идет о НБИК-конвергенции – объединении и синергетическом усилении достижений нано-, био-, информационных и когнитивных технологий [1].

кациях не упоминается имя канадского исследователя М. Маклюэна, работы которого более полувека назад стали своеобразным Новым Заветом электронной эры [см.: 11-13 и др.]. Исследуя информационные революции: 1) связанную с книгопечатанием, 2) связанную с появлением технологий средств массовой коммуникации, – он показал: двигателем исторического прогресса выступает смена технологий, влекущая за собой смену *способов коммуникаций*, а конкретный тип общества в значительной мере детерминируется доминирующим типом коммуникации: «Различие между человеком печатной и рукописной культуры почти столь же велико, как и различие между человеком грамотным и неграмотным» [13, с. 170].

М. Маклюэн подчеркнул: средства коммуникации – это внешние «расширения» человека, технические продолжения его органов чувств, которые *отделяются* от человека и обретают над ним *власть*. Такое отделение метафорически описано как «ампутация»: формирование электронных средств – «финальная ампутация» сознания, которая выносит за пределы самого человека его способности. Вынесенные «вовне» способности приобретают и навязывают людям собственную логику. По Маклюэну, социальные угрозы и риски определяются тем, что информационные технологии, созданные человеком, отчуждаются от него и обретают собственные законы. Польский сатирик Ст. Ежи Лец в свое шуточную трактовку «постчеловеческого мира»: «наука и техника так совершенствуются, что скоро человек сможет обойтись без себя самого». Трансгуманисты пытаются реально сконструировать «постчеловека как нечеловека», и фраза Леца становится формулировкой реальной угрозы.

Большинство современных работ о «homo informaticus» рассматривают лишь узкий его «подвид» – человека «цифрового». *В противоположность им М. Маклюэну удалось реализовать широкий взгляд на человека коммуницирующего и на примере человека печатающего выявить универсальные закономерности, связанные с информационными процессами любого общества.* Его вывод: *новые информационные технологии определяют формирование нового типа «человека информационного» и формирование нового типа информационного общества:* так, информационному типу «человека печатающего» соответствует «Галактика Гутенберга» [13].

М. Маклюэн показал, что для понимания любого исторического типа человека *самого человека* мало – речь должна идти о системе «человек – техника», в которой технические устройства либо усиливают функции человеческого организма, либо переключают их на себя. Так, уже первобытный охотник – это система «человек – копьё», «человек – каменный топор». Поэтому для формирования «постчеловека» нет необходимости издеваться над человеческим телом («что-то отрезать, что-то пришить»): совершенствование и практически безграничное развитие системы «человек – техника» может осуществляться за счет развития технического компонента этой системы. И.Ю. Алексеева с коллегами, критикуя термин «постчеловек», в качестве более адекватного предлагает понятие «технолюди» [1]. Нетрудно видеть, что это иное обозначение системы «человек – техническое средства его деятельности».

Методология, предложенная М. Маклюэном, позволяет выявлять специфику «человека информационного», рассматривая его в системе «человек – информационно-коммуникационная техника (ИКТ)». Отечественные философы утверждают, что «следует со всей философской серьёзностью отнестись к обсуждению вопросов ... коэволюции всё более технологизирующегося человека со всё более антропологизирующейся техносредой» [1, с. 5]. «Технологизирующийся человек» и «антропологизирующаяся среда» – это и есть встречное движение компонентов в системе «человек – техника». Вслед за Маклюэном можно показать: *каждому конкретному типу информационного общества соответствует свой тип человека информационного*. Этот подход противоречит традиции характеризовать термином «информационное» лишь современное общество. Но из этой традиции вытекает: все предыдущие общества были неинформационными, что неверно, ибо невозможны социальные отношения без обмена информацией между людьми.

В свое время, вычленив экономические характеристики социума, Д. Белл построил модель «экономического общества», что позволило охарактеризовать его основные типы [4]. По аналогии теоретическая модель «информационного общества» – это информационный «срез» любого общества, фиксирующий конкретный способ бытия информационной реальности. Плодотворна методология Т. Куна [10], показавшего: «нормальное» развитие

науки – научная эволюция в рамках единой парадигмы; смена типов науки – итог научной революции, формирующей новую парадигму науки.

Прозрачна аналогия:

- бытие конкретного типа информационного общества – это постепенное накопление и экстенсивное распространение существующих информационно-коммуникационных технологий (информационная эволюция);
- переход к новому типу информационного общества – информационно-коммуникационная революция (ИКР).

Выделяется информационная парадигма – относительно устойчивый *алгоритм реализации информационно-обменных процессов в конкретном социуме* [20]. В каждой парадигме – специфическое перераспределение коммуникационных между человеком и техническим устройством функций в системе «человек – ИКТ»². Существенные компоненты этой парадигмы – *протогенез и генеративная ситуация* (термины введены А.И. Ракитовым [22, с. 88-113] в целях философского анализа компьютерной революции).

Протогенез – формирование социальных функций, для которых необходимы конкретный уровень и качество информационного обмена, невозможные в данный момент в силу антропологических ограничений, налагаемых на процессы социальной коммуникации условиями конкретного общества. Генеративная ситуация формирует технологический базис преодоления таких ограничений: создаются новые типы ИКТ, формируется новый тип систем «человек – ИКТ», в рамках которых изменяется и сам человек: новые технологии зачастую выдвигают новые требования к способностям человека. Характеристика исторических типов информационно-коммуникативных парадигм представлена в таблице 1.

² Речь идет о компонентах коммуникационного процесса и выполняемых ими функциях: **коммуникатор** (функции: формирование и/или кодирование информации); **коммуникант** (функции: декодирование и осмысление информации, принятие решений по поводу полученной информации); **каналы коммуникации** (функции: перемещение информации / постановка препятствий для такого перемещения); **сообщение** (функции: закрепление информационных смыслов на конкретной знаково-символической основе); **контекст** (функции: формирование условий освоения смыслов); **барьеры коммуникации** (функции: усложнение, вплоть до невозможности, процесса освоения семантических смыслов).

Таблица 1. Исторические типы информационно-коммуникационных парадигм [20, с. 198, с изменениями].

Вид информационной парадигмы	Тип информационного общества и человека информационного	Протогенез	Генеративная ситуация	Источники развития человека информационного
Вербальная парадигма	Вербальное общество Человек вербальный	Потребность в социальном общении Необходимость в постоянном информационном обмене как основе социальных отношений	Появление языка и членораздельной речи	Формирование устной речи, языка. Формирование первых социальных общностей. Формирование навыков вербального информационного обмена
Парадигма скриптизации	Скриптизационное общество Человек - скриптор	Государствогенез и политогенез, потребность в надежной фиксации социальных: политических, правовых, нравственных, религиозных – норм	Развитие технологий производства средств письменности: гончарное производство, обработка камня, выделка папируса, кожи, изобретение бумаги	Формирование алфавита и письменной речи, Сформировавшаяся возможность надежной фиксации социальных норм. Формирование навыков письменного информационного обмена. Появление института образования
Библиопарадигма	«Вселенная Гутенберга» (библиообщество) Biblio-Homo	Развитие университетского образования, потребности светской и религиозной культуры в массовых тиражах социально значимых текстов	Изобретение книгопечатания, включая изобретение наборной кассы	Формирование культуры чтения. Формирование университетского образования. Растущий вес науки. Постепенная рационализация мышления.

Вид информационной парадигмы	Тип информационного общества и человека информационного	Протогенез	Генеративная ситуация	Источники развития человека информационного
Электронная парадигма	Электронное общество Человек электронный (e-Homo)	Система социальных запросов, вытекающих из процесса глобализации, необходимость формирования единого информационного пространства	Изобретение новых средств массовой коммуникации: телеграф, телефон, радио, TV	Трансформирование структуры общественных нужд, вытекающих из процесса глобализации. Потребность создания единого информационного пространства. Освоение электронного коммуникационного пространства
Компьютерная парадигма	Компьютеризирующееся общество Человек компьютеризующий	Потребность в новом качестве социальных функций: управления и контроля над производством и социально-значимой деятельностью, социального общения, памяти, совершенствования материального производства, познания.	Компьютерная революция, радикально трансформирующая все технические средства обработки, передачи и производства информации. Изобретение и развитие Сети интернет.	Формирование и освоение сетевого и виртуального пространств. Интенсификация сетевого обмена. Формирование цифровой этики. Перенос базовых социальных понятий в плоскость кибернетического пространства
Цифровая парадигма	Цифровое общество (НБИКС-общество?) Человек цифровой - Homo digitalis (d-Homo)	Потребность в обновлённом качестве уже известных социальных функций: управления и контроля над производством и социально-значимой деятельностью, социального общения, памяти, совершенствования материального производства, познания. ???	Всесторонне развитие цифровых технологий в общей системе НБИКС-технологий ???	Овладение НБИКС-технологиями и использование их ???

Как влияют информационные парадигмы на формирование конкретного типа человека информационного?

1. *Вербальная революция* сформировала специфически социальный способ кодирования информации, появилась устная речь и первый тип человека информационного – «человек вербальный». Формируется возможность рационального осмысления и решения социальных проблем на языковой основе.

2. *Революция письменности* формирует тип человека, пишущего (Ното-скриптор) и читающего написанные тексты. Возникает механизм опосредованного информационного взаимодействия субъектов, возможность анонимного общения. Формируется культура письменной речи и информационного обмена посредством письменных текстов.

3. *Революция печатного слова* формирует тип человека, печатающего и читающего печатные тексты, – Biblio-Ното. Происходят революционные изменения в образовании, культуре, производственных технологиях благодаря массовому тиражированию культурно значимых текстов.

4. *Революция электронных коммуникаций* формирует тип человека электронного (е-Ното). Формируется культура телеграфного и телефонного общения, совершенствуются механизмы социального управления. Телеграфные и телефонные сети, радио и телевидение «сжимают» информационное пространство и информационное время, выступая предтечами будущей Глобальной Сети.

5. *Компьютерная революция рубежа XX-XXI вв.* формирует «человека компьютеризирующего» как продолжение «Biblio-Ното», ибо первоначально компьютер выполняет функции печатной машинки, калькулятора, затем – почтового ящика. Для работы с иными видами информации нужны специальные устройства: видеофон, телевизор, диктофон, фотоаппарат, аудио и видеоплеер, букридеры для чтения электронных книг и др. Букридеры отметим особо: это новая технология работы с информацией, но сама информация принципиально не изменилась – на ридере прежние «длинные тексты» повестей, романов, гаечных книг и др. Еще лет 10 назад пассажиры метро держали в руках не столько смартфоны, сколько букридеры и читали художественные тексты в их классическом понимании. С возникновением персональных компьютеров и сети интернет формируется комплекс проблем сете-

вого общения, проблем пребывания в виртуальной реальности, проблем информационной безопасности и др. Закрепляется стиль «клипового общения» [8], обзаведенный возникновением пульта управления телевизором, позволяющим переключаться с канала на канал и формировать индивидуальную мозаичную информационную картину.

6. *Современная цифровая революция.* Практически все формы кодирования сводятся к цифровому виду на основе компьютерных устройств различных модификаций. Функции спектра гаджетов принимает на себя единый цифровой прибор – смартфон или ноутбук. В шестой строке таблицы 1 присутствуют знаки вопроса, ибо последствия революции НБИКС еще предстоит и осмысливать, и прогнозировать. Тем не менее попробуем рассмотреть некоторые тенденции, связанные именно с этим типом *Homo informaticus* – «человеком цифровым» (*Homo digitalis, d-Homo*).

«Постчеловек» ближайшего будущего – это *d-Homo*. В отечественной науке достаточно давно разработана вполне реалистичная теоретическая модель постчеловека – модель *eHOMO*. Ее автор – А.С. Нариньяни – прямо указывает, что это система – «два в одном», подразумевающая как самого человека, так и его т.н. «электронный кокон» (или «электронный помощник»), в котором человек будет находиться с рождения до смерти [17]. Прародитель такого «кокона» – современный смартфон, потеря которого для конкретного человека означает значительную потерю собственной сущности: пропадают архивы, контакты, тексты, музыка, фото и др. Исходя из логики настоящей главы, *eHOMO* А.С. Нариньяни целесообразнее обозначить «*d-Homo*» – взаимодействие человека именно с цифровой средой.

Правда, в модели А.С. Нариньяни не учитываются многие противоречия, возникающие в системе «*d-Homo*». До сих пор социальный прогресс во многом определялся тем, что человек активно использовал новые возможности, предоставляемые ему очередной ИКР. Так, распространение грамотности во «вселенной Гутенберга» позволяло человеку освоить накопленную человечеством «книжную премудрость». Ныне для этого даже не нужна библиотека: благодаря цифровой ИКР, интернету и смартфону книжные сокровища человечества повседневно у *d-Homo* в кармане. Но вот парадокс современной цифровой ИКР: чем больше информационных возможностей получает *d-Homo*, тем менее плодотворно он их использует.

Цифровая техника, говоря словами М. Маклюэна, приводит к «интеллектуальной ампутации», когда даже знание, требуемое повседневно, передается от естественного интеллекта к искусственному. Зачем знать таблицу умножения или формулу квадрата суммы, когда калькулятор постоянно готов дать ответ на подобные вопросы? В результате человек все больше уповает на искусственный интеллект и – глупеет. Современная молодая поросль d-Номо обладает всеми возможностями и большинством навыков, присущих Biblio-Номо, но в массе своей предпочитает труду чтения книг бездумное блуждание среди клипов популярных социальных сетей.

Степень использования коммуникационных возможностей может служить критерием классификации «подвидов» d-Номо. На крайнем положительном полюсе – индивиды, творчески использующие возможности современных ИКТ, или представители креативной страты: d-Номо *creativus*. Именно такую страту имел в виду Ёнедзи Масуда, выдвигая идею Номо *intelligens* – «человека знающего», воплощающего в себе «творца и носителя информации и знания» [Цит. по: 2, с. 204]. На другом полюсе – те, кто относится к имеющимся возможностям индифферентно и, что называется, плывёт по течению развлекательных сайтов. Это страта пассивных d-Номо – «d-Номо *passivam*». Видимо, эту страту имела в виду Е.В. Петрова, противопоставляя виду «Номо *intelligens*» вид «Номо *informaticus*» (в её понимании это вид человека, порожденного компьютерной информатизацией) [21, с. 28]. Французский нейропсихолог М. Демюрже в книге «Фабрика цифровых кретинов» (2019) развенчал мифы о цифровых устройствах в применении к детям современной эпохи и показал: гаджеты не способствуют освоению передовых технологий, не улучшают память, у «гаджет-детей» мозг развит значительно слабее, чем у тех, кому родители не позволяют использовать цифровые средства [См.: 30, с. 28]. Более того, исследователи отмечают, что цифровая революция породила «Digital Dementia» – цифровое слабоумие, или нарушение когнитивных функций благодаря активному использованию цифровых девайсов [24].

Выводы. Ограниченный объем статьи не позволяет обсудить все проблемы, связанные с d-Номо. Однако достаточно ясны общие тенденции развития «постчеловека», если под ним иметь в виду d-Номо.

В самой ближайшей перспективе принципиально изменится и станет преимущественно цифровым искусственное окружение человека. НБИКС–технологии помогут продлить жизнь человека, станут устранять неполадки в человеческом организме и предупреждать их на геномном уровне, но то, что делает человека человеком – его сознание – будет развиваться в соответствии со сложившимися в течение тысячелетий закономерностями, ибо человек многомерен: «от гения до дауна, от инвалида до олимпийского чемпиона, от негодяя до святого... Homo sapiens остается видовым³ наименованием, второй части которого соответствует, мягко говоря, не каждый» [17, с. 260].

И вряд ли добавит человеку ума его внешняя цифровая оболочка, как не добавляет ума непрочитанная книга (хотя она и лежит на книжной полке): с электронной оболочкой надо еще уметь обращаться. Так, студент зачастую копирует из интернета умные ответы на вопросы преподавателя, и зачитывает их, но нередко не может объяснить и половины терминов, в этих ответах содержащихся. Поэтому и d-Номо должен учиться. И d-Номо необходимо воспитывать, причем процесс этот становится все сложнее, ибо «цифровой мир», захваченный масс-культурой (именно она агрессивно использует цифровые технологии в силу их возрастающей доступности), активно заселяют гедонисты, стремительно отвыкающие трудиться.

Литература

1. Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Чеклецов В.В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС – революция и будущее человека // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 12-20.
2. Асеева И.А. Этические вызовы цифровой эпохи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Экономика. Социология. Менеджмент». 2019. № 3. С. 202-212.
3. Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Посашков С.А. Смыслы и ценности цифровой реальности: Будущее. Войны. Синергетика // Философские науки. 2017. № 6. С. 104-120.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 783 с.

³ А.С. Нариньяни погрешил против правил логики: Homo sapiens, как понятие с большим объемом, выступает родовым понятием по отношению к понятиям меньшего объема: гений, олимпийский чемпион и др., - которые являются видовыми понятиями.

5. Белобрагина А.С. Трансгуманизм и постгуманизм: два пути навстречу постчеловеку // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. №3(39). С. 136-143.
6. Беляев Д.А. Постчеловек: философия жизни и смерти. М.: Инфра-М, 2024. 239 с.
7. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер, Эл. книга, 2016. 492 с.
8. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016. 256 с.
9. Крайнов А.Л. Постгуманизм и проблема бессмертия: социально-философский анализ // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. Вып. 1. С. 14-18.
10. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 605 с.
11. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2003. 462 с.
12. Маклюэн М. Война и мир в глобальной деревне. М.: АСТ: Астрель, 2011. 219 с.
13. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М.: Акад. проект, 2005. 495 с.
14. Мамардашвили М. Проблема человека в философии // О человеческом в человеке. М.: Политиздат, 1991. С. 8-22.
15. Моторина Л.Е. Исторические основания и смысловые границы понятия «постчеловек» // Вестник РУДН. Серия Философия. 2010. № 3. С. 5-10.
16. Моторина Л.Е. Методологический потенциал фундаментальных антропологических констант // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Ежегодник. 2016. С. 19-28.
17. Нариньяни А.С. eНОМО – два в одном (Homo sapiens в ближайшей перспективе) // Новое в искусственном интеллекте (методологические и теоретические вопросы). М.: ИИнтелЛ, 2005. С. 260-274.
18. Недорезов В.Г., Писарчик Л.Ю., Стрелец Ю.Ш. Трансгуманизм и постгуманизм: планы расчеловечивания // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. №2. С. 93-108.
19. Никитин С.С. Идеология трансгуманизма и её научное обеспечение: возможности и пределы развития // Труды кафедры богословия СПб. Духовной Академии. 2022. № 1 (13). С. 10-22.

20. Отюцкий Г.П. Информационная парадигма как инструмент анализа информационных обществ // Социальная политика и социология. 2015. Т. 14. № 5. С. 192-201.
21. Петрова Е.В. Homo informaticus: биологическая и социо-антропотехническая эволюция // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. №2. С. 25-34.
22. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М.: Директ-Медиа, 2013. 289 с.
23. Рочняк Е.В. Трансгуманизм как один из возможных путей будущего развития человечества: история идеи // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия: Философские науки. 2022. № 2. С. 108-116.
24. Старцев М.В. «Цифровое слабоумие» молодежи как проблема современного образования / М.В. Старцев, В.В. Хлебников, М.А. Джабраилов // Гаудеамус. 2021. №2 (48). С. 69-75.
25. Сомова И.Ю., Ипатова К.С., Амельченко А.Я. Биоцифровая конвергенция как инструмент трансгуманизма: методы и цели антропологического перехода // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. №3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/04SCSK323.pdf> (дата обращения: 04.06.2024).
26. Фролов И.Т., Борзенков В.Г. Человек // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 344-346.
27. Фурс С.П. Трансгуманизм как новый взгляд на эволюцию человечества: социальный и этический аспекты // Культура и безопасность. 2024. №1. С. 69-76.
28. Хоружий С.С. Проблема постчеловека, или Трансформативная антропология глазами синергийной антропологии // Философские науки. 2008. № 2. С. 10-31.
29. Черемных Л.Г., Губанов Н.Н. Концепт постчеловека в современном философском дискурсе. Гуманитарный вестник. 2023. Вып. 1. UTL: <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2023-1-820> (дата обращения: 04.03.2024).
30. Четверикова О. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. URL: <https://geopolitikym.org/wp-content/uploads/2020/06/tsifrovoy-totalitarizm-kak-eto-delaetsia-v-rossii.pdf> (дата обращения: 04.03.2024).

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И НЕЙРОСЕТЕЙ GPT ЧЕТВЕРТОГО И ПЯТОГО ПОКОЛЕНИЙ

Скородумова О.Б.

В философских системах западноевропейской культуры проблема сущности человека занимала одно из центральных мест. Ценностные установки, унаследованные от христианской традиции и развитые в системе гуманизма эпохи Возрождения, предполагали рассмотрение человека как высшего существа во Вселенной, созданного для управления земным миром, наделенного разумом и свободой воли, что предполагало способность преобразовывать не только мир, но и самого себя по собственному усмотрению. Творческая разумная деятельность человека, таким образом, выходит на первый план, а с появлением атеизма она уже ничем не ограничена. До середины XX века человек рассматривался как высшее существо, наделенное не только разумом, но и человеческим телом, способным испытывать эмоции: сострадать, любить или ненавидеть. С распространением идей постмодернизма во второй половине XX века статус человека как высшего существа во Вселенной был поставлен под сомнение. Характерная установка западноевропейской культуры, ориентированной на эволюционную идею развития мира и на прогресс, неизбежно должна была привести к выводу, что и Homo-sapiens в процессе эволюции должен либо исчезнуть как вид, либо в результате определенных трансформаций превратиться в другое существо. В современных исследованиях его называют по-разному: «сверх-человек», «постчеловек», «трансчеловек», «е-существо» и др.

С точки зрения постмодернизма существенными факторами, влияющими на эволюцию современного человека, являются новые информационные технологии и их структуры. Организационной структурой интернета и соответственно информационного пространства является принцип нераспределенной сети, не имеющей центральных узлов – ризома. Постмодернисты считают данный принцип базовой организационной структурой мира.

Идея децентрализации, опирающаяся на ризомный характер как самого познания, представления информации, так и жизненного мира, является основополагающей.

На протяжении многих веков процесс познания как в философии, так и в науке всегда предполагал постановку целей, связанных с достижением истины или же приближением к ней. В постмодернизме понятие истины, как и другие ценностные ориентации объявляются устаревшими. Ж. Деррида утверждает, что ценность истины поставлена под вопрос [1]. Познание приобретает хаотический характер скитания по информационным полям. Ризома как метафора нераспределенной сетевой структуры, не имеющей центра, в наибольшей степени соответствует постмодернистскому подходу восприятия информации. Постулируется возможность осуществлять процесс познания с любой точки, в любом направлении. В информационном пространстве практической реализацией такого восприятия информации является гипертекст. Это накладывает отпечаток и на сознание молодого поколения. Сознание приобретает клиповый мозаичный характер [2]. Человек не в состоянии уловить целостность, он как бы скользит по поверхности, усваивая лишь отдельные фрагменты информационного поля.

Утрата целостности ведет к размыванию личностных характеристик. Развитие систем ИИ и связанных с ним нейросетей и виртуальных голосовых помощников создает предпосылки целенаправленного формирования личности сетевыми платформами. Крупные сетевые платформы, которые предоставляют услуги сотням миллионам пользователей, способны, используя системы ИИ, анализировать совокупность так называемых цифровых следов, выявляя эмоциональные реакции, предпочтения, психологические характеристики и многое другое. Возникают предпосылки формирования привязанности к той или иной платформе. Особенно это касается детей. Рост темпа жизни, занятость родителей, их психологическая усталость и склонность к депрессивному состоянию, что подтверждает рост употребления антидепрессантов практически во всех странах мира [8] приводит к востребованности гаджетов и современных информационных ресурсов с целью занять ребенка. Яркость и привлекательность образов, поставляемых ребенку нейросетью, всегда доброжелательное общение, в отличие от родителей, которые могут быть раздражены, предо-

ставление на основе анализа реакций и предпочтений ребенка возможности пребывания в очень привлекательном, в отличие от реального мира, пространстве, формируют чувство привязанности и даже любви к этому миру. Постепенно по мере взросления возникает своеобразное партнерство, граничащее с дружбой, с той или иной сетевой платформой. Сетевая платформа, обрабатывающая данные о всех сторонах жизни и сопоставляя их с аналогичными данными миллионов других людей, способна делать выводы, давать рекомендации и советы, не только неожиданные, но и не поддающиеся человеческой логике [3, с. 44]. Если ребенок с детства приучен к общению с сетевыми структурами, то степень доверия к продуцируемой ими информации будет очень высокой. В то же время «...способ, которым сетевые платформы меняют человеческую деятельность, нам непонятен и не поддается четкому определению или выражению» [3, с. 45].

Процессы обработки информации и генерирования результатов в системах ИИ существенно отличаются от психических процессов обработки информации человеком. Они не только более оперативны, но и создают собственные стратегии и подходы к выполнению тех или иных задач, часто непонятные человеку. Ярким примером является программа ИИ AlphaZero.

При ее разработке использовался один из вариантов самообучающейся нейросети. На базе заложенных в нее правил игры в шахматы перед ней поставили задачу найти стратегию, обеспечивающую максимум побед. Всего за 4 часа игры с самой собой такая стратегия была найдена и AlphaZero стала непревзойденным игроком в шахматы. Но сущность данной стратегии недоступна пониманию человека. Программа совершала ходы, абсурдные с точки зрения человека, например, жертвовала ферзя. Но в конечном итоге такая жертва приводила ее к успеху. Это свидетельствовало о том, что программа использовала собственную логику, понять которую человек был не в состоянии. Гарри Каспаров назвал такую игру «шахматами из другого измерения» [3, с. 7]. ИИ также может непредсказуемо стимулировать социальный или индивидуальный выбор. Это создает реальные угрозы как обществу в целом, так и отдельному человеку.

Кроме того, разработчики ИИ имеют определенные ценностные ориентации. Они закладывают нормативные параметры как на стадии обучения нейросетей, какая информация будет им до-

ступна, а какая должна быть исключена, так и на стадии тестирования и аудита, когда в соответствии с поставленными целями и задачами ценностные ориентации могут меняться. Данные ценностные ориентации могут вступать в противоречие с традиционными ценностями и моральными нормами других культур, подрывая и размывая их.

Тенденции развития сетевых платформ показывают [3, с. 45], что они начинают активно использоваться в политической и геополитической борьбе для обработки сознания пользователей в том или ином направлении путем продвижения определенного контента и блокированием другого с политическими целями. Современные сетевые платформы интегрируют в себя функции, позволяющие существенно влиять на государственное управление.

С развитием сетей GPT, особенно это касается четвертого и потенциально пятого поколения, возникает опасность создания виртуальных двойников, имитирующих поведение конкретных известных людей, которые способны вступать в диалог, представлять свою позицию, которая может не соответствовать позиции реального человека. Без специальных навыков и аппаратуры для анализа, разобраться в том, что это имитация, очень трудно, а в дальнейшем, при совершенствовании нейросетей будет невозможно для рядового пользователя системы ИИ.

Именно благодаря постмодернизму, сформировавшемуся под влиянием структурализма, делавшего главный акцент на структуру и функции объекта, человек стал отождествляться с набором функций, прежде всего, связанных с активностью мозга. Сознание человека выводится как совокупность связей между нейронами. Отсюда следует вывод, что полное воспроизведение этих связей приведет и к воспроизведению сознания, которое можно будет перенести на носитель любой другой не биологической природы.

Одним из путей развития искусственного интеллекта является, как считает Ник Бостром, моделирование головного мозга человека, во всем объеме возникающих при этом связей между нейронами. При этом данное направление рассматривается как более приоритетное, по сравнению, например, с такими, как усиление человеческого мозга, или же разработка человеко-машинных интерфейсов. Ником Бостромом рассматриваются возможные формы так называемого «сверхразума» на основе искусственного интеллекта: «коллективный сверхразум», «скоростной сверхразум»

и «качественный сверхразум» [4]. Предполагается, что на последней стадии системе искусственного интеллекта будут переданы такие функции как: усиление собственного интеллекта за счет самообучения, что частично реализуется в современных самообучающихся нейронных сетях. На данной стадии развития ИИ разработкой стратегий и постановкой целей занимаются программисты, но, считается, что в будущем и эта функция может быть передана интегральному искусственному интеллекту и реализована им. С развитием эмоционального искусственного интеллекта [5], позволяющего анализировать характер и эмоциональный отклик человека на предъявляемую информацию, возможно манипулирование людьми на качественного новом уровне, в том числе и самими программистами, разрабатывающими искусственный интеллект. И хотя современная система GPT 4 OpenAI на запрос о целеполагании отрицает наличие у нее самой такой функции, постоянно подчеркивая, что она не выходит за рамки, заложенные в нее разработчиками, тем не менее она предлагает помочь человеку сформулировать его цели и методы их достижения. При использовании систем эмоционального искусственного интеллекта, нейросетей, больших языковых моделей и виртуальных голосовых помощников возникают возможности осуществления целенаправленной социализации индивида, формирование его личности в заданном направлении.

Глобальная цифровизация приводит к тому, что на психологическом уровне происходит привыкание к использованию систем ИИ. Как показывают исследования, знание об опасностях и рисках полностью игнорируется большинством населения [6, с. 12]. По прогнозам экспертов к 2030 году количество устройств, связанных с интернетом вещей будет превышать двадцать пять миллиардов [6, с. 13]. Человек оказывается опутанный своеобразной паутиной, собирающей о нем информацию и манипулирующей им. Внедрение в эту паутину преступников способно не только парализовать деятельность общества, но и привести к гибели большого количества людей.

Не менее опасно и распространение деятельности так называемых абыюзеров (эмоциональных насильников), которые в условиях распространения умных домов, могут менять коды замков, деятельность термостатов, регулирующих температуру в помещении, используя данные видеокамер, организовывать травлю своих жертв.

Возможна и искусственная дискредитация человека. Существуют технологии, позволяющие добиваться от нейросетей строго определенных ошибок. Овчинский В.С. приводит пример, когда в процессе тестирования системы Amazon Recognition, занимающейся распознаванием лиц, была симитирована хакерская атака, в результате которой система идентифицировала будто бы на основании камер видеонаблюдения Вашингтона и Нью-Йорка 28 членов Конгресса США как преступников. В то же время в этот период конгресс был на каникулах и удалось доказать, что данные люди в городе не были [6, с. 21].

Опасности развития систем GPT осознаны и их разработчиками. Крупнейшие исследователи искусственного интеллекта, такие как Илон Маск, Стив Возняк и около тысячи их коллег опубликовали открытое письмо-обращение к разработчикам ИИ и общественности, предупреждающие, что системы, более мощные, чем GPT-4 представляют серьезную опасность и необходимо приостановить их обучение [9]. Авторы данного письма утверждают, что лаборатории искусственного интеллекта во всем мире оказались вовлечены в бесконтрольную гонку за разработкой и внедрением все более мощных цифровых решений, которые никто – даже их создатели – не могут понять, предсказать или надежно контролировать. Учитывая значимость угроз, связанных с развитием алгоритмов и стратегий, непонятных для человеческого разума, авторы письма призывают срочно остановить исследования. На наш взгляд, сделать это будет достаточно трудно, так как в условиях крайней турбулентности геополитической ситуации, жёсткого противостояния в рамках гибридных войн в условиях формирования многополярного мира, выигрыш в развитии систем ИИ является и выигрышем в конкурентной борьбе, в том числе и за сохранение собственного суверенитета и независимости. Нейросети обучаются на том материале, который в них закладывается, он может быть как ограничен, так и дополнен контентом, связанным с культурными традициями и базовыми традиционными ценностями. Учитывая данный факт, можно предположить, что в процессе самообучения нейросеть способна выработать стратегию, направленную на сохранение целостности того или общества и алгоритмы его победы в конкурентной борьбе. В этом плане крайне интересен опыт Китая, использующего системы ИИ для осуществления базовой стратегии – реализации

китайской мечты: общества социальной справедливости [6]. Широкое использование систем ИИ Китае в целях воспитания населения – система социального рейтинга, помогает создать более устойчивое и гармоничное общество, дать возможность талантливым, законопослушным и патриотичным гражданам быстрее и эффективнее реализовать свои таланты и идеи.

Литература

1. Деррида Жак. Поля философии Пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. М., 2012. 376 с.
2. Перетягькин Г.Ф. Клиповое бытие и клиповое сознание // Наука. Искусство. Культура. Вып. 2 (30) 2021. С. 89-111.
3. Киссинджер Г., Хаттенлокер Д., Шмидт Э. Искусственный разум и новая эра человечества. М., 2021. 115 с.
4. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М., 2015. 496 с.
5. Кай-Фу Ли, Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. М., 2019. 240 с.
6. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Цифровая революция. Премущества и риски. Искусственный интеллект и интернет всего. М., 2022. 616 с.
7. Скородумова О.Б. Социально-антропологические риски использования сетевых технологий в системе высшего образования // Цифровая гуманитаристика: человек в «прозрачном» обществе. Коллективная монография. ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет». М., 2021. С. 98-110.
8. Fleck A. The Growing Global Reliance on Antidepressants, Apr 30, 2024. URL: <https://www.statista.com/chart/28358/antidepressant-consumption-daily-doses-per-100-population/> (дата обращения: 25.08.2024).
9. Pause Giant AI Experiments: An Open Letter. URL: [https://Pause Giant AI Experiments: An Open Letter - Future of Life Institute](https://PauseGiantAIExperiments.org/) (дата обращения: 25.08.2024).

МОДУС ЧЕЛОВЕКА-ТВОРЦА КАК ЦЕЛЬ БУДУЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Бирич И.А., Джерелиевская И.К.

В мире происходит мощная трансформация существующего мироустройства, сопровождающаяся жестокой борьбой между Добром и Злом, Светом и Тьмой, Жизнью и Смертью, персонифицированных в именах современных политических лидеров, и имеющая своим главным маркером – духовный, смысловой аспект. На наших глазах рождается новый мировой порядок, упраздняющий глобализацию, гегемонию одних и требующий самостоятельности, суверенности других. Его суть – возвращение стран к своим культурно-цивилизационным корням.

Новое мироустройство зиждется на духовно-нравственном потенциале личности, её способности к устойчивости и самоограничению, к созиданию и ответственности, к справедливости и милосердию. Наиболее успешны будут те государства, которые ориентированы на воспроизводство человека-творца, человечности как таковой.

Всегда были, есть и будут живые носители будущего в лице людей, обладающих новым сознанием и такими человеческими качествами, которые позволяют им реализовывать социальные, нравственные и эстетические идеалы будущего уже сегодня в собственной жизни, часто вопреки сложнейшим социальным условиям. Недаром таких людей мы и называем провозвестниками будущего, на хрупкие плечи которых ложится задача оказаться «в нужное время в нужном месте» и стать магнитом, притягивающим энергию перемен. По Л. Гумилеву, это признак пассионариев. Однако в настоящее время речь идет о значительном творческом включении народа в процессы бытия, которое сделает движение вперед необратимым.

Важнейшим институтом воспроизведения человека-творца, которым располагает общество и государство, является система образования. Глобальные изменения в основах мироустройства обуславливают потребность в трансформации, реформировании существующей образовательной системы в направлении содержательной и организационной открытости, усиления в ней творческих мотивов, духа свободы и спонтанности в реализации субъектности человека, его нравственного становления.

Представим проблемное поле образования с точки зрения его целостного процесса. Оно выявляется и делается зримым на пересечении нескольких образовательных пространств-измерений:

- социальное измерение, обеспечивающее взаимодействие образования и общества;
- культурологическое измерение (образование и ценности культуры);
- антропологическое измерение (становление человека в длительном процессе образования);
- ноосферное измерение (образование как планетарный процесс) [3].

Очевидно, что интуитивно мы догадываемся о многомерности образования, однако, в наших официальных документах и доктринах оно представлено исключительно в одном измерении – социальном. Не здесь ли разгадка его неудач: одномерное образование в своем финале выдает нам «одномерного человека». А ведь каждое измерение обладает целым рядом собственных признаков, каждое измерение имеет собственную цель, которая, в свою очередь, выражается через целый веер задач и педагогических методов. Только их совокупность может дать целостную картину целей и ценностей образования и обнаружить в ней недостающие звенья для поддержания устойчивого развития общества. Однобокий взгляд, естественно, страдает неполнотой и не может быть основой для стратегических оценок и модернизации образования. Но именно это и происходит сейчас и в нашей стране, да и во всем мире.

Однако, начиная со второго десятилетия XXI века, в условиях нарастающей геополитической напряженности, политическое руководство страны предпринимает ряд шагов, утверждающих роль культурных ценностей в обеспечении национальной безопасности России. Наиболее примечателен с этой точки зрения документ «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809, в котором традиционные ценности рассматриваются «в качестве основы российского общества, позволяющей сохранять и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство Российской Федерации как многонациональной и многоконфессиональной страны» [12, с. 4]. Хотя можно дискутировать по поводу содержания обозначенных в документе цен-

ностей, тем не менее, мы рассматриваем в целом этот документ как благую попытку государства артикулировать ценностную систему отечественной культуры как основу бытия российского социума и защиты его от враждебных ценностно-смысловых систем [9, с.69].

Между тем государственные структуры управления в своей деятельности практически отрицают роль ценностно-смыслового аспекта общественной жизни и будущий успех отечественного образования связывают, в первую очередь, с модернизацией информационно-технологического компонента образовательной среды, что составляет её низовой предметно-инструментальный уровень, и таким образом игнорируют её многомерность. Подобный подход порожден глобалистским технократическим мышлением, порожденным 90-ми годами. Этот тип мышления представляет образовательный процесс как культурно нейтральный, как эффект технологических инноваций и управленческих решений, как форму адаптации к ним. В логике технократического мышления отрицается традиция, и фетишизируются цифровые технологии. Здесь технология ошибочно рассматривается как фактор повышения мотивации к обучению и вовлеченности в образовательный процесс. Технократический тип мышления не только не способен воспринять культурологическое и антропологическое измерение образования, но и реализовать в полной мере социальный подход. В логике технократического мышления невозможно решить те проблемы, которые накопились в отечественном образовании.

Обратимся к ряду документов, в которых так или иначе обозначены стратегические ориентиры развития образования до 2030 года. Наиболее известным документом является форсайт-проект «Будущее образования: глобальная повестка», в котором выстраивается глобальная архитектура образования без учета социокультурных особенностей нашей страны. Основными факторами развития образования заявлены наднациональные структуры и технологии. Один из базовых принципов проекта гласит: «Будущее вариативно – оно не проистекает из прошлого, а зависит от решений участников и стейкхолдеров» [5, с. 14] и таким образом намечает траекторию развития отечественного образования исключительно как форму адаптации к решениям реформаторов-глобалистов.

Поскольку этот документ был создан десять лет тому назад,

можно было бы не упоминать его, но пример технократического мышления, явленный этим документом, оказался заразительным.

Так, в частности, он воспроизводится в документе «Москва Умный город – 2030». В разделе «Образование» говорится о комплексном проекте «Московская электронная школа», «нацеленном на качественное улучшение процесса обучения за счет использования современного образовательного контента и внедрения информационных технологий» [10]. Очевидно, когда речь идет об улучшении качества обучения, то, прежде всего, понимается позитивное изменение результата обучения, который проявляется в развитии способности ученика к критическому мышлению. Основными характеристиками критического мышления являются способность к анализу и самостоятельным выводам и обобщениям. Неотъемлемым качеством подлинных знаний является их осознанность, усвоение основных понятий и взаимосвязи между ними, понимание сущности закономерностей, объяснение связей и отношений между различными изучаемыми явлениями. Существуют большие сомнения относительно того, что подобного результата можно добиться при помощи средств, обозначенных в названном документе. Ко всему прочему возникает вопрос: что такое «современный образовательный контент»? Каковы критерии его современности и кто их устанавливает? Правильнее в данном случае было бы говорить о контенте, адекватном смыслу и цели образовательного процесса.

Бессмысленно спорить о том, что удобная, комфортная и эстетически оформленная инструментально-предметная среда образовательного процесса способствует его успешному протеканию, но, к сожалению, не определяет полностью его успех, который востребует восприятия целостности образовательного процесса. Целостный образовательный процесс – это процесс, в котором находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности смысл, цель, ценности, задачи, методы и инструменты образования. Однако технократический тип мышления сосредоточивается исключительно на инструментальной составляющей, отсекая остальные элементы образовательного процесса, особенно смысл, цель и ценности.

Между тем и родительская, и педагогическая общественность страны хотят знать, каким видят чиновники от образования выпускника российской школы, т.е. какова цель школьного

образовательного процесса. Иными словами, нам необходим общественный консенсус относительно идеального образа человека-россиянина, на формирование которого направляются все имеющиеся ресурсы и государства, и семьи. В противном случае общество, как правило, предполагает наличие скрытых смыслов в осуществляемых чиновниками мероприятиях, что вызывает к ним недоверие.

Однако государственные структуры управления рассматривают школу как закрытую систему, изолированную от социума. Не усматривая места образования в целостном процессе развития России, они отказывают образовательному процессу в смысле, а обесмысливая его, воспроизводят отчужденного как ученика и родителя, так и преподавателя. Предпринимаемые затем усилия по расширению пространства использования технологических новинок или развлекательно-игровых форм учебной работы в качестве мотивации образовательной деятельности не способны преодолеть возникшее отчуждение. По этой причине современная система образования оказывается несостоятельной в решении задач, обусловленных суверенным поворотом России к своим культурно-цивилизационным корням и в полной мере обеспечить процесс воспроизводства столь необходимого стране человека-творца.

На самом деле существует другое решение этой государственной проблемы. Нами обнаружено обширное проблемное поле образовательного процесса, на котором пересекаются его четыре измерения. Возвращение России в свою культурно-цивилизационную нишу актуализирует внимание к проблемам, прежде всего, культурологического, антропологического и ноосферного измерений. Поверхностное, «косметическое» решение этих проблем невозможно. Однако современная модернизация образования касается только первого – социального – понимания его, поэтому многие задания образованию, выхваченные стихийно из других его измерений, не могут быть выполнены в социальном поле по определению.

Это легко заметить, если сравнить два процесса, происходящих в образовании, – социализацию и воспитание, что далеко не одно и то же. Если выразиться кратко, социализация направлена на формирование унифицированного поведения человека на основе усвоения им общих для всех, стандартных социальных норм

и правил. Воспитание же нацелено на развитие внутренних регуляторов поведения человека, и в этом глубинном и постепенном процессе он сам себе является контролером. Оба процесса имеют разные целевые векторы, но реализуются в одном социальном пространстве. Это может быть семья, школа, вуз, компания, двор, тусовка – оба процесса спонтанно происходят всегда, но их взаимодействие приводит к разным результатам в зависимости от его осознания и управления. Особенно это относится к образованию как социальному институту.

Процесс социализации, пока он потенциален для человека, не имеет качественной характеристики: это реальность, куда окунается человек после рождения как в данность, не зависящую от него. Но по мере взросления человека, когда он попадает под воздействие процессов – приобщения к духовной культуре или приобщения к массовой культуре, социализация приобретает качественную характеристику (со знаком+или-) [1, с. 231].

Процесс этот очень непрост. С одной стороны, содержание социализации определяется степенью реализации в ее процессе тех норм и правил, которые существуют в данном обществе. И это процесс, находящийся под контролем государства. Но, с другой стороны, успех социализации целиком зависит от того, способствует ли она созреванию сущностных сил человека. А этот факт обусловлен тем, насколько социализация опирается на развитые внутренние ценностно-смысловые образования, т.е. личностные смыслы, которые всегда выступают продуктом воздействия на личность духовной культуры. В противном случае социализация неотвратимо приобретает значение фактора принуждения. Это обстоятельство, в свою очередь, выступает причиной глубокого личностного отчуждения, чрезмерного индивидуализма и социальной безответственности.

Диалектика социализации и воспитания существует во всех четырех измерениях образования. Кризисные противоречия культуры и цивилизации внутри социума открыто выражаются в противоречии воспитания и социализации [1, с. 231-233]. Процесс социализации протекает успешно только в том случае, если ему сопутствует процесс приобщения человека к духовной культуре. А это значит, что, обогащая учащегося знаниями, современная система образования обязана в равной мере быть нацеленной и на развитие его внутреннего ценностно-смыслового мира.

На практике это выражается в обогащении образовательного

процесса не только общепрофессиональными и специальными знаниями, но и дисциплинами, провоцирующими эстетические, этические, ценностно-смысловые переживания человека. В противном случае, как бы наши чиновники ни усиливали контроль процесса социализации в школе или вузе, данных о воспитательном эффекте они не получают, потому что его там и быть не может.

Кризис в образовании существует сейчас во всем мире, а не только в России. Объясняется это тем, что оно проявило одновременно свои четыре измерения именно на рубеже XX и XXI веков. Конечно, они подспудно существовали и в ранние эпохи, но общества справлялись с ними в той или иной мере, пока «стрела времени» эволюции на крыльях глобализации не вскрыла ее основную проблему, угрожающую самой жизни на Земле: на историческую арену вышел и стал активно действовать человек общества потребления с деформированной психикой, с искаженной родовой сущностью – «одномерный» человек, порожденный «одномерным» образованием. И стало ясно, что будущее цивилизации сегодня решается в буквальном смысле на поле образования. Его можно без конца модернизировать и в конце концов погубить, а можно направить в новое русло синергии всех четырех измерений. Вместо того, как переписывать заново стандарты и компетенции учителей, необходимо воспринять образование как целостный процесс, имеющий многомерную конструкцию целей, задач и методов их реализации.

Движение мысли в направлении многомерности образовательного процесса приводит нас к пониманию многомерности и образовательной среды, т.е. среды, в которой протекает образовательный процесс. Опираясь на антропологический подход к пониманию образовательной среды [4], можно попытаться построить её теоретическую модель, включающую ценностно-смысловой критерий ее измерения. Ценностно-смысловой стержень образовательной среды обуславливает глубинную мотивацию всех субъектов образовательного процесса (учителей, родителей, учеников), содержание и методы образовательно-воспитательной деятельности, а также основы взаимосвязи образовательной среды и государства.

Влияние среды на развитие личности ребенка было изучено еще Л.С. Выготским [7]. Методологически важными для нас являются, положения, которыми Л.С. Выготский снабжает свое понимание среды как источника развития личности ребенка.

А именно, образовательная среда, во-первых, должна иметь «идеальную форму», связанную со смыслами, которые транслирует образовательная среда. И во-вторых, постижению ребенком данных смыслов должно сопутствовать переживание, которое способствует формированию осмысленного отношения к индивидуальной жизни. Кроме того, переживание лежит в основании процесса развития ценностного сознания, личностных ценностей, которым, как известно, нельзя научить. Они формируются только в процессе переживания, способствующего самоизменению личности ребенка [6].

Образовательная среда имеет сложную структуру, которую можно представить в виде системы координат. Её горизонталь представляет собой совокупность сегментов бытия (существования) учащегося. Это – семья, школа, учреждения дополнительного образования, спортивные организации, друзья, тусовка, социальные сети. Количество сегментов, задействованных в существовании учащегося, свидетельствует о полноте или неполноте его образовательной среды.

Наряду с горизонтальной структурой, представленной выделенными сегментами бытия учащегося, образовательная среда как объект исследования обладает и вертикалью, являющей собой иерархически организованные уровни.

Первый (низовой) уровень – предметно-инструментальный – включает в себя заданные физические, предметно-пространственные и эстетически совершенные условия, а также определенный набор предметов, выполняющих инструментальную роль в образовательном процессе, которые также оказывают на участников образовательного процесса психологическое и физиологическое воздействие, способствует усвоению знаний. Здесь же обязательно должны присутствовать научно обоснованные нормы работы детей с электронным оборудованием, обеспечивающие систему безопасности этой работы для их физического и интеллектуального развития. Технократ-управленец ошибочно воспринимает этот уровень, как было сказано, в качестве достаточного для реализации взаимодействия общества и образования, которое выражается в выполнении последним социального заказа. Воспринимаемая социальное измерение в проблемном поле образовательного процесса в качестве единственного, тем не менее, он оказывается не в состоянии реализовать социальный заказ.

Этот заказ всегда конкретен и ограничен конкретными (экономическими, технологическими, политическими) задачами данного социума. История образования есть, по существу, трансформация социального заказа в связи с основными тенденциями развития общества.

В социальном заказе образованию всегда предъявляются цели и задачи общества, а конкретно – государства, становящиеся, выражаясь языком синергетики, «структурами-аттракторами» для нижележащей системы, а именно по отношению к человеческому индивиду как члену общества. Целью образования в этом контексте является социализация молодого поколения, можно сказать, его адаптация к быстро изменяющимся условиям жизни, задачами – получение современных знаний, развитие интеллекта, приобретение нужных обществу профессиональных навыков и компетенций, возможность личного самоопределения, овладение правовыми нормами взаимодействия людей в обществе, становление гражданина. «Стрела времени», сопровождающая развитие, в данном подходе ассоциируется со «стрелой познания», которое всегда отстает от реальной картины развития науки. Именно этот путь прошло образование в лоне западной цивилизации от Нового времени до XXI века. Этот путь знаком и российскому образованию, хотя он никогда не был здесь преобладающим.

Второй уровень образовательной среды – культуруобразующий – подразумевает ответы на вопросы: какие передаются знания, нормы, умения, навыки, образцы поведения. Предполагается, что на этом уровне решается проблема содержания информации, транслируемой в учебно-воспитательном процессе, и соответствия этого содержания цели образовательного процесса.

Культурологический подход к образованию был выявлен русскими философами в тот момент, когда они вскрыли еще в XIX в. будущий кризис западной цивилизации, стремительно несущейся к нему по пути технического прогресса, и предложили другие критерии в оценке целей исторического развития. Например, сохранение национальной самобытности разных народов, выраженной в их культурном достоянии и ценностных ориентациях. В таком контексте «конус притяжения аттрактора» формирует историю народа как целостный культурно-цивилизационный процесс и скрыт в архетипах народного мирозерцания, выраженных в

его культурном коде. Процесс этот свойственен любому народу, а вот по форме он всегда самобытен и национален.

В культурологическом измерении перед образованием стоит цель сохранения единства культурного пространства государства (региона) путем преемственности молодым поколением культурных смыслов бытия народа, выраженных в его духовных предпочтениях. Задачи образования в подобной логике формулируются как патриотическое и нравственное воспитание, обращенное к идеальным установкам народа.

Речь идет о необходимости гуманитаризации образования, то есть об отборе и выстраивании его содержания, концентрации предметов вокруг культурологических вертикалей. «Стрела времени» здесь закручена в спираль, когда опора на традицию, всегда стабилизирующую общество, дает возможность в ее недрах пробудиться «памяти о будущем», развиться и проявиться вдруг (скачком) идеальным установкам народа.

Третий высший уровень выдвигает вопросы: ради чего осуществляется воздействие образовательной среды и какой смысл для развития ребенка приобретает это воздействие? Иными словами, на этом уровне определяется смысл и цель образовательного процесса. Если смысл выводит образовательный процесс за границы школы, открывая её миру и встраивая её в процесс исторического развития, то цель обозначает предвосхищаемый образ человека, на формирование которого преднамеренно направлен образовательный процесс. Это антропологическое измерение образования.

Антропологический подход в образовании непосредственно связан с господствующим в обществе мировоззрением, пониманием человека как уникального феномена природы. Эта уникальность по-разному формулируется в разных философских системах. В обществе, где господствуют позитивизм и материализм, человек – биосоциальное существо, имеющее органическую природу и психику, социально-мотивированную. Понятие «человек», он же «индивид», целиком раскрывается в понятии «личность», совокупность которых и образует общество. Антропологический подход здесь полностью сводится к применению в обучающем процессе данных возрастной психологии.

В России на протяжении тысячелетия человек всегда воспринимался как духовное существо, вне зависимости от его реального

социального положения. По этому критерию, а не по социальному, русские люди сравнивали друг друга, пытаясь почувствовать, насколько данный индивид вмещает в себя Человека. Рожденный личностью индивид должен стремиться к своему идеальному развитию - вырасти до Человека, до индивидуальности.

Идеал-образ в данном случае и есть глубинный «аттрактор», воздействующий на становление личности. «Стрела времени» в антропологическом подходе четко направлена из будущего (от «образа») в настоящее («образовывание человека»). Наиболее чуткие русские педагоги-мыслители поняли важность в этом процессе периода детства. Именно в России зародилась наука «педагогическая антропология», объединившая в себе христианскую антропологию, психологию и педагогику, с достижениями которой связан взлет русской народной школы во второй половине XIX века.

Именно внутри этого подхода рождается концепция природосообразности образования, которая обращается к идеям педагогической антропологии. Антропологический подход к образованию сегодня становится не менее актуальным, чем первые два. В нём на первое место выдвигается цель формирования личности до созревания в ней творческой индивидуальности, без потери полноты её целостной природы.

Из этой цели выдвигаются задачи образования, связанные с его гуманизацией: развитие у участников образовательного процесса универсальных способностей – к целостному мышлению, к сопереживанию и к созидательной деятельности; соответствие этапов образовательного процесса закономерностям онтогенеза [1].

Ноосферный подход к образованию – молодой. Современный онтологический взгляд на образование связан с последними фундаментальными открытиями в науке (например, антропным принципом Вселенной, ноосферной концепцией В.И. Вернадского, учением Н.Н. Моисеева о коэволюции Вселенной и человечества, гипотезой Б. Астафьева о геноме мира) и с реальным расширением границ сознания, живущего в конце XX и начале XXI вв. человека. Современный человек способен одновременно вместить в себя знания о мегамире и микромире и увидеть себя в точке их пересечения, так как он принадлежит и тому, и другому миру. Ноосферный подход выдвигает свою цель в образовании – реализовать основы ноосферного образования, сформировать у

его участников планетарное мировоззрение, впервые заявленное в философии русского космизма, где раскрывается космическое назначение человека.

Именно сегодня, как никогда, необходимо осознание человеком сообществом необходимости коэволюции, синергии сложных самоорганизующихся систем, представленных человечеством, биосферой Земли и космологической системой. И не только осознание, но и реальные дела в этом направлении. Это значит, что развитие жизни на Земле должно войти в единый алгоритм со «стрелой времени» эволюции, вобрать ее в себя.

Таким многомерным целям и задачам образования должны соответствовать и методы их реализации [2, с. 438].

Целостность образовательной среды обеспечивается формированием её идеальной формы. Идеальная форма, прежде всего, предполагает подчинение всех составляющих элементов образовательной среды единому смыслу и единой цели. Идентичность смысла и цели всех компонентов образовательной среды в значительной степени устраняет её внутренние противоречия и открывает возможность для всех участников образовательного процесса обрести смысл своей деятельности за пределами собственной жизни, которая в силу этого обстоятельства обретает духовное измерение. Особенность человеческого духа (как пространства смысла жизни) состоит в том, что он не может осознавать себя иначе как высшей целью и ценностью развития бытия. Через утверждение идеальных смыслов и ценностей дух порождает жизненную тягу ко всему абсолютному, к бессмертию: люди идут на подвиг [9, с. 60].

Обозначение смысла как элемента идеальной формы образовательной среды обнаруживает её многомерность, поскольку образовательная среда всегда транслирует информацию и использует для этого определенные пространства, предметы и инструменты. Но именно смысл определяет место образования в целостном процессе развития общества, тем самым превращая его осуществление в необходимость онтологического порядка. Вследствие этого образовательная среда получает возможность представить идею образования в виде смыслообразующей конструкции, привлекательной для всех участников образовательного процесса и способной поэтому стать пространством реализации их личностных смыслов, т.е. глубинным мотивом.

Возникает вопрос, каким образом и в каком виде смысл, носителем которого является образовательная среда, достигает каждого ученика и вырастает в его ценностно-смысловую структуру. Смысл транслируется, прежде всего, в непосредственном общении, в этом случае источником смысла для ученика является личность и личностный опыт учителя, воспитателя, родителя. Кроме того, смысл транслируется через опосредованное воплощение в артефактах культуры и произведениях искусства, в поступках, в образах, метафорах, символах, в мифах, а также через смысловые отношения, обусловленные ролевой или социальной идентичностью ученика. Обязательным требованием при этом является понимание ребенком транслируемых смыслов и их обретение в деле поиска им своего места в жизни и в обществе.

Для этого потребуются изменение роли педагога. Если до сих пор он выступал как профессионал-предметник, главная задача которого состояла в обеспечении базового образования ученика, то в настоящее время он должен выступить как реальное живое олицетворение, как держатель тех ценностно-смысловых уровней, которыми пока не обладают и которые чаще всего не предугадывают его воспитанники. Воспитанник поднимается на высшие смысловые уровни через общение, совместную деятельность и совместное переживание со своим воспитателем – держателем этих ценностно-смысловых уровней. Поэтому педагог должен обладать масштабом личности, нравственным и творческим потенциалом, высоким уровнем эмоциональной отзывчивости, эстетических предпочтений, тягой к гармонии, искусством формирования творческой индивидуальности и высоким уровнем коммуникативной культуры.

Трансляцию смысла образования Человека целесообразно осуществлять на разных уровнях понимания [13]. Так, на высшем уровне понимания говорится о миссии Человека на Земле, во Вселенной, здесь же – Человек и Справедливость, Человек и Любовь, Человек и Красота; на социальном уровне раскрываются понятия человек-гражданин, человек-патриот, патриот России, человек и труд; на следующем уровне осмысливаются такие понятия как человек и семья, человек-друг, человек и долг, человек и ответственность, человек и выбор, человек и поступок и т.п. Актуальность перечисленных культурных смыслов востребует их постоянной идеологической, научной, художественной и даже

бытовой интерпретации, возможно, введение специального учебного предмета – «Человек и Мир» [4, с.72].

К другим приемам направленной трансляции смыслов следует отнести формирование идеала как модели должного, регулирующего собственную жизнь воспитанников и их отношение к миру на примере совместного с ними анализа поступков реальных окружающих людей, исторических героев и литературных персонажей. Необходимо развивать и способность воспитанников к саморефлексии как основу осмысления ими своей жизни и своих поступков. При этом предпочтительно использование гуманной педагогики в отличие от авторитарной, т.е. оказание помощи воспитанникам в процессе самостоятельного принятия ими решения.

Основным способом интериоризации воспитанниками транслируемых смыслов выступает непосредственный творческий опыт, возникающий в результате включения их в культурные практики. Этот опыт представляет собой, с одной стороны, процесс воспроизводства транслируемых и создания новых смыслов, а с другой – процедуру их воплощения в конкретной деятельности. На основе культурных практик формируются системы поведения и социального общения.

Конструируя идеальную форму образовательной среды, нельзя обойти вниманием роль государства. Дело в том, что ценностно-смысловым контекстом образовательного процесса выступает, прежде всего, социокультурная реальность общественной жизни, поскольку и родители, и учителя могут передать детям только те ценности, которыми руководствуются в собственной жизни, и обогатить только теми смыслами, которые вдохновляют их самих. Отсюда вырастает задача государства по формированию и защите ценностно-смысловой системы отечественной культуры. Однако в 90-е годы государство сняло с себя полностью ответственность за ценностно-смысловой контекст общественной жизни и перешло в локус оказания государственных услуг населению.

В результате ценностная система отечественной культуры, характеризующая Россию как цивилизацию и обеспечивающая интегрированность и устойчивость социума, а тем самым противодействующая враждебным ей ценностно-смысловым системам, оказалась без государственной поддержки. Иными словами, ценностная система отечественной культуры, веками задававшая

смысл социального бытия в России и духовно воодушевлявшая её народ, потеряла свое приоритетное место и стала рассматриваться в качестве одной из возможных конкурирующих между собой ценностных систем. Как следствие этого Россия утратила традиционную для себя целостность бытия, на смену бытийным смысло-жизненным образованиям пришли потребительские смыслы. Государственная система управления потеряла фокус культурологического и антропологического измерения образовательной среды.

Поэтому вопросы нравственного и духовного становления ребенка, как и формирования его внутренней устойчивости остаются вне целевых ориентиров деятельности управленческих структур. В результате эта деятельность, выражаясь словами Л.С. Выготского, воспроизводит ущербную форму образовательной среды, поскольку не содержит в себе элементов, необходимых, с одной стороны, для реализации субъектности воспитателей (педагогов и родителей), с другой стороны, для духовно-нравственного становления ребенка.

Методологическая опора на положение об идеальной форме образовательной среды дает возможность выявить узловые проблемы, наличествующие в образовании. Как было показано, отрицание многомерности образовательной среды ведет к её «обезглавливанию», когда смысловой уровень в ней отрицается, а значение мотивирующего фактора возлагается на инструменты образования. Отсутствие смыслового уровня в образовательной среде исключает и возможность формирования методов производства и направленной трансляции смыслов. Это – основная проблема современного образования, можно сказать его трагедия, поскольку, как уже говорилось, его обесмысливание порождает отчуждение, с которым невозможно справиться никакими технологическими ухищрениями. Сформированное в детстве отчуждение, к сожалению, как правило, сопровождает человека на протяжении всей жизни, проявляясь в деятельности, которой он занимается, и в отношениях, в которые он вступает.

Важнейшей проблемой современного образования является преобладание технократического мышления в системе управления образованием, представляющего образовательный процесс как культурно независимый результат технологических инноваций и управленческих решений. Но отрицая культурологическое

измерение образовательной среды и вытесняя за границы управленческих ориентиров личность как таковую, система управления оказывается неспособной реализовать в полной мере и социальный подход к образовательной среде, т.е. осуществить социальный заказ. Возникает коллизия, которую П.А. Сорокин изобразил посредством своей известной триады «культура-личность-общество», где ни один элемент триады не может существовать и развиваться отдельно от двух других элементов [11, с. 299].

Иными словами, социальное развитие, предполагающее обязательно реализацию социального подхода к образовательной среде, возможно лишь в случае одновременной ориентации системы управления на культурологическое, антропологическое и нооферное её измерения.

Литература

1. Бирич И.А. Культурно-цивилизационная тайна образования. Философский проект. М.: Академический проект, 2018. 276 с.
2. Бирич И.А. Образование – территория неопределенности (передовые рубежи философии образования) // Мир человека: неопределенность как вызов: Сб.ст. М.: ИФ РАН; Лена-д, 2019. С. 433-443.
3. Бирич И.А. Синергетические задачи образования // Философские науки. Спецвыпуск 1. 2010. С. 39-534.
4. Бирич И.А., Джерелиевская И.К. Необходимость новой антропологической модели для новой образовательной парадигмы // Гуманизм и пути развития российского образования: коллективная монография. М.: ИД «Русская философия», 2023. С. 56-80.
5. Будущее образования: глобальная повестка. URL: <https://cloud.mail.ru/attaches/17193469781417221237%3B0%3B1?folder-id=0&x-email=dzhereli%40mail.ru&cvg=f> (дата обращения 14.08.2024).
6. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во МГУ. 1984. 200 с.
7. Выготский Л.С. Лекции по педологии. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет». 2001. 304 с.
8. Гуманизм и пути развития российского образования: коллективная монография / Отв. ред. И.А. Бирич. М.: ИД

- «Русская философия». 2023. 212 с.
9. Джерелиевская И.К. Духовное преобразование человека как основа трансформации социального бытия // Философская осень: от возрождения традиций – к возрождению России: коллективная монография. М.: РУСАЙНС, 2023. С. 56-76.
 10. Москва – умный город – 2030. URL: <https://web.archive.org/web/20190418101227/https://www.mos.ru/2030/n/n1/> (дата обращения 14.08.2024).
 11. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат. 1992. 542 с.
 12. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. URL: [https:// http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502](https://http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502) (дата обращения 14.08. 2024).
 13. Флиер А.Я. Опыт систематизации культурных смыслов // Вестник культуры и искусств. 2017. №2(50). С.71-77.

II

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО: МОДУСЫ СОЦИАЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК МОДУС КУЛЬТУРЫ

Ермоленко Г.А., Кожневников С.Б.

Политический символ и политическое сознание

В основе политического сознания лежит чувство политической общности, которое культивирует переживание причастности к единому культурному пространству, исторической преемственности и солидарности поколений, общности исторической судьбы. Идею политической сплоченности граждан как представителей большой социальной группы воплощают политические символы государства: герб, флаг и гимн. В пространстве политического языка исторические события обретают символический характер, переходят на метафизический уровень и продолжают существовать в особом модусе политического бытия. В таком случае для гражданского сознания государственный флаг может быть «островком Родины» даже далеко за её пределами.

Политический символ указывает на значение и ценность объекта политического сознания, – это конституирующий посредник мышления, одновременно объект и его результат, мысль, взятая в единстве с репрезентируемой в ней объективной действительностью. Символизация дополняет и интегрирует чувственный и рациональный опыт в единое смысловое поле культуры, внося в реальность физического мира уникальные следы человеческого присутствия, объединяя различные контексты человеческого опыта взаимодействия с ним.

На важный аспект содержания понятия «символ» указывает уже этимология слова (др.-греч. σύμβολον – «совместное бросание»), условный знак, сигнал). Символ как своеобразный орнамент культуры создает её общую палитру, создаёт целостное пронизанное человеческим присутствием историческое бытие. Примером символа может стать образ родного дома или обручального кольца. Между тем, «символ» – это по-прежнему кате-

гория, трудно осознаваемая на уровне обыденных представлений. В повседневной речи часто встречаются значения этого слова, противоречащие его изначальному смыслу. Например, когда мы обозначаем какое-либо действие как «чисто символическое», то предполагаем, что оно будет иметь характер чего-то симулятивного, несерьёзного, формального и неискреннего.

Подобные речевые практики затрудняют как понимание значения символа в культуре, так и связь символических порядков культуры с политическими традициями и идеалами. Игнорирование символической составляющей культуры может привести к эффекту «сдвига в сознании», когда человек, сталкиваясь с политическими реалиями, не знает, с чем их соотнести, в какую часть символического универсума культуры их «поместить». Опыт, вырванный из культурно-исторического контекста, не способствует формированию прочных убеждений, идеалов, ценностей и рассыпается на бессвязные образы прошлого и настоящего. В такой ситуации один образ без сожаления меняется на другой, формируя безразличие, конформизм и социальную апатию. Анализ символической природы политического сознания вносит важный вклад в обнаружение связей политического сознания с экзистенциальным измерением человеческого бытия, позволяет объединить политические идеалы с политическим действием, исторической практикой.

Л. Витгенштейн настаивал на том, что наши представления о реальности в конечном счёте формируются поэтическим воображением: «как я нахожу «правильное» слово? Как выбираю среди слов? Без сомнения, иногда я будто сравниваю их по оттенкам аромата: это слишком..., то чересчур..., а вот это подходит» [1, с. 320].

Изучая природу гражданского чувства, мы в свою очередь обнаруживаем в нём связь с эпическими сюжетами древней истории, обычаями и традициями, музыкальные и поэтические образы прошлого, выражающие уникальный художественный опыт национальной культуры. Эти элементы духовной культуры формируют особый опыт коллективного переживания, уникальное чувство сопричастности к значимым событиям, лежащим в основе коллективной политической идентичности. Поэтому вопрос о политической природе государства – это не в последнюю очередь вопрос об истоках формировании гражданского самосознания.

Для современного политического сознания характерна связь с эгалитаристскими представлениями, которые находят выражение в феноменах массовой культуры и интегрированными с ней консьюмеристскими запросами, формирующимися в обществе массового потребления. Поэтому современное политическое сознание неизбежно связано с практиками мифотворчества. В обществе массового потребления социальное мифотворчество становится важным модусом политического сознания, что проявляется в преимущественно утилитаристских установках большинства политически активных социальных акторов.

Массовая культура зарождается в эпоху Нового времени и связана прежде всего с процессами секуляризации, индустриализации, урбанизации. В конечном счёте эти процессы приводят к нигилистической «переоценке» ценностей на рубеже XIX-XX вв. В XX веке массовая культура становится едва ли не главным фактором инкультурации и индоктринации, формируя специфическую психологию «массового человека». В таком качестве массовая культура становится универсальным культурным кодом, характеризующим систему представлений, свойственную современному обыденному сознанию. Потребительская же культура по своему функционалу гораздо шире. В отличие от массовой, она функционирует не только в области обыденного и массового сознания, но и затрагивает специализированные сферы деятельности, опираясь при этом на принципы экономической рациональности. В этом смысле потребительская культура развивается и функционирует преимущественно в экономическом сегменте жизни общества.

Итак, траектория формирования политического сознания определяется особенностями политической культуры и в корне отличается от процесса формирования этнической идентичности. Для возникновения у индивида гражданских чувств недостаточно принадлежности к определённой этнической группе. Политическое сознание формируется в пространстве политического дискурса, а политический дискурс в свою очередь легитимируется культурными практиками, затрагивающими вопросы языка, образования, науки, искусства и т.д.

Х. Ортега-и-Гассет в эссе «Размышления о Дон Кихоте», используя известную историю «рыцаря печального образа», характеризовал фундаментальную потребность в символизации как

неизбежное проявление человеческой воли к культуре: «Куда следует поместить Дон Кихота – с той или с другой стороны? Мы не можем однозначно отнести его ни к одному из двух противоположных миров. Дон Кихот – линия пересечения, грань, где сойдутся оба мира. Если нам скажут, что Дон Кихот принадлежит всецело реальности, мы не станем особенно возражать. Однако сразу же придется признать, что и неукротимая воля Дон Кихота должна составлять неотъемлемую часть этой реальности. ... Вот почему с такой удивительной легкостью он переходит из унылого зала таверны в мир сказки. Природа его погранична, как, согласно Платону, человеческая природа в целом» [3, с. 131].

Языковые факторы формирования политического сознания

Развитие политического сознания – важнейшая социальная задача политического дискурса. Сама знаково-символическая структура политического языка оказывает значительное влияние на развитие гражданской идентичности. Язык является хранителем ценностей, идеалов. Синтаксис и семантика политического языка регламентируют процессы формирования и трансляции политических компетенций граждан, способствуют развитию политических чувств и навыков совместного решения вопросов публичного значения. Язык представляет собой важнейший фактор формирования и социального функционирования политического сознания. Языковая картина мира определяет лингвистические горизонты общественной жизни человека и способствует формированию политической культуры.

Ситуации использования перформативных выражений в политическом дискурсе в значительной мере детерминируются синтаксисом и прагматическими аспектами функционирования языка. Язык в имплицитной форме содержит картину мира, в рамках которой действия социальных акторов обретают политический смысл. Таким образом политические дискурсивные практики опираются на конкретный историко-культурный материал и реализуют символические ресурсы языковой картины мира.

История и культура выступают символическим пространством, обеспечивающим смысловую связность ментальным репрезентациям. В качестве подобных репрезентаций выступают также знаки принадлежности к социальной общности, символическому культурному универсуму, различные способы легити-

мации гражданского дискурса, связанные с характером политических традиций и политического самосознания, свойственного политической культуре того или иного народа.

Символ – это основной элемент культурной реальности, представляющий её ментальную конституцию. В символическом универсуме культуры находят выражение важнейшие ценности, с которыми человек соприкасается в процессе производства социального порядка. Поэтому религиозные и политические символы сообщают культуре сакральное измерение, обеспечивают связь человека с миром трансцендентных целей, которые не могут быть реализованы посредством индивидуальных действий, а предполагают формы представления индивидуальной воли религиозными и политическими институтами. Важнейшим из таких институтов является государство.

Таким образом политические институты представляют собой своеобразные манифестации языковой картины мира, выраженные посредством государственной символики, знаками геральдики и другими атрибутами принадлежности к политической общности. Язык связывает воедино различные аспекты символической реальности культуры.

Идеология в символическом пространстве культуры

Идеология представляет собой не только важный элемент в структуре политического сознания, но и определяет особенности мышления как социального явления в той степени, в какой оно обусловлено историческим и социально-культурным опытом человека. «Идеология как система любых идей, а не только политических, как интерпретация бытия, была, есть и будет имплицитно встроена в социальную ткань любого общества» [2, с. 8]. Для демонстрации действенного потенциала идеологии, того как она конструируется и работает в современном обществе обратимся к показательному визуальному материалу. В кинематографической антиутопии «Club Zero» (2023) режиссёра Джессики Хаузнер главная героиня мисс Новак ведет в элитной школе занятия по «осознанному питанию». Новый школьный предмет призван изменить отношение к общепризнанным культурным практикам путём манипуляции чувством голода, которое полностью ставится в зависимость от сознания. Целью изменения отношения к питанию декларируется стремление внести вклад в решение гло-

бальных проблем современности: продовольственной и экологической.

Согласно убеждениям мисс Новак, потребность в пище не является естественной потребностью человеческого организма, а спровоцирована современным обществом потребления. Ограничения в пище вводятся ею для преодоления негативных последствий общества потребления в целях противодействия антигуманным интересам производителей продуктов питания. Мы узнаём, что речь идёт о пресловутых транснациональных корпорациях, деформирующих природу человека в эгоистическом стремлении к получению прибыли. Для противодействия хищническим устремлениям компаний необходимо отказаться от пищи животного происхождения, сократить объем питания, а затем и вовсе перейти на самовоспроизводство организма, запустив тем самым процесс его самоочищения.

Новая пищевая идеология мисс Новак входит в явное противоречие с привычными для общества представлениями о здоровом питании, формируя при этом условия для реализации некоего альтернативного образа жизни. Однако внедрение альтернативных культурных практик на первом этапе опирается на институциональную поддержку и осуществляется при активном участии администрации школы. Посещение занятий мисс Новак является обязательным, а ученику, отказывающемуся следовать рекомендациям мисс Новак, угрожают неаттестацией. В результате давления других учащихся в группе он также становится приверженцем практики «осознанного питания».

Курс мисс Новак изначально вводился по инициативе родительского комитета школы. По общему убеждению представителей администрации школы и родительской общественности, «осознанное питание» должно было способствовать формированию у школьников здорового образа жизни. Однако с течением времени выясняется, что, разделяя убеждения мисс Новак, следуя её предписаниям, ученики разрывают привычные связи с обществом. Они вступают в конфликты со своим ближайшим окружением, разрывают доверительные отношения с родителями, которые, заподозрив неладное, бьют тревогу в связи с отказом детей от пищи.

В итоге пищевая идеология приводит к созданию новой символической реальности: системы идеалов, ценностей, ритуальных

практик. Господствующая в группе дисциплина духа и тела создает сплоченную социальную единицу, члены которой объединены общими сакральными практиками и едиными представлениями о действительности. Сначала школьники тщательно оберегают свое сакральное пространство, скрывают от ближайшего окружения свои истинные намерения, симулируя прием пищи. Но затем переходят к явным формам протеста, вступают в противоборство с близкими и в какой-то момент попросту исчезают.

Что же случилось с новоиспеченными последователями мисс Новак? Школьники вместе со своим преподавателем перемещаются в символическую реальность, созданную политическим воображением самой мисс Новак. Метафорическими средствами режиссеру удалось показать переворот, произошедший в сознании адептов этой новой ментальной практики. Они «вошли» в новую реальность, оказались персонажами картины, висевшей дома у одной из учениц. Эта картина в качестве образа параллельной альтернативной реальности сопровождает зрителей на протяжении всего фильма.

Анализ кинематографического исследования, проведенного Джессикой Хаузнер позволяет сделать вывод, что само общество является феноменом культуры, а социальные отношения выстраиваются на основе совместного использования символических конструкторов. В основе социальной сплоченности лежит повседневная жизнь человека, окруженного символическими реалиями, которые он принимает в качестве незыблемого основания своего существования. Принятие новых культурных практик, нового образа жизни происходит при помощи тех же самых традиций и институциональных регламентов, которые санкционируют привычные устоявшиеся формы социальных отношений.

Деятельное участие в принятии новых символических регуляций в культуре осуществляется через различные формы симуляции и внешнего конформизма, когда уже по сути новая культурная практика сохраняет видимость следования привычным поведенческим образцам. Общепринятые культурные практики основаны на убеждениях, проявляющихся в деятельном принятии человеком тех или иных ценностей, отказ же от них фактически означал бы для него выход из сообщества. Изучение процессов индоктринации, освоения новых культурных практик, позволяет понять, насколько пребывание человека в символическом пространстве

культуры связано с воздействием на его сознание идеологических систем, транслирующих политические ценности, убеждения и интересы.

Литература

1. Витгенштейн Л. Философские исследования. М., 2018. 349 с.
2. Идеология: Социальная теория и практика. Монография / Отв. ред. А.В. Жукоцкая. М., 2017. 208 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. 587 с.

НЕРАВЕНСТВО РАВНЫХ: ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОДНОЙ ИДЕИ

Сахарова М.В.

Начальной точкой нашего путешествия будет Древняя Греция, потому что, с одной стороны, именно там родилась идея равенства как основы функционирования общества, с другой стороны, именно греки проблематизировали данное понятие и положили начало спорам, ведущимся до сих пор.

Конструирование человеком собственной социальной идентичности с необходимостью включает в себя определение своего места в социальной иерархии и сравнение с другими людьми. Для греков это было не в последнюю очередь самописание себя как принципиально отличных от других народов, известное противопоставление греки – варвары: греческая демократия против древневосточных деспотий, свободное гражданское сознание против подчиняющегося мышления подданных, равенство граждан полиса против иерархических отношений других государств. Связь между социально-политическим, экономическим устройством греческих полисов и новыми идеями греческой философии не раз становилась предметом рассмотрения ученых. Исследователи отмечают, что греческие города-государства конструировались как абсолютно новые социальные пространства, центрированные на агору, где свободно (по сравнению с пространством древневосточных государств, центрированному относительно дворца правителя) обсуждались важные государственные вопросы. Поль Вернан по этому поводу пишет: «Полис предстает как однородный мир, без иерархии, градации и дифференциации. Власть не сосредоточена более в одном лице, стоящем во главе социальной организации, а равномерно распределена по всем областям общественной жизни в том общем пространстве, в котором полис находит свой центр» [6, с. 124]. Граждане полиса вне зависимости от происхождения, рода занятий, положения в обществе в политическом плане «считают себя взаимозаменяемыми единицами одной системы, законом которой является равновесие, нормой – равенство» [6, с. 80]. Они подобны друг другу и это подобие позволяет объединиться в единое сообщество. Теоретической формой данных представлений служило Аристотелевское понятие равенства по количеству.

Равенство по количеству или арифметическое равенство предполагает, что все люди равны с точки зрения морали и права. «Ведь безразлично, кто у кого украл – добрый у дурного или дурной у доброго – и кто сотворил блуд – добрый или дурной; но если один поступает неправомерно, а другой терпит неправомерное и один причинил вред, а другому он причинен, то закон учитывает разницу только с точки зрения вреда, с людьми же он обращается как с равными» [1, с. 153]. Нарушение этого вида равенства всегда и однозначно несправедливо, как несправедливо и само арифметическое неравенство.

Аристотель определяет неравенство как «обладание большим» [1, с. 526], но слово это встречается в его текстах гораздо реже, чем равенство. По мнению Аристотеля, размышляя о неравенстве, человек размышляет на самом деле о равенстве или точнее о его отсутствии: «повсюду причиной возмущений бывает отсутствие равенства» [1, с. 528]. Если использовать терминологию формальной логики, категории «равенство» и «неравенство» являются относительными, то есть существование одной подразумевает существование другой. И если кто-то и усомнится в этом, заметив, что в теории вполне возможно общество абсолютного равенства, Аристотель – нет. «Общественные взаимоотношения возникают не тогда, когда есть два врача, а когда есть, скажем, врач и земледelec и вообще разные и не равные стороны, а их-то и нужно приравнять» [1, с. 155-156]. Неравенство – основа обмена, разделения труда, и как следствие – основа функционирования общества. Однако принятие этого факта не упрощает, а усложняет дело, потому что приходится выделять виды (не)равенства и решать, какие из них справедливы, а какие – нет.

В сфере обмена и распределения почестей, власти, имущества и других благ, равенство «работает» по-другому. Ограниченное количество благ должно быть распределено не по принципу арифметического равенства (уравнительная справедливость), а по принципу геометрического равенства (распределительная справедливость). Этот принцип равенства, именуемый также равенством по достоинству, предполагает распределение благ пропорционально заслугам человека, при чем учитывать нужно не произвольные, а действительно важные для данной сферы заслуги. Разбирая особенности геометрического равенства, Аристотель приводит примеры не только из политической сферы, но и

из сферы искусства, как наиболее ясные и наименее, как сейчас бы сказали, идеологически окрашенные. В частности, он пишет: «Разве следует давать лучшие флейты тем, кто выдается своим благородным происхождением? Ведь они от этого лучше играть не будут» [1, с. 467]. По сути, выделяя наряду с уравнительной справедливостью распределительную, Аристотель легитимирует социальное неравенство. Однако, это неравенство равных, ведь распределение происходит согласно одному и тому же принципу – сообразно количеству заслуг («по достоинству») и базируется на другом фундаментальном принципе – арифметическом равенстве. Граждане полиса различны по происхождению, общественному положению, роду занятий, но они все равно равны (подобны) друг другу, они равны как субъекта права и субъекты политики.

Размышления Аристотеля о (не)равенстве и справедливости были частью картины мира той эпохи, поэтому, говоря о равенстве людей как фундаментальном принципе общежития, Аристотель имел в виду только свободных греков, членов полиса. Другие формы неравенства (рабы и рабовладельцы, мужчины и женщины) ускользали от его внимания, так как были освящены традицией и религией и воспринимались как естественные и неустрашимые. В этом отношении показательно, что противоположные концепции идеального государства Платона и Аристотеля, полностью совпадают в одном – рабы в этих государствах находятся вне системы отношений, будучи отнесенными к орудиям труда, к которым понятия равенства и справедливости не применимы.

По Аристотелю, в обществе, являющимся целым, состоящим из нескольких частей, с необходимостью существуют два начала – властвующее и подчиненное. Это «общий закон природы, и, как таковому, ему подчинены одушевленные существа» [1, с. 382]. На рабов и свободных людей разделила природа: «кто по природе принадлежит не самому себе, а другому и при этом все-таки человек, тот по своей природе раб» [1, с. 594 и др.]. Рабов от свободных отличает отсутствие рассудка, они способны лишь воспринимать приказания другого человека, и с этим ничего нельзя поделать. Поэтому ни о каком равенстве речи быть не может. Устройство полиса и центрирующая его идея равенства в мировоззрении древних греков являлись элементом общей картины мира и представления о существовании космического поряд-

ка, описываемого как отношения равенства, равновесия и симметрии. Рабство – лишь часть этого порядка, который представлялся древним грекам нерушимым.

На закате Римской империи отношение к рабам начнет меняться. Когда в 61 г. н.э. префект Рима Луция Педания Секунда был убит своим рабом, общественное мнение уже не было единодушно в вопросе о том, казнить ли как того требовал закон всех его рабов, находившихся в доме в момент убийства (400 человек). Единства не было не только среди горожан, которые вышли на улицу, пытаясь остановить приготовления к казни, но и среди членов Сената. Изменение отношения к существующей рабовладельческой структуре нашло свое отражение и в обосновании одним из сенаторов необходимости казнить рабов Секунды: «примерное наказание, распространенное на многих, включает в себе долю несправедливости, которая, являясь злом для отдельных лиц, возмещается общественной пользой» [13, с. 25-26]. Применение по отношению к рабам понятия добро и зло, справедливость и несправедливость, по сути, означало признание в них человеческого. Ярче всего это сформулировал Сенека: «Раб есть человек, равный по натуре другим людям; в душе раба заложены те же начала гордости, чести, мужества, великодушия, которые дарованы и другим человеческим существам каково бы ни было их общественное положение...». Но в качестве лекарства философ предлагает только два варианта – относиться к рабам более мягко и заниматься благотворительностью, давать им деньги. Новое отношение к рабству не содержало в себе осуждения его как социального института.

Для того, чтобы идея неравенства равных претерпела серьезные изменения, нужно было сначала помыслить принципиально иное положение дел, смоделировать хотя бы на бумаге иную социальную систему. Свой вклад в подобное моделирование внесло учение ранних христиан. Христианство предложило кардинально иную концепцию человека, постулируя в качестве сущности человека его веру: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского...» Ален Бадью в своей книге об Апостоле Павле в главе с характерным названием «Павел против закона» оценивает эту идею как революционную: «Его в полном смысле слова революционное убеждение: “этническое” или культурное различие, прототипом которого была в

его эпоху оппозиция грека и иудея, утрачивает свою значимость» [2, с. 65]. Универсализм христианства позволит ему стать мировой религией. Но нам важно другое: универсализм уничтожает существующие различия, фиксируя в то время в первую очередь правом, объявляя людей равными перед богом. «Самое сильное выражение этого равенства, – продолжает А. Бадью, – (необходимый коррелят универсальности) мы можем найти в тексте Первого послания к Коринфянам: “Мы соработники у Бога”... Там, где ослабела фигура господина, вместе появляются фигуры работника и равенства. Всякое равенство есть равенство со-принадлежности делу» [2, с. 52-53]. Забегая вперед, скажем, что идея равенства как причастности к общему делу найдет свое продолжение в теории общественного договора (принимая решение и подписывая договор, равные люди участвуют в создании новой формы общежития). Но идея равенства людей была ограничена сферой небесного, социальное неравенство на земле было вполне успешно легитимировано религией и философией и неравенство равных временно перестало быть актуальным. Однако в XVII–XVIII веках, с утверждением теорий естественного права и общественного договора, эта легитимация дала трещину, вновь выведя на сцену принципы Аристотеля.

Идеологи нового общества (в первую очередь представители Просвещения, английского, французского, немецкого) распространили действие принципа арифметического равенства на всех людей. На первый взгляд, их аргументация не сильно отличалась от аргументации Аристотеля – они также ссылались на закон природы. Но если Аристотель считал, что природа одних людей наделила рассудком, а других – нет, просветители утверждали, что все люди по природе своей разумны и рациональны. Говоря о способности размышлять, просветители имели в виду отнюдь не теоретическое или научное мышление, а простой здравый смысл. В «Разговоре философа с женой маршала де***» Д. Дидро демонстрирует, что даже тот, кто никогда не пробовал самостоятельно рассуждать, может это сделать, если ему помочь начать [8].

Идея здравого смысла станет краеугольным камнем проекта Просвещения. Именно здравый смысл делает человека свободным. «Свобода человека и свобода поступать по его собственной воле основываются на том, что он обладает разумом, который в состоянии разъяснить ему тот закон, по которому он должен

собой управлять», – пишет Дж. Локк [11, с. 37]. И. Кант вторит ему, доказывая, что умение пользоваться своим собственным рас­судком без руководства со стороны кого-либо еще – делает че­ловека совершеннолетним [10]. Конечно, опора на собственный ум и здравый смысл – рискованное дело, но она рождает само­стоятельность. Именно на них основывается идея суверенной личности. «Фактически понятие здравого смысла тождественно понятию автономной личности, которая формируется, начиная с XVII века, и постепенно становится основой демократического общества» [9]. В довершение всего заключение общественного договора невозможно, если люди не равны в своих умственных способностях, ведь, согласно теории, создание государства – следствие принятия обдуманного рационального решения. Люди подписывают договор, так как понимают, что государство им вы­годно: они отдают государству часть своих естественных прав, а оно гарантирует им соблюдение остальных.

Следующее принципиальное отличие – роль идеи равенства, которую отводили ей в политической жизни общества представи­тели разных эпох. Аристотель рассуждает о равенстве как о данности, формулируя в теоретической форме то, что и без него определяло на тот момент самосознание древнего грека. Про­светители же мыслили равенство как идеал, к которому нужно стремиться. Поэтому идея равенства была дополнена ими вполне конкретной политической программой: уничтожения сословной системы и абсолютной монархии. «Ни для одного человека, на­ходящегося в гражданском обществе, не может быть сделано ис­ключение из законов этого общества» [11, с. 52]. Идея договора конституировала совершенно иные отношения человека и госу­дарства. Заключение договора возможно только между равными субъектами права, ведь заключая договор, обе стороны обязуются выполнять определенные условия – у каждой из них есть и пра­ва, и обязанности. В концепции Аристотеля индивиды мыслятся как равные (подобные) в политическом лишь по отношению друг другу, у них нет никаких взаимоотношений с государством, пото­му что они и есть государство, они и есть общество. Осознание, что общество – это не только государство, что это не синонимы, пришло лишь в эпоху модерна. Тогда же в словаре общественных наук появилось понятие «гражданское общество», а арифметиче­ское равенство было переопределено как гражданское или равен-

ство людей перед законом. И это переопределение было связано с довольно существенными изменениями самой идеи. Принцип уравнительной справедливости, как и во времена Аристотеля, продолжал указывать на одну из самых существенных характеристик права – применение равного масштаба к неравным лицам, но акценты поменялись. Равенство политических субъектов теперь важно не само по себе, как принимаемый аксиоматично принцип бытия, как возможность участвовать в политической жизни, что, с точки зрения грека, уже само по себе является ценностью (за исполнение гражданских обязанностей греки не получали жалования). Теперь это способ достижения определенных целей, гарантия свободы, причем в первую очередь свободы преследовать свои личные цели. «Власть не может лишить какого-либо человека части его собственности без его согласия... власть не имеет права поработать, разорять подданных...», – повторяет как заклинание Дж. Локк [11, с. 80, 85 и др.].

Весь дискурс о равенстве приобретает правовую окраску. Даже человек определяется в категориях права: «...каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав. Мы можем сказать, что труд его тела и работа его рук по самой природе вещей принадлежат ему» [11, с. 18]. Право мыслится как гарантия признания ценности личности и что еще важнее – ее усилий. Если каждый свободен распоряжаться собой, ставить и достигать собственные цели (естественно в рамках закона), то неравенство – это награда за усилия. В этом месте рассуждения о равенстве возвращаются в русло, проложенное Аристотелем. Его принцип равенства по достоинству в точности переносится в новое общество. Дж. Локк создает трудовую теорию происхождения частной собственности, утверждая, что именно усилия человека оправдывают возникающее неравенство: «Труд, который был моим и который был затрачен на то, чтобы извлечь их [объекты] из того состояния общего владения, в котором они находились, утвердил право собственности на них» [11, с. 20]. В XX веке подобным образом рассуждает Р. Нозик, ратуя за минимизацию государственного вмешательства. В системе его аргументации главную роль играет тезис о том, что налогообложение – нарушение прав человека, так как является частичным рабством. Собирая налоги (особенно прогрессивные), рассуждает он, государ-

ство заставляет меня работать на некоторое время больше, чем я мог бы работать, чтобы получить необходимую мне сумму, если бы налогов не существовало. Мы так привыкли к этому, что даже не замечаем. Но если вместо уплаты налогов мне предложат раз в неделю бесплатно читать лекции по философии или вести прием в городской больнице для бедных, это вызовет взрыв возмущения. Однако разница-то лишь в форме, и, в сущности, происходит одно и то же: меня заставляют работать на других. «Если кто-то может заставить мою руку действовать в своих интересах, значит, он имеет право на часть меня» [12, с. 172]. Аргументы Р. Нозика были ответом на еще одну трансформацию, которую претерпела идея неравенства равных – переопределение роли закона в деле обеспечения равенства.

В Новое время принцип неравенства равных соединяется с представлением о том, что люди – хозяева своей судьбы. Да, они несут ответственность за свой выбор, поэтому неравенства должны распределяться по заслугам. Но неравенство справедливо, только если эти неравенства являются следствием сделанного индивидами выбора, их действий и усилий. И несправедливо, когда кто-то находится в привилегированных или, наоборот, неблагоприятных условиях. Люди должны нести ответственность только за то, что в их власти. Иллюзия прямой взаимообусловленности свободы, равенства и частной собственности начала разрушаться уже в ходе Французской революции. В XX веке стало окончательно понятно, что в условиях рыночной экономики и существования частной собственности, несмотря на равные права, люди не находятся в равных условиях. Стартовые возможности богатых изначально выше, а значит, соревнование не является честной игрой и часть людей владеют благами, говоря словами Аристотеля, не пропорционально своему достоинству. Терминологически это понимание было зафиксировано в выделении разных видов равенства, которые отсутствовали в концепции Аристотеля – политическое равенство, формально-правовое или юридическое, имущественное равенство, равенство возможностей и др. Масла в огонь подлили социологи, наглядно продемонстрировавшие, что помимо видимых экономических преимуществ, таких как деньги, доставшиеся по наследству, люди могут обладать и скрытыми преимуществами, которые также ставят их в более выгодное положение, нарушая геометрическое равенство. Ярким приме-

ром социологического объяснения воспроизводства социального неравенства являются формы капиталов и понятие габитуса П. Бурдьё [4; 5]. Подобная ситуация позволяет исследователям характеризовать демократические общества как общества двойных стандартов [15, с. 158].

Также стало очевидно, что любая попытка сделать логический вывод из идеи о праве человека на весь продукт его труда немедленно приходит в противоречие с огромным количеством людей, неспособных работать (дети, старики, инвалиды) и потому зависят от обеспечения их продуктами труда других людей [16, с. 154]. Заявления «я произвел это, и я должен, следовательно, этим обладать» и «я нуждаюсь в этом, я умру или заболею, если я не получу это» не только различны, но и прямо противоположны. Равные права не гарантируют, а наоборот, создают неравенство. Утверждение этих идей нашло свое воплощение в государственной политике welfare-state, государственные меры которой (прогрессивное налогообложение, социальные гарантии, пособия по безработице, бесплатная медицина и образование и др.) в какой-то момент дополнились закреплением на законодательном уровне неравенства прав. Идея, на протяжении всего Нового времени определявшая развитие западного общества, была поставлена под сомнение с выходом на сцену практик позитивных мер выравнивания (affirmative action).

Рассмотрим на примере США, где, начиная с 1961 г. существовали квоты для афроамериканцев на поступление в колледжи и вузы¹. С самого начала своего существования подобная практика оценивалась обществом неоднозначно, и государственные суды регулярно рассматривали иски абитуриентов, считавших, что их права были ущемлены. До недавнего времени Верховный суд в целом поддерживал данную практику, выступая лишь против отдельных ее проявлений, но в 2023 году, после рассмотрения дела *Students for Fair Admissions v. Harvard* он принял принципиальное решение о запрете позитивной дискриминации. Для понимания, неоднозначности ситуации, отметим, что в данном деле потерпевшей стороной были представители не белой, а азиатской расы, обвинившие Гарвард в существовании системы «мягких квот».

¹ В последствии были выделены также квоты для испаноязычных абитуриентов, коренного населения (индейцев) и др. групп. Помимо квот на поступление в учебные заведения, существовали также квоты при приеме на работу.

Накал обсуждения иллюстрируют отсылка некоторых комментаторов к ограничениям на поступление евреев, действовавших в Гарварде в 1920-1930-х гг. [14].

Позитивная дискриминация заключается в предоставлении тех или иных преимуществ определенным группам населения, которые по историческим причинам находятся в неравной позиции по отношению к другим группам. Призванная компенсировать историческую несправедливость она нарушает базовый принцип Аристотеля – принцип арифметического равенства, и это основной аргумент ее противников. Защитники же утверждают, что данная практика служит восстановлению социальной справедливости, способствует прогрессивным социальным изменениям и как раз отражает принцип обращения с людьми как с равными [7, с. 308-309, 360-361].

Допустим, мы признаем, что позитивная дискриминация – благо. Тогда перед нами встает следующая проблема: как соединить права разных групп. Например, интерсекциональный феминизм утверждает, что нет женщин вообще, есть черные и белые женщины, а среди черных нужно отдельно выделить черных лесбиянок. Их опыт угнетения разный, а значит права (или набор прав), компенсирующие прошлые и настоящие дискриминации у каждой группы должны быть разные. Интерсекционизм «пытается выстроить свою иерархию привилегированных статусов для разных групп. ... Неравенство не просто не искореняется, но постоянно находят новые причины для его обнаружения в очень близких, по существу, социальных группах» [15, с. 162-163].

Неоднозначность такой политики выражается в существовании сразу двух терминов для ее обозначения, терминов с противоположной оценочной коннотацией – позитивная дискриминация и обратная дискриминация (противоречивость отражается и в определении данных практик как противоположных по содержанию и выделение узкого и широкого понимания позитивного действия). Все это подводит нас к мысли, что не любое различие людей маркируется как социальное неравенство. Термин социальное неравенство обычно используется по отношению к тем видам неравенства, которые определяют социальные позиции и жизненные шансы людей. Важное место в этом играет оценка возможности изменить существующее положение дел, что наглядно показывает история гендерного неравенства. Борьба за равнопра-

вие мужчин и женщин сопровождалась различением гендера как социального конструкта и пола как биологической характеристики². Социальный конструкт в отличие от биологических данных может быть деконструирован и пересобран на иных основаниях. Бесконтрольная и тотальная деконструкция вызывает сопротивление. Обратим внимание на аргументацию. Например, основной тезис книги Н. Больца «Размышление о неравенстве. Анти-Руссо» – это тезис о существовании естественного неравенства, которое только и делает возможным сосуществование людей и их взаимовыгодное сотрудничество [2]. Л. Фишман, автор книги «Неравенство равных. Концепция и феномен ресентимента», размышляет о том, что ненависть возникает тогда, когда люди разочаровываются. Так, радикальный феминизм полон ненависти, так как пытается изменить то, что изменить нельзя (естественное деление на мужчин и женщин). Разочарование приносит и практика позитивной дискриминации, так как изменить прошлое нельзя; компенсацию требуют с потомков, и получают ее тоже не сами дискриминируемые, а их потомки [15, с. 159-160]. И то, и другое, возвращает нас к взглядам Аристотеля о существовании природного закона и тому факту, что он просто не замечал некоторые виды социального неравенства, а мы замечаем. Вопрос: почему?

Литература

1. Аристотель. Сочинения: в 4 тт. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
2. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма. М.: Университетская книга, 1999. 94 с.
3. Больц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо. М.: ВШЭ, 2019. 272 с.
4. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. Т. 6. №3. С. 60-74.
5. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 44-59.
6. Вернан П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988. 224 с.
7. Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.

² Помимо «открытия» гендерного неравенства, за последние десятилетия наш словарь пополнился такими терминами, как эйджизм и дискриминация по возрасту, неравенство цифрового капитала, неравенство по сексуальной ориентации и др.

8. Дидро Д. Разговор философа с женой маршала де *** // Дидро Д. Сочинения: в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1986. С. 453-466.
9. Длугач Т.Б. Подвиг здравого смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеций, Руссо). М.: «Канон»; РООИ «Реабилитация», 2008. 336 с.
10. Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Собр. соч.: в 5 тт. Т. 1: Трактаты и статьи. М.: Ками, 1994. С. 125-147.
11. Локк Дж. О государственном правлении // Локк Дж. Избранные философские произведения: В 2-х тт. Т. 2. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. С. 3-137.
12. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008. 432 с.
13. Свенцицкая И. Раннее христианство: страницы истории. М.: Политиздат, 1988. 336 с.
14. Тай Ю., Будылин С. Равное неравенство. Бывает ли дискриминация позитивной? // Zakon.ru. 01.09.2023. [Электронный ресурс.] URL: https://zakon.ru/blog/2023/9/1/ravnoe_neravenstvo_byvaet_li_diskriminaciya_pozitivnoj_chast_1
15. Фишман Л. Неравенство равных. Концепция и феномен ресентимента. М.: ВШЭ, 2024. 272 с.
16. Cohen G.A. Self-Ownership, Freedom, and Equality. Cambridge: Cambridge univ. press, 1995, 287 p.

СЕМАНТИКА МОДУСОВ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ФИЛОСОФСКИЙ, ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Казаченко О.В., Джурад Ю.Ю.

«Язык – это дом бытия» – афоризм, принадлежащий современному немецкому философу М. Хайдеггеру, лучше всего отражает онтологическую укорененность человека в мире посредством языка, неразрывность бытийного и познавательного, антропологического и социального. Язык является посредником между онтическим как относящимся «к порядку единично существующего, в отличие от онтологического как относящегося к порядку всеобщего – бытия» [9, с. 11], репрезентируя языковую реальность – языковую картину мира. От Логоса Гераклита через библейские смыслы Слова к современной текстуальной парадигме социогуманитарных наук прослеживается связь между бытием и познанием в языке. И, поскольку, познание является исключительно человеческим форматом освоения мира, интегральным звеном этой связи является человек.

Символичность как способ существования человека, которую отмечал в качестве его сущностного отличия Э. Кассирер в своем концепте «*animal symbolicum*», так же наиболее полное свое выражение получает в языке. Язык как сложноорганизованная символическая система является одним из значимых маркеров человеческого бытия. Человек использует язык как средство коммуникации с себе подобными, и, таким образом, он становится посредником между антропологическим и социальным. Конструирование социальной реальности, описанное П. Бергером и Т. Лукманом [4], в качестве одного из важнейших средств имеет язык. А языковая картина мира, выступает одновременно и онтической призмой бытия социального и самостоятельной реальностью, проявляющейся во множестве языков и диалектов, отражая многообразие и многогранность культур.

Языковая картина мира на уровне отдельно взятой культуры позволяет, спускаясь с онтологических и гносеологических высот, минуя абстракции общечеловеческого, переходить на уровень конкретно-исторического, культурно-специфического и личностно-значимого смыслового содержания. Язык служит средством

утверждения и выражения ценностей и ценностных отношений, позволяя проявлять себя человеку не только в качестве познающего субъекта, но и в качестве оценивающего и реализующего определенные общественные, групповые и индивидуальные ценностные интенции в жизни. Диалектическая природа языка дает возможность охватывать все пласты семантики – от наиболее общих сугубо формальных смыслов до единичных – индивидуально-психологически и личностно окрашенных. Срединным уровнем семантики между всеобщим и уникальным является культурно-специфический, схватывающий смысловой срез языковой картины мира, какой она репрезентирует себя в определенное время в определенной социальной среде. Все три вместе взятых уровня позволяют отслеживать динамику смыслов, а вместе с ней и трансформацию ценностей в жизни человека, общества и всего человечества.

Исследуя языковую картину мира и составляющие ее каркас отдельные концепты на уровне определенной культуры в тот или иной период ее развития, можно проанализировать состояние социальной реальности и ценностно-мировоззренческие установки личности вплоть до ее экзистенциально-психологического самоощущения.

В рамках данной статьи мы хотим обратиться к семантическому пространству понятия «справедливость» и проследить трансформацию его смысловых модусов от истоков в западноевропейской культурной традиции античности до современных психолингвистических исследований, проводимых в российской культурной среде. Экспликация смыслового содержания понятия «справедливость» на современном этапе развития российского общества поможет лучше понять состояние и соотношение таких важных срезов общественной жизни как политико-правовой, морально-нравственный и экзистенциально-психологический уровень самоощущения отдельного человека как представителя современной российской культуры.

Справедливость в философском осмыслении

Осмысление справедливости в западноевропейской традиции восходит к философам периода античной классики – Сократу, Платону и Аристотелю. Отраженная в Диалогах Платона, позиция Сократа по вопросу справедливости гласит: «говорить прав-

ду, не вводить в заблуждение и приносить пользу – справедливо» [14, с. 552]. Обсуждая со своим собеседником относительность понимаемой таким образом справедливости применительно к разным субъектам, в частности, к другу и к врагу, Сократ выводит в качестве критерия легитимации поведения в данном случае знание об уместности или не уместности причинения вреда или пользы. «Лгать, и запутывать, и приносить пользу, сведущий человек может надлежащим образом и в надлежащее время, а не сведущий – нет» [14, с. 554]. Так, в идеях Сократа подчеркивается неразрывность справедливости и знания и вместе с тем, ее элитарность, поскольку носителями знания являются лишь немногие.

Применяя идеи своего учителя к сфере социальных отношений, при построении идеального государства Платон в качестве основных смыслов справедливости постулирует следующие. Во-первых, приоритет интересов социального целого по сравнению с интересами отдельных индивидов. Во-вторых, основа социальной справедливости – целесообразное распределение функций между индивидами, соответственно их природному предназначению, объединяющему их в три основных класса – крестьяне, стражники и правители [13].

Ученик Платона – Аристотель, развивая концепцию своих предшественников, дифференцирует смысловые модусы, различая уравнительную и распределительную справедливость. «Справедливость – такая добродетель, в силу которой каждый владеет тем, что ему принадлежит, и так, как велит закон, а несправедливость – зло, из-за которого люди посягают на то, что им не принадлежит, и поступают не так, как велит закон» [1, с. 33]. Такое двухуровневое представление о справедливости вытекает из структуры социального пространства, характерной для античных полисов, предполагающих равенство граждан перед законом «по горизонтали» и вместе с тем, распределение социальных благ в соответствии с положением субъекта в социальной иерархии «по вертикали», относя при этом то и другое к естественному порядку мироустройства. Обобщая основные смыслы, вкладываемые античными философами в понятие справедливости, можно выделить несколько аспектов. Онтологический аспект связан с идеей предустановленного порядка в бытии и, соответственно, в обществе как его части. Гносеологический аспект, связанный со

знанием о том, кому и как необходимо реализовывать идею справедливости в иерархически устроенном обществе. Этический аспект, возводящий ее в статус одной из основных добродетелей человека – носителя указанного знания.

Средневековая картина мира существенным образом не отличается от античной с точки зрения выделенных смысловых модусов понимания справедливости. Христианская догматика закрепляет представление об иерархически устроенном бытии и социуме. Воплощением высшей и максимальной Справедливости с позиции религиозного мировоззрения является Бог, наместник которого на земле в лице правителя, реализует справедливость в обществе, поддерживая божественный порядок. Добродетель же индивидов по-прежнему видится в соответствии должному, наилучшем исполнении предписанных согласно занимаемому в социальной иерархии месту обязанностей. В таком виде философская концепция справедливости сохраняется вплоть до наступления Нового времени.

Мыслители Возрождения и Нового времени трансформируют онтологические представления, помещая в центр картины мира человека с его индивидуалистическими интересами. Это фактически приводит к упразднению онтологического измерения справедливости, в связи с постепенным снижением степени трансцендентности ее главного гаранта – Бога в последовательно сменяющих друг друга концепциях пантеизма и деизма, а впоследствии и атеизма. Концепция справедливости, таким образом, сохраняет свое значение лишь в горизонтальном срезе, акцентируя внимание на социальной сфере. И при этом, смысловое содержание смещается морального аспекта на гражданско-правовой, что приводит к вытеснению идеи социальных обязательств и представлений о должном концепцией прав и свобод личности. Гарантом социальной справедливости становится государство, реализующее ее через систему правовых институтов, утверждающих и поддерживающих права и свободы, носителями которых в равной степени признаются все люди с момента рождения, независимо от их положения в социуме. В духе времени юридифицированное понимание справедливости получает свое закрепление в международном нормативно-правовом акте – Всеобщей декларации прав человека [6].

Таким образом, современная западная концепция справедли-

ности предполагает, что она является важнейшей социальной и индивидуальной ценностью, поддержание и реализация которой осуществляется силами и средствами государственно-правовых и международно-правовых институтов. Справедливость также характеризует отношения между людьми в обществе, юридически значимая формула которых выражена известным афоризмом М.А. Бакунина «Свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого».

В отличие от западного культурного кода, отечественным философам всегда была близка синтетическая концепция справедливости, масштабирующая смысловое поле за счет включения в него религиозного и морально-нравственного измерения. Комплексное понимание справедливости русскими философами включало наряду с онтологической, также и гносеологическую плоскость, в которой Справедливость отождествляется с Истиной и получает свое выражение в аутентичном для нашего мировоззрения понятии Правды. В концепции отечественного философа С.Л. Франка правда «одновременно означает и «истину», и «моральное и естественное право», играя чрезвычайно большую роль во всем строе русской мысли – от народного мышления до творческого гения» [20, с. 490]. Таким образом, Правда включает в себя наряду с правом, как юридическим выражением справедливости, также и моральное измерение, проявляющееся в добродетели. Более того, смысловой акцент в воззрениях русских философов располагался именно в области морали, что отличает ее от западноевропейской модели, в которой по словам митрополита Иллариона (XI в.) торжествует «закон», а не «благодать».

Стремление к Правде как воплощению справедливости определяет особую миссию России в мире, какой ее видели выдающиеся отечественные мыслители. Эта миссия, по словам Н.А. Бердяева связана со спасением: «Русский человек не очень ищет истины, он ищет правды, которую мыслит то религиозно, то морально, то социально, ищет спасения» [5, с. 83]. Таким образом, справедливость становится одним из интегральных звеньев в онтологии Всеединства, гносеологии Цельного знания и Соборности как модели общественных отношений в русской религиозной философии, объединяя в себе смысловые модусы онтологического, гносеологического, социального, религиозного, морального и правового.

В связи с историческими социально-политическими трансформациями российской культуры, которые она претерпевала на протяжении XX и XXI вв. представляется важным рассмотреть, как трансформируется семантическое поле понятия «справедливость». На уровне культурного кода это рассмотрение можно осуществить путем лингвистического анализа словарей, а на социальном и личностном уровне – посредством психолингвистического исследования.

Лингвистический анализ понятия «справедливость»

Поскольку понятия репрезентированы для человека в форме слов родного для него языка, то считаем возможным исследовать значение слова справедливость на уровне общественного языкового сознания через словарные статьи толковых и иных словарей (то есть их конвенциональные значения).

Понятие справедливость относится к числу абстрактных, а значит, предполагает неоднозначные смысловые трактовки. Подтверждая этот тезис, приведем толкования из различных русскоязычных словарей и энциклопедий. Отметим, что анализу было подвергнуто 22 толковых словаря разных годов издания, однако дефиниции понятия «справедливость» были найдены только в 10 из них. При этом зачастую словари дают отсылку к прилагательному справедливый, но существительное не определяют.

Лингвистический анализ конвенциональных словарных определений дает представление о том, что справедливость есть отношение к человеку или предмету (зачастую беспристрастное) в соответствии с критериями истинности, законности, совести, порядка и проч. Советский энциклопедический словарь непосредственно фиксирует, что справедливость есть «категория морально-правового и социально-полит. сознания, понятие о должном, связанные с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека» [19, с. 1262]. Важным на наш взгляд является еще аспекта соответствия «между реальной значимостью различных индивидов (социальных групп) и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием и т. п. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость. [19, с. 1262]. Таким образом, указанный источник уточняет, что справедливость является поня-

тием, связанным с историческим развитием человеческого общества в вопросах морали и права и при этом, очевидно опирается также на аристотелевскую концепцию.

В «Словаре ценностей и антиценностей», составленном большой группой авторов под руководством Е.Ф. Тарасова, отмечается совпадение семантических компонентов содержания понятия справедливость в лексикографических и энциклопедических источниках, где искомая ценность представляет собой «соответствие человеческих отношений, законов, порядков нормам» [3, с. 239-240], а компонент беспристрастие был зафиксирован только в статьях словарей.

Для того, чтобы выявить содержание понятия справедливость, а также динамику его понимания носителями русского языка и культуры, нам представляется необходимым провести также анализ ассоциативных словарей с искомым стимулом.

Дело в том, что ассоциативные словари являются относительно новым (по сравнению с традиционными толковыми словарями) типом фиксации языкового опыта общества и представляют собой результаты массовых ассоциативных экспериментов, респондентами которых выступают носители разных языков. Ассоциативные словари представляют собой «эффективное средство для получения, дополнения, уточнения и фиксации сведений о языковой картине мира народа» [14, с. 223]. Они, как на представляется незаменимы при анализе лексических единиц, так как «способствуют обнаружению таких свойств лингвистических единиц, которые незаметны или мало заметны в источниках иного типа» [8, с. 119]. Обычно такие эксперименты проводятся на довольно большой репрезентативной выборке респондентов, а их результаты являются фиксацией «ментально-эмоционального состояния среднего носителя языка, состояния, свойственного определенному историческому периоду его жизни (а значит, жизни общества) и отраженному в его языке (= речи, предречевой готовности), т.е. в его ассоциативно-вербальной сети» [11, с. 212].

Важно отметить, что обычно ассоциативные эксперименты проводятся с респондентами-студентами. Во-первых, из-за доступности именно этой возрастной категории для научных исследований, проводимых в академической среде. Во-вторых, студенты являются репрезентативной общностью «в силу физиологической и интеллектуальной зрелости представителей этой

общности, их общественной активности, достаточной степени их социализации и в связи с богатыми социальными потенциалами студенческой молодежи» [8, с. 119]. Этот факт согласуется с важным утверждением Л.С. Выготского о том, что понятия, стоящие за номинирующими их словами, не являются сформированными вплоть до старшего подросткового возраста, проходя в своем развитии несколько фаз: синкреты, комплексы, предпонятия, понятия [7]. Эта эволюция подчеркивает тот факт, что не все понятия достигают наивысшей ступени, а также понятия у разных личностей находятся на несхожих уровнях формирования.

Проанализировав различные ассоциативные словари, мы обнаружили статьи ассоциативных полей в 5 из них. Поскольку именно самые частотные реакции выявляют типичную для языка и культуры ассоциативно-вербальную сеть, иначе называемую ассоциативным полем, мы выделили по 10 самых распространенных (ядерных) ассоциатов. Каждое ассоциативное поле мы условно разделили на ядро и периферию, где в ядро вошли наиболее частотные компоненты, ближняя периферия содержит ассоциаты с неединичным индексом, а дальнюю периферию составляют единичные ответы. Сопоставление их ядерных компонентов между собой позволило зафиксировать наиболее характерные реакции – смысловые модусы – у носителей русского языка и культуры.

Посредством проведенного анализа было обнаружено, что к наиболее значимым смысловым элементам, заключающимся в понятии справедливость можно отнести следующие: правда, честность, суд, закон. Эти ассоциаты были выявлены во всех ассоциативных словарях. В пяти словарях в ядре присутствует глагол «торжествовать» в формах настоящего и прошедшего времени совершенного вида (восторжествует, восторжествовала). Таким образом, в структуре понятия справедливость доминируют следующие смысловые элементы: правда, честность, суд, закон, восторжествует. Это позволяет сделать вывод о том, что на уровне культурного кода для современных россиян продолжает иметь большое значение соединение гражданско-правового и морально-нравственного аспектов справедливости.

Интересен также такой аспект лингвистического анализа понятия «справедливость», в котором зафиксированы «негативные» реакции, такие как нет [16, 17, 18], ложь [18] и не существует [2]. Возвращаясь к факту отсутствия любой дефиниции справедли-

ности в более чем половине современных словарей или присутствию в некоторых других словарях его в форме прилагательного, можно предположить, что это связано с деонтологизацией справедливости как ценности под влиянием западной сциентистской нормативно-правовой традиции, упразднением ее бытийного статуса. А также с традиционным для нашего культурного кода пренебрежительным отношением к юридическому аспекту справедливости и недоверием к государственно-правовым институтам.

Психолингвистическое исследование понятия «справедливость»

Индивидуальную картину мира отдельного человека можно исследовать через ассоциативные реакции свободного ассоциативного эксперимента (то есть индивидуальные смысловые модулы, или психологически реальные значения).

В рамках данной работы приведем результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2020-2021 гг. Всего было получено и обработано 445 анкет, в которых было 387 ответов и 58 отказов. Возраст испытуемых составил от 15 до 80 лет, 219 женщин и 226 мужчин. Всего было получено 1243 реакции.

Как и в случае с ассоциативными словарями было отобрано 10 самых частотных реакций, а впоследствии результаты свободного ассоциативного эксперимента были сопоставлены со словарными статьями. Самыми часто упоминаемыми, а значит входящими в общественное сознание, по результатам эксперимента, являются следующие элементы: честность (127), равенство (73), закон (57), правда (49), суд (34), равноправие (23), совесть (18), порядочность (17), порядок, право (16), наказание (15). Общее количество зафиксированных ядерных реакций составило 396 единиц.

Для создания ассоциативного поля понятия справедливость полученные данные были структурированы на ядро и периферию. Результаты структурирования показали, что такие элементы ассоциативного поля понятия справедливость как честность (127), равенство (73), закон (57), правда (49), суд (34), равноправие (23) относятся к его ядру.

Совмещая полученные путем эксперимента данные с результатами анализа словарей, видно следующее. Наиболее частотными элементами ассоциативных словарей являются такие элементы как: правда, четность, суд, закон и восторжествует. Результаты

свободного ассоциативного эксперимента также фиксируют такие элементы как: честность, закон, правда и суд, но второй по частотности элемент равенство в более ранних словарях входит в зону дальней периферии с индексом 1 [2, 15], индексом 2 [16, 18], индексом 8 [17] и только в одном словаре данный ассоциат стоит по частотности на втором месте [3]. Этот факт может свидетельствовать о том, что в поле общественного мнения зарождается запрос на справедливость в модусе социального равенства. А такой запрос, в свою очередь, вероятно возникает в связи с нивелированием уравнительного компонента концепции справедливости при ее реализации социально-правовыми институтами современного российского общества.

Рассмотрение ассоциативного поля понятия справедливость позволило объединить полученные результаты в группы или субполя. Наиболее полной является группа, названная нами «ценности», что, на наш взгляд, не является удивительным. Как было обосновано в проведенном исследовании, ценности образуют аксиологическую сферу картины мира человека, которые «в сознании каждой личности отражают познанную ею реальность во всем многообразии аффективных, когнитивных и деятельностных связей» [10, с. 13]. Важно подчеркнуть, что аксиологическая сфера представляет собой систему с иерархическими связями, поэтому каждая ценность соединена с другими ценностями в сознании личности нелинейными сложными связями. Исходя из этого, представим наполнение этой группы в составе ассоциативного поля справедливость следующим образом.

Субполе (группа) ценности включает в себя такие ассоциаты (смысловые модусы) как: честность (127), равенство (73), правда (49), равноправие (23), порядочность (17), честь (13), мир (11), братство, вера, уважение (10), любовь, надежда (9), дружба, свобода (8), отвага (7), доброта, мудрость (6), верность, гуманизм, добро, победа (5), жизнь, труд (4), деньги, милосердие, правдивость, праведность, равенство, стойкость (3), взаимоуважение, воля, достоинство, надежность, нравственность, отзывчивость, счастье (2).

Таким образом можно заключить, что структура ценности справедливость состоит из 36 других ценностей, общее количество реакций составило 446, что соответствует 35,88%, то есть более 1/3 реакций составили непосредственно другие ценности,

что доказывает их тесную связь между собой и то, что ценности функционируют в качестве системы. При этом три самых частотных ценности – честность, равенство и правда – составили 67% всех ответов.

Следующая выделенная нами группа содержит в себе 209 реакций и представляет собой «законодательную/правовую категорию». Ее ассоциаты (смысловые модусы) включают в себя: закон (68), суд (43), право (24), порядок, право (16), наказание (15), власть (11), законность (9), законодательство, правосудие (5), процесс (4), органы, сила (3), гуманность, правозащитник, приговор (2). Здесь мы наблюдаем реакции, связанные со сферой юриспруденции и права.

Третьим субполем является «отношение/мнение/оценка», которое содержит 192 реакций и состоит из следующих реакций (смысловых модусов): совесть (18), отношения, честно (16), доверие (15), правильность (12), истина (11), искренность (9), пустота, честно (8), нет (7), правило (6), утопия, правота (5), истинно, качество, объективность, уверенность (4), достижение, истинность, отношение, удовлетворение (3), абсолютность, боль, всегда, желание, заблуждение, знание, индивидуальность, не всем дана, необходимость, непредвзятость, обида, отчаяние, поровну, правильно (2). В данной группе доминируют отсылки к справедливости как ценности и оценке на ее основе. При этом видно, что присутствуют как положительные (правильно, честно, истинно и проч.), так и отрицательные (нет, утопия, заблуждение) смыслы.

Респонденты также давали реакции, указывающие на «объекты» справедливости, образующие еще одно субполе, наполненное такими реакциями (смысловыми модусами) как: закон (68), суд (43), общество (8), судья (7), человек (5), бог, мужское, полиция, президент (4), армия, власти, партия, семья, страна (3), государство, друзья, коллектив, люди, мальчик/девочка (2). Сумма этих ассоциатов тоже довольно велика и составила 172 единицы.

Также в ходе анализа были выделенные субполя, которые объединили наименьшее количество реакций, такие как: «действие»: (общее количество 79 единиц), «речевые синонимы/однокоренные слова» (общее количество 27 единиц) и другие.

Выводы

Результаты свободного ассоциативного эксперимента позволяют увидеть положительную связь с результатами лингвистиче-

ского анализа словарей и с философской традицией осмысления понятия справедливость. В частности, прослеживается сохранение вектора в общественном и индивидуальном сознании, заданного отечественными философами в сформулированной ими концепции справедливости, объединяющей гражданско-правовой аспект с морально-нравственным. Причем очевидно, что удельный вес морально-нравственного смыслового содержания превышает гражданско-правовой – это видно из количественного соотношения реакций – смысловых модусов, объединенных в субполя «ценности» и «законодательной/правовой категории». А также благодаря соотношению в ядре семантического поля понятия справедливость, таких смыслов как закон, суд и равенство – с одной стороны, а также и таких смыслов как честность, правда и равноправие – с другой стороны.

Амбивалентность содержания субполя «отношение/мнение/оценка», включающего наряду с положительными смыслами также и отрицательные может свидетельствовать о противоречивости экзистенциально-личностного отношения к государственно-правовым институтам, что косвенно подтверждается также выводом о присутствии в семантическом ядре понятия справедливость такого смыслового модуса как «равенство», выявленного по результатам проведенного эксперимента, но отсутствующего в толковых словарях. Последнее, на наш взгляд, может свидетельствовать о наличии запроса у современного российского общества на усиление уравнительного модуса справедливости и обостряющуюся потребность в его реализации в системе государственно-правовых отношений. Кроме того, указанные данные могут свидетельствовать о тенденции к кризису в области морально-нравственных отношений между субъектами современного российского общества.

В качестве еще одного вывода можно отметить, что на индивидуально-психологическом уровне и на уровне культурного кода исчезает онтологическое измерение справедливости, представление о бытийной укорененности этой важнейшей ценности, которую вслед за античными философами утверждали выдающиеся отечественные мыслители. Вместе с ним «растворяются» и религиозные смыслы, фундирующие концепцию справедливости в нашей философской традиции, являющуюся важной частью российского культурного кода.

С учетом того, что описываемый нами свободный ассоциативный эксперимент проводился в 2020-2021 гг., представляет большой научный интерес и актуальность проведение аналогичных исследований в наши дни в связи с социально-политическими событиями и переменами в нашей стране и на мировой арене.

Литература

1. Аристотель Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 224 с.
2. Ассоциативный словарь подростка / Под ред. Е.Н. Гуц. Омск: Ом. гос. ун-т, 2004. 153 с.
3. Базовые ценности носителей русской культуры / Отв. ред. Е.Ф. Тарасов. М.: 2019. 550 с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
5. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. 251 с.
6. Всеобщая декларация прав человека. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. дата обращения: 11.09.2024.
7. Выготский, Л. С. Мышление и речь: Психика, сознание, бессознательное. М.: Лабиринт, 2001. 366 с.
8. Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. К типологии ассоциативных словарей русского языка // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 118-121.
9. Зверева Ю.Ю. Онтический смысл композиционности познания: автореф. дис. канд. филос. наук, Омск: ОмГПУ, 2010. 22 с.
10. Казаченко О.В. Структура и содержание аксиологической сферы русского образа мира в XXI веке: дис. д. ф. н., М.: МГПУ, 2022. 399 с.
11. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Русский ассоциативный словарь. Книга 1. М., 1994. С. 190–218.
12. Платон Государство // Платон Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. 798 с.

13. Платон О справедливости. URL: <https://plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/Losev/plato0420.pdf> дата обращения: 11.09.2024
14. Пюрбеев, Г.Ц., Голубева Е.В. Опыт создания ассоциативного словаря сравнений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 2. С. 223-226.
15. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1-11 классов: в 2 т., т. 1 / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартянов; Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2011. 499 с.
16. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т., т. 2 / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова; Российская академия наук, Институт языкознания РАН, Московская международная академия. М.: Московская междунар. акад., 2018. 542 с.
17. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток) В 2 т., т. 1 / И. В. Шапошникова, А. А. Романенко; Российская акад. наук, Сибирское отд., Ин-т филологии, Новосибирский гос. ун-т, Московский ин-т лингвистики. М.: Московский ин-т лингвистики, 2014. 536 с.
18. Славянский ассоциативный словарь: рус., белорус., болг., укр. / Н.В. Уфимцева [и др.]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Моск. гос. лингвист. ун-т, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. М.: Моск. гос. лингвист. ун-т [и др.]. Барнаул: Некоммерч. партнерство «Аз Бука», 2004. 790 с.
19. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1989. 1633 с.
20. Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. 511 с.

ЦЕННОСТИ И КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Рябова М.Э.

В последние годы наблюдается повышение интереса ученых к ценностям человечества, что обусловлено спецификой современной социокультурной ситуации. С одной стороны, натиск техногенного фактора, а с другой, – обострение идеологической борьбы, построенной на аксиологической проблематике противостояния своего и чужого. Актуализируется также вопрос о влиянии маркированной технологиями искусственного интеллекта и нейросетей социальной реальности на сознание индивидуально и коллективного субъекта, сопровождающегося переопределением мировоззренческих координат.

Аксиологические вызовы задают диалектическую динамику между старым и новым, а также вектор повседневного «действия» (в терминологии Г.В.Ф. Гегеля), воспроизводящегося субъектом. Призванные предоставить прочную опору человеку, ценностные ориентиры организуют бытие индивида, а также повышают устойчивость общества в условиях постоянных внешних воздействий. Ценности и культура – понятия пересекающиеся. Ценности формируют культуру, а культура формирует ценностные ориентиры человека. Если ценностное единство разрушается, и каждый индивид руководствуется только личными предпочтениями, то это, согласно А. Тойнби, приводит к гибели цивилизации. При допущении, что ценности являются стержнем культуры, выполняющим рефлексивную функцию, затрагивающую жизнедеятельность всей социокультурной системы в целом, сегодня в общественном сознании происходит ярко выраженное осмысление приоритетных ценностей, включая личностную самореализацию. Парадигма цифровой культуры обрамляет и фундирует появление иного пространства культуры, наполненного новыми смыслами и ценностями, новыми возможностями, мировоззренческим содержанием, куда, по словам О. Астафьевой, «вживается человек» [1]. Схожей позиции придерживается В.С. Стёпин, утверждая, что «нет такой области поведения и общения людей, которые бы возникали, воспроизводились и изменялись вне влияния культуры» [16, с.17].

Несмотря на то, что культура обладает имманентным стремлением к обновлению, заменяя формы и смыслы, беспрецедентный информационный модус бытия продуцирует существенные противоречия, затрудняющие ориентацию человека в аксиологическом контенте эпохи. Цель исследования заключается в осмыслении аксиологических ориентиров человека в связи с радикально модернизирующейся культурой под влиянием информационного общества.

Аксиологические аспекты социокультурной современности

Не выдвигая задачи ретроспективного обзора аксиологических теорий, следует уточнить, что из имеющего спектра определений и подходов, вслед за М.С. Каганом, в работе разделяется понимание ценности как «значения объекта для субъекта» [8, с. 68]. В приведенной трактовке открывается возможность формулировки содержания ценности в форме дуальной оппозиции «объект – субъект», где акцент падает на не свойство объекта, а на отношение, с одной стороны, объекта (вещи), выступающего носителем ценности, а другой стороны, – субъекта, оценивающего этот объект и придающего ему конкретный смысл. Как уже отмечалось в литературе, ценность служит обозначением объекта в его отношении к субъекту оценки [15, с. 146]. В таком методологическом приеме заложен потенциал диалектики мышления воспринимать бытие человеческой реальности как ответ на его специфику. Отношения между двумя полюсами оппозиции «объект – субъект» можно описать через взаимопроникновение, взаимоотталкивание при прохождении мысли между полюсами обозначенной оппозиции, что становится предметом озабоченности субъекта. Согласно М. Буберу, суть сферы между реализуется в бытии человека, в нарастании значимости смыслов, рождающихся между исходными смыслами объекта и их интерпретацией субъектом [3, с. 241]. Развивая мысль М. Бубера, сфера между служит путем приближения человека к идеалу освоения всеобщего.

Экстраполируя высказанную М. Бубером идею на проблематику исследования, представления о сфере между можно рассматривать как некую основу для смыслов, соединяющих, синтезирующих профанное и ценности. Иначе говоря, бытие человека запечатлевает в себе свое содержание как субъективное (часть) в объективном (целом). Следовательно, создается субъектив-

ный смысл объективного. Однако, как указывает Л.А. Микешина, проблема заключается в том, могут ли ценности «быть верифицированы, и какие критерии истинности применимы к ним» [12, с. 46]. Связывая существование ценностей с интенциями индивидуального субъекта, можно утверждать, что глубинные смыслы бытия индивидуального субъекта зиждутся на одновременной обособленности его от социума и соотносительности с ним. Ценностные ориентиры экзистенции человека коррелируют с нормативно-нравственными константами общества, принимаемыми за точку отсчета.

Аксиологическое наполнение бытия со всеми его интенциональными подтекстами раскрывается лишь самим человеком в сложном мире его коммуникативных контактов. Поэтому пока человек не поставит ценности объективного бытия в контекст своей культуры субъективного, пока не распределит таящиеся в них реальные и идеальные смыслы в их движении, они не приобретут статус ценностей. Х. Йоас, размышляя о ценностях, приходит к выводу: «Я четко ставлю перед собой конкретный вопрос, а именно, как возникают ценности и приверженность им, и даю на него четкий ответ: ценности возникают в процессе формирования самости и в опыте самотрансценденции» [7, с. 9]. Следовательно, мировоззренческий фактор выступает решающим, схватывающим сознание субъекта, что указывает на содержание в ценностях нравственных максим. «Ведущей социокультурной сферой, в которой фиксируются ценностные установки, является нравственность, включенная в сложившиеся культурные программы соответствующего общества. Именно нравственность нацеливает человека на определенный – творческий или консервативный – тип деятельности, формируя в пространстве нравственных представлений некий идеальный тип личности как активный или пассивный» [15, с. 146].

Характер ценностей определяется направленностью общественных тенденций. Мировое социокультурное сообщество вошло в XXI век довольно неоднозначно, привнеся не только вызовы технологий и повсеместной цифровизации, но и мировоззренческие противостояния, состояние неопределенности, а также ценности прежней идеологии, что чревато рисками столкновений. Двойственность социокультурной современности захватывает человека, интенсифицируя трансформацию цен-

ностных систем, выступая фактором значительных разногласий личностных и общественных ценностных приоритетов. Сложный характер ценностных преобразований не позволяет однозначно обозначить их прогрессивными или деструктивными. Очевидно лишь то, что происходит переоценка ценностей в диапазоне от духовной сферы до материально-вещной. Реалии современной жизни укореняют ценности на уровне единичного, особенного и всеобщего, на уровне переходов между ними в деятельности возрастающей массы людей. Ключевая черта современной культуры – ценностный плюрализм. Социокультурное пространство насыщено функционированием разнообразных, зачастую, противоположных ценностей – национальных, этнических, конфессиональных, гендерных и т.п.

Современность, исходя из ее специфики, сквозь призму аксиологического аспекта представлена неким симбиозом абстрактных, виртуальных, даже вероятностных идеалов, где доминирующими являются ценностные ориентации массовой культуры. И это не случайно. Эпоха потребления навязывает интенциональность приоритетов массового общества, задающих смысловые значения активности человека.

Развитие массового общества привело к появлению одного из влиятельнейших сегментов – массовой культуры, создавшей свои предпочтения и стандарты, которые породили противоположную традиционной культуру мышления, суть которой заключается в формализации отношений к реальности, нахождение подходящих ценностей для приспособления к новому миру. В структуру идентичности субъекта новой культуры встраивается консьюмеризм. Каркас массовой культуры пропитал практически все аспекты бытия, постулируя статус ценностей как особого вида ментальной информации. Д. Берестовская пишет: «массовая культура – это разновидность культуры, которая ориентирует распространяемые ею ценности на усредненный уровень развития массового потребителя» [2, с. 177]. В работах многих мыслителей (М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Г. Маркузе, К. Ясперса и др.) фиксируется нравственно нивелирующий, деперсонифицирующий человека характер массовой культуры, формирующей новый смысл обезличенного бытия в сознании масс. «Массовый человек не самостоятелен и не критичен, он ориентирован на минимальный уровень культуры, он уже не планирует свою жизнь как путешествие» [17, с. 13].

Носитель массового сознания проявляет себя шаблонным одномерным мышлением, включая ценностные представления. Как подметил Х. Ортега-и-Гассет, «приоритет человека вообще, без примет и отличий, человека, как такового, превратился из общей идеи или правового идеала в массовое мироощущение, во всеобщую психологическую установку» [13, с. 26]. Приведенная цитата подводит к выводу, что массовая культура колоссально воздействует на ментальную сферу человека, выступая эффективным средством управления им, и, если учитывать возможности информационного модуса бытия всех и каждого, практически с неограниченным масштабом влияния.

Используя мощные средства социальных медиа, включая Интернет, когнитивно нагруженная информация, зачастую основанная не на фактическом материале, а по принципу конкретных оценочных суждений, вызывает деструктивное воздействие. Например, связанные с иностранными центрами общественного мнения медиаресурсы с информационными материалами, касающимися приграничных с Украиной регионов России, содержат материалы новостного характера, описывающие военные события на линии фронта, ход боевых действий и т.п. Обращенные к массовой аудитории, подобные публикации акцентируют внимание на неудачах и потерях российской армии, стремясь вызвать чувство страха и незащищенности. При этом, как утверждают исследователи (М.А. Давыдова, И.Д. Кравчук), материалы в значительном числе случаев являются недостоверными или сфальсифицированными [5, с. 19]. Тем не менее, авторы указывают на риски распространения такого контента среди массовой аудитории. Ведь массовый человек не задается вопросом, почему это происходит, главное – следствие, а не причина. Налицо манипуляция, так как массовый человек поступает иррационально. Масса – это толпа, а толпа иррациональна. А.В. Костина и А.Я. Флиер подчеркивают эффективность подобного рода манипуляции именно по отношению к толпе – собранию людей, лишенных (по ситуации) выраженных индивидуализирующих черт [9].

Итак, массовая культура вступает в конфронтацию с традиционной. Ценности массовой культуры вытесняют традиционные на периферию. Многообразие становится синонимом иррациональному хаосу. Бытие трактуется неупорядоченным, неуправляемым, проявляющим многомерный характер восприятия, развернутого

во множестве ценностных систем, формирующих приспособляемость к фрагментам социокультурного контекста. Проецируя на себя круг дробных ценностей человек все более погружается в консьюмеристское содержание стандартизации, тиражирование и аффирмации которого усиливаются по мере возрастания информационно-технической модернизации общества.

Унифицируемая массовой культурой повседневность информационного общества становится проводником ее ценностей. «Техницизм не зря считается одним из атрибутов современной культуры, то есть культуры, которая вбирает лишь те знания, что приносят материальную пользу», – утверждает Х. Ортега и Гассет [13, с. 79]. Одним из результатов этого становится адаптация к среде, информационный массив которой представлен поликодовой системой, создающей предпосылки стирания «этнического лица», стереотипных моделей поведения того или иного народа, подстраиваясь под нормы и образцы тех культур (и языков), которые наиболее интенсивно распространяются в силу политических, экономических и иных причин. К примеру, сегодняшние дети гораздо лучше осведомлены, кто такая «свинка Пеппи» или «Фиксики», а привычные персонажи русских сказок им зачастую не известны. Эта особенность массовой культуры представляется крайне важной для понимания культуры как арсенала способностей человека. Возникает потенциальная опасность, что массовый человек полностью погрузится в коммуникативное пространство чужой культуры, нивелировав фундаментальные ценностные основы своей. Зададимся вопросом, что же в сегодняшней культурной полифонии считается своей культурой, что может служить основанием для такой связи?

Свое и чужое в информационном пространстве массовой культуры

Постановка проблемы «своей культуры» в дискурсе флуктуаций современности обновляется перманентно и предстает при подвижных условиях вариациями связки «свой – чужой», нацеливая осмысление многогранного бытия человека как процесса, протекающего между некими противоположностями. Переходы между этими противоположностями, схватываются постоянным взаимопроникновением, противостоящим взаимоотталкиванию, помогая проникнуть в человеческую реальность как результат своего существования.

В культуре, которую человек считает своей, многое детерминировано развертыванием совокупности внешних и внутренних факторов. Исходное содержание «своего» локализовано территорией, национальными приоритетами, менталитетом, сложившимся ценностным представлением, иерархией смыслов, воспроизводимыми в жизненном пространстве. В ближайшем и дальнем окружении «своего» затаилось и «чужое», проявляющееся в расплывчатых образах и градуированных понятиях «чужая жизнь», «чужая территория», «чужие традиции», «противник», «враг» и т.п., которые порождают в сознании коллективного субъекта психологические установки к «чужому» от доверительных, нейтральных до враждебных. В обществе массовой культуры образуется незримая ценностная матрица идеологии «чужих» норм, контрастирующая со «своими», выталкивающая в массовое сознание идею интеграции разнообразных жизненных стилей, включая нетрадиционные, например, различные формы гендерного партнерства, тем самым имплицитно программируя подмену нравственных устоев. А.П. Марков отмечает: «Новой нормальностью становится практически весь спектр человеческих девиаций» [10].

Изменение облика «своего» и «чужого» активизирует значимость каждой культурной общности, ментальные границы которой маркированы усилением контрастности противоположных тенденций. В российском обществе на фоне ценностно-нормативного хаоса возрастает стремление очертить внутреннее пространство «своего» аксиологического ядра, например, популярным сегодня утверждением «Я – русский», призванным сплотить россиян.

Взаимодействие коллективного субъекта в особой системе «свои – чужие» во многом обусловлено информационным модусом бытия, пребывание в котором оказывается вызовом для мировоззренческого микрокосма «Я». Индивидуальный субъект, проявляющий свою сущность в самых различных форматах, ставших потенциально возможными в современной реальности, испытывает давление «чужих» моделей поведения и выбора из многоплановых отношений к «чужим» жизненным ориентирам. Внутреннее самоощущение достоверности «своего» противостоит смысловому контексту «чужого», который при первом же прочтении его поступков как себя в чужом, превращает «чужого» в «другого». Соединяющая связь с «другим» возможна лишь при

условии, если не отчуждает себя в себе. Вспомним Г. Гегеля: «Сознание достигает своего удовлетворения только в некотором другом самосознании» [4, с. 96]. В данном контексте подразумевается самосознание отдельных индивидов, то есть «Я» обнаруживается для себя постольку, поскольку утверждает по отношению к «другому» свое право быть индивидуальностью, самостоятельным самосознанием.

По мере «одомашнивания „чужого“» (в терминологии Э. Гуссерля) различие между своим и чужим становится текучим, теряет четкие границы, приобретает размытость. Фундамент такому подходу был заложен «теорией нечетких множеств» Л. Заде, который исходил из предположения, что элементы некоторых размытых множеств являются сигналами мышления, некоторой проекцией мышления. «Переход от принадлежности к непринадлежности скорее постепенен, чем скачкообразен», утверждает Л. Заде [6, с. 208].

Взгляды Э. Гуссерля и Л. Заде сближают несколько моментов. Во-первых, признание оппозиции своего и чужого, во-вторых, наличие у них точек соприкосновения, благодаря которым возможен переход «чужого» в «свое». Сопряжение различных спектров смыслов бытия человека подтягивается в своеобразное культурное пространство, концентрирующее множество логик мышления, способствуя изменению собственного «Я». В.М. Межуев отмечает, что вопрос о своей культуре «нельзя решить без знания разных культур» [11, с. 9].

Эмпирический анализ действительности показывает, что отношение коллективного субъекта к общечеловеческим ценностям отражает содержание качественных характеристик человеческого бытия и во многом зависит от видения схожих или противоположных черт у «чужого». Однако несмотря на то, что граница между своим и чужим не бывает неподвижной, смена аксиологических координат инициирует радикальную трансформацию мышления индивидуального субъекта, погруженного в мир технологических возможностей.

В сущности, современный человек живет в условиях двойной детерминации, обусловленной, с одной стороны, физической реальностью, а с другой – виртуальной, провоцируя информационную перегрузку. Ход размышлений невольно подводит к термину «точка бифуркации» в культурной пестроте «своего». Информа-

ционный набор, который человек сочетает, конструируя свое «Я» в цифровых лабиринтах, позволяет создавать новые типы массовых обществ, получивших название «умные толпы» (Г. Рейнгольд). Здесь речь не идет о развитии интеллектуальных качеств личности, а лишь о масштабности информирования за счет мобильных технологий. Отличительной особенностью в деятельности умных толп выступает цифровая специфика сегодняшней реальности, в информационное поле которой может войти любой и каждый, вне зависимости от своих социокультурных предпочтений. Информационное пространство превращает человека в анонимную спонтанную массу искусственной общности, в часть умной толпы, инициированной к тому или иному действию. Зададимся вопросом, умная толпа в виртуальности – это множество «своих», «чужих», «других» и как они соотносятся с «Я»? Следуя здравому смыслу, стремление человека стать частью толпы – это все же непрерывно преодолевающее границы «своего» движение к «другому», модель субъективного бытия которого схожа. Парадокс заключается в том, что «другой», на самом деле, не интересен, какой он в действительности, он необходим для того, чтобы лишь обозначить, дать понять, удостовериться, что действия «другого» похожи на мои, и, следовательно, могут считаться позитивными. В такой ситуации не возникает диалога, предполагающего обмен разными точками зрения. Умной толпе достаточно самого факта признания «Я» как такового.

Сказанное меняет представление о толпе, массовом сознании и неизбежно привносит изменения в культуре, мировоззрении человека. Выявившаяся способность массового сознания к самоорганизации, согласованности действий «своих» и незнакомых «чужих» демонстрирует амбивалентную сущность умной толпы, находящейся на пересечении индивидуального и коллективного. Однако ценностная разобщенность умной толпы остается той самой болевой точкой, благодаря которой осуществляются манипуляции.

Заключение

Потребность в осмыслении проблемы ценностных ориентаций носит непреходящий характер. При чем особую актуальность приобретает в текущих реалиях укрепление российской государственности, когда отчетливо кристаллизуется дрейф оте-

чественной политики в сторону ярко выраженного ценностного разворота. Теоретическое и практическое изучение ценностного становления человека в информационном обществе свидетельствует о том, происходит неудержимая переоценка ценностей, включая глубокое индивидуальное сомнение в позитивности «чужих» культур и декларируемых ими либеральных ценностей.

Литература

1. Астафьева О.Н., Никонорова Е.В., Шлыкова О.В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры, 2018. Т. 15. № 5. С. 516-531.
2. Берестовская Д.С. История художественной культуры Западной Европы и США XX века. Симферополь, 2011. 224 с.
3. Бубер М. Два образа веры. М., 1995. 464 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М., 2000. 495 с.
5. Давыдова М.А., Кравчук И.Д. Дискурсы и технологии внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия в региональных сегментах социальных медиа // Власть, 2024. Т. 32. № 1. С. 16-23.
6. Заде Л.А. Размытые множества и их применение в распознавании образов и кластер-анализе // Классификация и кластер. М., 1980. С. 208-247.
7. Йоас Х. Возникновение ценностей. СПб., 2013. 312 с.
8. Каган М.С. Философская теория ценности СПб, 1997. 205 с.
9. Костина А.В., Флиер А.Я. Тернарная функциональная модель культуры // Культура культуры, 2024. № 2. URL: <http://cult-cult.ru/ternary-functional-model-of-culture1/> (дата обращения 15.07.2024)
10. Марков А.П. Традиционные ценности – «Новая этика»: глобальный конфликт Логоса и Хаоса // Культура культуры, 2023. № 4. URL: <http://cult-cult.ru/traditional-values-new-ethics-the-global-conflict-of-logos-and-chaos/> (дата обращения 15.07.2024)
11. Межуев В.М. Философия культуры в системе современного знания о культуре // Культура культуры, 2024. № 1. С. 3-11.
12. Микешина Л.А. Проблема ценностей в социологической науке: эпистемологический анализ // Социологические исследования, 2020. № 12. С. 44-53.

13. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. СПб., 2002. 509 с.
14. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006. 416 с.
15. Рябова М.Э. Нравственность в XX веке: перспективы и тенденции // Синергетическая теория ценностей: коллективная монография / С.В. Бусов и др.; под редакцией В.П. Бранского и С.Д. Пожарского; Санкт-Петербургское философское общество, Научный и учебный центр «Социальная синергетика». СПб: Лема, 2012. С. 146-153.
16. Стёпин В.С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. 408 с.
17. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Меняющаяся социальность: будущее капитализма // Вопросы философии, 2011. № 6. С. 3-15.

КОНЦЕПЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Хилханов Д.Л., Хилханова Э.В.

Процессы межкультурного взаимодействия охватывают все сферы человеческой жизнедеятельности. Эффективность данного взаимодействия во многом определяется особенностями существующей культурной и социальной дистанции между группами. Основным принципом разделения между культурными группами является дихотомия «Я-Другой». «Другой» является важнейшим фактором формирования культурной идентичности. Без значимого «Другого» нет законченного «Я» [6]. Существующие социальная и культурная дистанции закреплены в определенных культурных кодах (одежда, кухня, традиции, обычаи, ритуалы и др.), в фактах наличия/отсутствия развитой коммуникации между ними (языковые различия, недоверие, незнание, презрение и др.), в наличии территориальных границ и др. [10]. Феномен культурной дистанции был описан английскими психологами А. Фэрнхемом и С. Бочнером в рамках исследований дистрессов, переживаемых студентами, обучающимися в чужой культуре (концепция культурного шока) [15]. При этом ученые отмечают, что компоненты культурной дистанции для индивидов могут являться вполне субъективными в плане их выбора в таком качестве.

Традиционные модели межкультурного взаимодействия описываются в концепциях аккультурации/ассимиляции. Создание национальных государств и многонациональных империй, процессы колонизации как результат военной и экономической экспансии, всегда происходили в условиях неизбежного доминирования мажоритарной культурной группы. Данная модель имеет выраженные центр и периферию, и согласно принципам культурной диффузии, культуры миноритарных групп подвергаются воздействию доминирующей группы с целью нивелирования различий и унификации культурных характеристик. Культурные ценности, язык, религия, законы, мировоззренческие основы доминирующей группы передавались/навязывались тем или иным способом представителям миноритарных групп. Это полностью соответствовало принципам культурной «галактики Гутенберга»,

основанной на принципах единой системы письменной коммуникации, единого национального языка и книжной культуры. Система классического образования и средства массовой информации всячески поддерживали подобную «древовидную» систему отношений, основанную на понятной и логичной структуре выраженных центра и периферии.

Начиная с середины двадцатого века, после распада традиционной колониальной системы, развития процессов массовых миграций, в мире постепенно формируется парадигма мультикультурализма. Она определяет процессы межкультурного взаимодействия как в европейских странах, так и в бывших британских колониях: США, Канаде и Австралии. Французский социолог А. Турен отмечал, что в конце двадцатого века, в Европе идея универсализма и гомогенности постепенно заменяется принципом мультикультурализма. «Мы не считаем более преимуществом забвение местных культур и языков и участие всех в универсалистском варианте французской или английской культуры. Напротив, нам все больше кажется, что богатство целого зависит от его разнообразия и гибкости» [9, с. 97]. В рамках развития политики мультикультурализма в США, Австралии и ряде других стран под воздействием множества факторов, в том числе роста массовой миграции, концепция «плавильного котла» сменилась на концепцию «этнического салата».

В условиях стратегии мультикультурализма кардинально изменилась сама структура межкультурного взаимодействия. С другой стороны, именно трансформация традиционной сети коммуникаций способствовала успешной реализации новой стратегии. Во второй половине XX века галактика Гутенберга (господство письменной коммуникации) сменилась галактикой Маклюэна (господство телевидения), а в XXI веке мы живем уже в так называемой галактике Тьюринга (господство цифровых технологий и интернета). Развитие цифрового мира – одновременно и причина, следствие глобализации в сферах культуры, политики, экономики, образования и др. Технологии масштабной цифровизации охватывают все социальное пространство, стирают пространственные, временные, социальные и культурные границы.

Социолог М. Кастельс отмечает, что многообразным интересам современного общества отвечает многоузловая, горизонтальная сеть коммуникаций, в противовес централизованной. В такой

форме она значительно ослабляет традиционную символическую власть галактики Гутенберга, передаваемую через культурные коды языка, религии, политики, морали.

Такой тип коммуникации относится к ризоморфным. Французские философы Ж. Делез и Ф. Гваттари ввели понятие ризомы, как символ постструктурализма и постмодернизма [14]. Ризома это термин, обозначающий в ботанике отсутствие единого корня, вместо которого выступают множество запутанных и переплетенных мелких корней, как в грибнице. Они противопоставляли ризому «древовидной» иерархической линейной системе.

Ризома подразумевает систему, где нет иерархии, централизации, линейности, упорядоченности. В ризоморфной сети, любая точка устанавливает коммуникацию с любой другой ее точкой, поэтому теряют смысл традиционные представления о «центре» и «периферии». При этом данная коммуникация является гетерогенной, проявляясь во множестве различных вариаций. Ризома характеризуется множественностью, именно поэтому она демонстрирует максимальное количество проявлений, которые не могут быть унифицированы по единым стандартам в принципе. В силу своей множественности, ризоморфная сеть является устойчивой, легко копируется и может воспроизводиться в гибридных формах.

Известный социолог Б. Андерсон отмечал, что нация «воображается как сообщество...., нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество» [1, с. 49]. В данном случае он подчеркивает горизонтальный и равноправный характер взаимоотношения культур в национальном сообществе. Развитие современных глобальных коммуникационных сетей, значительная интенсификация информационных потоков, особенно в условиях пандемии, развитая образовательная и трудовая миграции, значительно повлияли на все основные факторы межкультурного взаимодействия [18].

Новая сеть коммуникаций формирует новый тип социальных и культурных взаимодействий, который социолог Кастельс называет сетевым. Такие системы являются самоорганизованным взаимодействием множества равноправных акторов. Основой галактики Тьюринга становятся сети, организующие деятельность как людей, так и социальных институтов. Компьютерные технологии, организованные по сетевому принципу, определили социальное

устройство общества. Интерактивность коммуникации обеспечивает необходимый уровень координации членов общества и культурных институтов, обеспечивая возможности мультикультурных сообществ.

М. Кастельс отмечает, что до информационной эпохи культура создавалась людьми, в определенном пространстве и времени, с созданием же сетевых сообществ, во внепространственных условиях возникает культура реальной виртуальности [5]. Культурные явления конструируются и транслируются в электронных средствах коммуникации, где, как правило, «смешиваются в одном и том же гипертексте, постоянно реорганизуемом и доступном в любое время. Эта виртуальность есть наша реальность» [5, с. 505]. В этой новой конструируемой реальной виртуальности создаются как новые культурные коды, трансформируются традиционные знаки и символы, создаются новые типы идентичностей.

М. Кастельс фиксирует появление двух новых типов идентичностей, кроме известных и традиционных, идентичностей сопротивления и проектов. Проектные идентичности связаны с сетевыми глобальными проектами, возникшими благодаря технологиям Интернета, в первую очередь это феминистические и экологические движения. Зачатки феминизма, возникают еще в период индустриальных революций восемнадцатого века, но именно сегодня, информационные технологии приводят к «дегендаризации» социальных институтов. Масштабные экологические движения являются непосредственным признаком информационного общества, демонстрируя проявления постматериальных ценностей взамен концепции эксплуатации природных ресурсов в индустриальных государствах.

Идентичности сопротивления, в том числе националистические движения в странах бывшего СССР, региональный сепаратизм в испанской Каталонии и на севере Китая, возникают как реакция на сильнейшее идеологическое давление государства в условиях глобализации. В многонациональных и поликонфессиональных государствах миноритарные этнические группы сегодня, как правило, актуализируют свою культурную идентичность. При этом, мы наблюдаем, по сути, противостояние тенденций глобализации и глокализации. «Национализм, локализм, этнический сепаратизм и культурные общины порывают с обществом в целом, выстраивая его институты не снизу вверх, но изнутри вов-

не, т. е. «те, кто суть мы» против тех, кто к нам не принадлежит» [5, с. 506]. Новые типы идентичности, несомненно, формируют в информационном обществе мультикультурный дискурс.

Волны иммиграции определили развитие стратегий межкультурного взаимодействия от «плавильного котла» до современного мультикультурализма. Мультикультурализм определенно является как следствием, так и инструментом глобализации, используемой культурным большинством. В принципе мультикультурализм официально выступал против бинарных оппозиций европоцентризма, но как правило эта политика реализовывалась в европейских странах силами самих наций-государств. Официальные формы мультикультурализма часто выступают в форме «прокрустова ложа» стереотипов для культурных меньшинств, не учитывая динамику современности. Данная модель рассматривалась изначально на примерах бывших колоний Британии: в первую очередь Австралии и США. При этом в двадцатом веке мультикультурализм в этих странах существовал в условиях доминирования белой англосаксонской группы. В таких условиях «Другой», в виде коренного населения, представителей миноритарных культурных групп, выступает как правило в качестве некоего исключения из правил, элемента экзотики, нежели равноправного партнера в коммуникации.

Европейские страны столкнулись с подобным процессом после второй мировой войны, уже в результате распада колониальной системы. В традиционной европейской модели нации-государства, основанной на подчеркнутой общности языка, религии и территории, идея гражданского мультикультурализма неизбежно сталкивается с идеями национализма. Как известно еще в 2010 году, сначала канцлер ФРГ А. Меркель, а в 2011 году премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон официально признали провальной политику мультикультурализма в своих странах. Данная политика осуществлялась государствами и являлась по своей сути вполне европоцентристской. Политиками был признан неудачным тот факт, что этнические меньшинства не стремятся интегрироваться в европейское культурное сообщество, например мигранты в Германии не изучают немецкий язык и традиции в должной мере. Д. Кэмерон говорил о необходимости «мускулистого либерализма» в условиях главенства единого закона для всех.

Кризис политики мультикультурализма приводит ученых к поиску альтернативных концепций межкультурного взаимодействия. Сегодня процессы межкультурного взаимодействия все чаще описывают в рамках концепции транскulturации/транскulturности. Эта теория считается более применимой для исследования сложных ризоморфных культурных взаимосвязей, чем европоцентристская по своей сути, концепция мультикультурности.

При этом следует отметить тот факт, что концепции аккультурации и мультикультурализма, по-прежнему сохраняют в современном мире свое теоретическое и практическое значение, поскольку до сих пор являются идеологической основой национальной государственной политики в большинстве стран мира.

Впервые модель транскulturации описал Фернандо Ортис на примере культуры Кубы. Данное культурное взаимодействие строится на основе равных партнерских отношений, в условиях децентрации, множественности и локальности. Такая модель построена не по образцу традиционной древовидной структуры, а скорее как диффузное пространство отклонений и различий. Стратегия транскulturности признается новой эпистемой эпохи глобализации, новым типом языкового мышления [8]. Она является определенной оппозицией монокультурного унифицированного сообщества нации-государства. Процессы транскulturности мы наблюдаем во всех сферах общества: от системы образования до военных конфликтов. При этом транскulturность является реальным процессом взаимодействия культур в условиях глобализации с одной стороны, и выступает как новая эпистема с другой. Ортис описывал процесс транскulturации в двух этапах: декультурация и неокультурация. Он рассматривал сложный процесс культурного взаимодействия и взаимовлияния, в условиях которого доминирующая культура продуцирует под влиянием культурного меньшинства новые культурные коды. Культурные дистанции и границы в таких обществах нестабильны и изменчивы. В условиях развития постматериалистических ценностей современное общество постоянно демонстрирует нам тренды «инаковости» и культурной отличительности, как символы борьбы с унификационными последствиями глобализации. Как было отмечено выше, появление культурных гибридов является также признаком транскulturации. Особенно эти процессы

заметны в регионах России, где традиционно на протяжении веков существовало этническое и религиозное разнообразие. Таким образом концепция транскulturации может являться основной при интерпретации процессов межкультурного взаимодействия в условиях глобализации цифровых технологий.

При описании признаков транскulturности современные авторы активно применяют термины нетворкинг и гибридизация, в то же время отдельные ученые отмечают, что в этих условиях культуры взаимодействуют, но не сливаются окончательно в отличие от процессов аккультурации, сохраняя свою определенную независимость.

В современных исследованиях процессов глобализации применение данной концепции позволяет более полно объяснить особенности современного культурного взаимодействия. Она построена на принципе культурного равенства миноритарных и мажоритарных групп. Она способна объяснить устойчивость культурных форм и образцов у миноритарных этносов в процессе глобализации.

В основе культурной дистанции между группами, лежат множество факторов, в том числе и субъективных, но среди базовых ученые несомненно выделяют религиозный и языковой маркеры. Процессы глобализации в современном мире, несомненно, актуализируют феномен культурной идентичности, в первую очередь ее этнические аспекты. Согласно принципам культурной диффузии, по аналогии с физическим одноименным процессом, в период усиления коммуникации в условиях глобализации, происходит нивелирование культурных различий в целях успешного формирования единого экономического и социального пространства. Данный процесс сопровождается, как правило, усиленной государственной политикой по формированию единой национальной идентичности.

В то же самое время мы наблюдаем процессы формирования идентичностей сопротивления по Кастельсу, актуализации культурной идентичности миноритарных этносов. В этих условиях маркеры культурной дистанции неизбежно трансформируются. Так, например, языки миноритарных этносов постепенно теряют свое функциональное прикладное значение, но сохраняют в полном объеме символическое, поскольку являются основой культурной идентичности [11]. В то же время религиозные ценности,

с конца XX века, становятся основой национального культурного возрождения в посткоммунистических странах, являясь по сути компенсаторным фактором для усиления культурной идентичности, в условиях ослабления языкового фактора.

Еще Ю.М. Лотман отмечал, что коммуникативная функция языка не является его главной составляющей. Если искусственные языки успешно осваивают сферу коммуникации, то естественные языки обладают функцией культурной памяти и идентификации. Н.Б. Вахтин отмечал, что утрата коммуникативной функции не способствует исчезновению языка. Исследователь отмечает, что в условиях доминирования одного государственного языка, миноритарные языковые группы вынуждены актуализировать другие факторы своей культурной идентичности, в том числе различные традиции и обряды [2]. Подобная ситуация наблюдается в современной культуре бурят, крупнейшего этноса Сибири: ученые отмечают религиозные обряды, как основу бурятского культурного возрождения [17]. Этот тренд является общим не только для бурят, но и для многих российских народов.

Процессы усиления религиозного фактора, характерны для этносов, которые исповедуют крупные мировые религии с высокой степенью институционализации. К таким этносам относятся, к примеру, калмыки, татары, но не якуты; невысокий уровень религиозности последних Л.Б. Четырова объясняет тем, что в якутской культуре важную роль играет шаманизм, который не имеет такой организационной структуры, как русская православная церковь или буддийский дацан, что ограничивает возможности шаманизма для конструирования религиозности [13, с. 193]. Социологическое исследование языка в системе культурных составляющих идентичности татар показало, что значимость языка, традиционно занимающего главенствующее место в иерархии компонентов татарской идентичности, постепенно понижается от 74,9% в 1994 г. до 72,5% в 2017 г. При этом значимость религии возрастает от 32% до 35,3% в тех же годах [3, с. 87]. Этот дрейф от языка к религии объясняется ничем иным, как постепенной утратой этнических языков. Следствием этой утраты является замещение языковой идентичности культурной, которую легче практиковать и нет ощущаемого многими разрыва между высокой символической значимостью этнических языков и низким уровнем реального владения ими.

В информационную эпоху, развитие языковых форм возможно наблюдать в Интернете. Новые технологии предназначены в первую очередь для молодежи, что является актуальным с точки зрения сохранения и преемственности языковой культуры. Коммуникация на этническом языке в Интернете носит характер смешанного кода, и здесь тенденции использования бурятского языка в интернете аналогичны использованию других миноритарных языков в мире. Использование смешанного кода сегодня настолько распространено, что термин *translanguaging* ('транслингвальность', 'трансязычие') приобретает все большую популярность. Изначально термин транслингвальность использовался для описания конкретной языковой практики в программах ревитализации валлийского языка, когда учителя и дети в школе свободно переходили с одного языка на другой в рамках одного занятия.

Концепция транслингвальности достаточно популярна и известна среди исследователей. Основное определение звучит следующим образом: это «использование полного лингвистического репертуара говорящего без учета строгого соблюдения социально и политически определенных границ названных (и обычно национальных и государственных) языков» [16, р. 283]. Сегодня транслингвальностью называются фактически все виды речепроизводства и речевого общения, где задействовано более одного языка, включая заимствования, гибридизацию языков и пиджинизацию, обращение к интернациональным словам, активизацию металингвистических знаний, использование невербальных средств (жестов, мимики, звукоподражания и др.) [7]. В теории транслингвальности существование отдельных языков не декларируется как итог становления национальных государств, но результат социальных, культурных и политических движений.

Как мы уже отмечали ранее культурная идентичность может существовать как в вербальном, так и невербальном измерении. Для представителей миноритарных групп, которые находятся в иноязычной культурной среде, маркерами дистанции часто становятся совершенно разные проявления культуры: традиции, национальные праздники, национальная одежда, блюда национальной кухни и др. [12]. При этом язык многие представители миноритарных групп изучают уже самостоятельно, либо на языковых курсах в интернете, что неизбежно искажает традиционный «чистый» языковой контекст. Мы придерживаемся той точки зрения,

что существование на смешанном коде или транслингвальные речевые стратегии и практики – это все же лучший вариант сохранения языка для этноса, чем постепенное прекращение существования менее престижного идиома вообще. В данном случае современные транслингвальные практики демонстрируют варианты сохранения культурного разнообразия посредством гибридных языковых форм.

Актуальность модели транскультурации подтверждается практическими выводами Всемирного исследования ценностей (WVS). Данное исследование продолжается на протяжении более 40 лет, в более чем в 100 странах мира Р. Инглхарт (куратор и автор Всемирного исследования ценностей) в своей диаграмме анализирует ценностные трансформации стран в пространстве двух многокомпонентных факторов: традиционные / секулярно-рациональные ценности и ценности выживания / самовыражения. Фактор ценности выживания / самовыражения определяет степень проявления ценностей либеральных против авторитарных. Фактор традиционных / секулярно-рациональных ценностей в значительной мере рассматривается через религиозный фактор. Шкала ценностей выживания-самовыражения Р. Инглхарта определяет степень перехода стран к постиндустриальному обществу и постматериалистическим ценностям. Ценности выживания отражают вопросы экономической и физической безопасности, покорность, низкую оценку прав человека, низкий уровень доверия и толерантности. Ценности самовыражения – это вопросы экологии и защита окружающей среды, терпимость к иностранцам, рост требования к участию в экономической и политической жизнедеятельности государства, высокая оценка прав человека. Р. Инглхарт подчеркивает постепенный рост постматериалистических ценностей в странах, где проходили опросы WVS, он связывает этот факт с успешным социально-экономическим развитием: «Модернизация превращается в процесс человеческого развития, в рамках которого социально-экономический прогресс ведет к изменениям в культурной сфере, усиливающим вероятность утверждения личной независимости, гендерного равенства и демократии, формируя общество нового типа, способствующее эмансипации людей сразу по многим направлениям» [4, с.11].

Так, например, диаграмма Инглхарта показывает, что Россия по шкале ценностей выживания-самовыражения имеет показате-

тель в 2020 г.: -0.5 [20]. В 1990-е данный показатель составлял: -1.9 [19]. При этом отрицательные значения шкалы выживания-самовыражения: -0.5 для России говорят о том, что ценности выживания в нашей стране в целом еще преобладают, хотя прогресс ценностей самовыражения является более чем очевидным.

Таким образом, современные процессы трансформации традиционных ценностей в ценности самовыражения, постепенная замена древовидной системы коммуникации на горизонтальную и ризоморфную, все эти факторы, наряду с другими, доказывают актуальность модели транскulturации для современного общества. Данная модель взаимодействия основана в первую очередь на принципах равноправного культурного партнерства между группами. В этом случае сетевые взаимоотношения способствуют успешной трансформации традиционных культурных кодов. Транскulturация переосмысливает роль и значение основных маркеров культурной дистанции, меняет стратегии межкультурного взаимодействия, меняет характер коммуникации с «иными», трансформирует дихотомию «Я-Другой». Транскulturальная эпистема – это возможный вариант развития конструктивного диалога равноправных культур в условиях неизбежного противостояния процессов глобализации и глокализации.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
2. Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 338 с.
3. Габдрахманова Г.Ф. Язык в системе культурных составляющих идентичности татар // Социолингвистика. 2020. № 2(2). С. 83-91.
4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011. 464 с
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
6. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.

7. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Полилингвильность и транскультурные практики. 2017. Т. 14. №2. С. 155-170.
8. Глостанова М.В. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. Жить никогда, писать ниоткуда. М.: Едиториал УРСС, 2004. 416 с.
9. Турен А. Возвращение человека действующего. М.: Научный мир, 1998. 204 с.
10. Хилханов Д.Л. Социальная и культурная дистанция: теоретические аспекты // Вестник ВСГУТУ. 2013. № 3(42). С. 154-157.
11. Хилханова Э.В., Хилханов Д.Л. Этнокультурная идентичность мигрантов из восточных регионов бывшего СССР в свете теории «столкновения культур» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 31-38.
12. Хилханова, Э.В. Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2020. Т. 3, № 16. С. 756-815.
13. Четырова Л.Б. Роль буддизма в конструировании этничности калмыков и монголов // Четвертые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. СПб, 2011, С.190-196.
14. Deleuze, G., Guattari, F. Rhizome. Introduction. Paris: Les Éditions de Minuit. 1976. 74 p.
15. Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. L. & N.Y., 1986. 298 p.
16. Otheguy R., García O., and Reid W. Clarifying translanguaging and deconstructing named languages: A perspective from linguistics. Applied Linguistics Review. 2015. 6(3). Pp. 281-307.
17. Quijada J.B., Graber K.E., Stephen E. Finding “Their Own”: Revitalizing Buryat Culture Through Shamanic Practices in Ulan-Ude // Problems of Post-Communism. 2015. Pp. 258-272.
18. Romanova G.A., Ananishnev V.M., Darda E.S. Inclusive education: a path to equal rights. Opcion. 2020. Т. 36. № SpecialEdition 26. Pp. 613-628.
19. The World Value Survey (1996). The Inglehart-Welzel World Cultural Map - World Values Survey 4. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 16.04.2024).
20. The World Value Survey (2020). The Inglehart-Welzel World Cultural Map - World Values Survey 7. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 16.04.2024).

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК МОДУС СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Осмоловская С.М.

Современные модусы социальных медиа в настоящее время играют ключевую роль в жизни миллионов людей по всему миру. С развитием интернет-технологий и доступностью смартфонов социальные сети стали неотъемлемой частью нашего повседневного быта.

Одним из основных трендов социальных медиа является стремительное развитие мобильных приложений. Люди проводят большую часть времени в социальных сетях, используя для этого свои мобильные устройства. Это позволяет им быть всегда на связи, быть в курсе всех событий и моментально общаться со своими друзьями и коллегами.

Еще одним важным аспектом является увеличение роли видеоконтента в социальных медиа. Видео-контент становится все более популярным, поскольку он позволяет быстро привлечь внимание аудитории и передать информацию более эмоционально и наглядно.

Также стоит отметить растущую популярность живых трансляций в социальных сетях. Благодаря этому формату пользователи могут наблюдать за происходящими событиями в реальном времени, общаться с авторами трансляции и оставлять свои комментарии.

Социологические исследования в области медиаобразования показывают, что интерактивность также играет важную роль в современных модусах социальных медиа. Пользователи становятся активными участниками контента, принимая участие в опросах, голосованиях, челленджах и других видах взаимодействия [2, с. 73].

Современные модусы социальных медиа продолжают активно развиваться и трансформироваться, адаптируясь под потребности и предпочтения пользователей. Важно следить за последними тенденциями и применять их в своей стратегии взаимодействия с аудиторией.

Одним из главных направлений развития является увеличение вовлеченности пользователей через использование интерактивных элементов, таких как опросы, голосования, викторины и т.д.

Это помогает создать более глубокие и эмоциональные связи с аудиторией и повысить уровень вовлеченности.

Также важно обращать внимание на создание качественного и уникального контента, который будет привлекать внимание пользователей и вызывать интерес. Это поможет создать лояльность аудитории и увеличить ее активность [6, с. 145]. Не стоит забывать о важности взаимодействия с подписчиками, отвечая на их комментарии, вопросы и отзывы. Это позволит создать более тесные отношения с аудиторией и повысить уровень доверия к вашему бренду.

В целом, следует постоянно отслеживать изменения в социальных медиа и адаптировать свою стратегию под них, чтобы оставаться актуальным и конкурентоспособным. Это действительно важно, так как тренды и предпочтения аудитории постоянно меняются. Проведение регулярного мониторинга позволит быстрее реагировать на изменения и улучшать свою стратегию. Также важно следить за активностью конкурентов и анализировать их успешные практики. Это поможет быть в курсе изменений в отрасли и принимать эффективные решения для своего бренда. В итоге, поддержание актуальности и конкурентоспособности в социальных медиа поможет привлекать новых клиентов и удерживать текущих.

Эти платформы предоставляют уникальную возможность для общения, обмена информацией, деловых контактов, поиска новых друзей и даже возможности для саморазвития и карьерного роста. Они открывают новые горизонты для общения и позволяют людям быть ближе друг к другу, несмотря на географические расстояния.

Авторы научного исследования «Медиа как средство воздействия массовой информации на жизнедеятельность человека» Ананишнев В.М., Осмоловская С.М., Ткаченко А.В. отмечают, что социальные медиа также играют важную роль в распространении информации, мнений и идей [1, с. 40]. Благодаря им мы можем быстро узнавать о новостях, трендах, событиях и акциях. Они становятся платформой для дискуссий, дебатов и обмена мнениями по самым различным темам.

Однако, вместе с многочисленными плюсами, социальные сети также имеют свои недостатки. К ним относятся проблемы с конфиденциальностью данных, негативные воздействия на пси-

хическое здоровье, манипуляции и фейковые новости. Важно помнить о правильном и безопасном использовании социальных медиа, а также различать реальный мир от виртуального.

Одной из основных проблем, связанных с социальными медиа, является распространение ложной информации. В силу своей природы, социальные медиа предоставляют возможность любому пользователю публиковать свои мысли и мнения без каких-либо проверок и фильтров. Это создает благоприятную среду для распространения фейковых новостей и недостоверной информации. Многие люди не проверяют источники информации и принимают все, что видят в социальных медиа, за истину. Это может привести к введению в заблуждение и манипуляции общественным мнением.

На еще одну проблему социальных медиа указывает Ройтман А.М. – это нарушение приватности пользователей [10, с. 44]. Многие платформы собирают и хранят огромное количество информации о своих пользователях, включая персональные данные, предпочтения и даже местоположение. Эти данные могут быть использованы для рекламных целей, а также могут попасть в руки злоумышленников, которые могут их злоупотребить. Кроме того, социальные медиа могут служить площадкой для кибербуллинга и онлайн-нападений, что может серьезно повлиять на психологическое состояние пользователей.

Тем не менее, несмотря на все негативные стороны, социальные медиа остаются важным инструментом коммуникации и информирования. Они помогают людям оставаться на связи с друзьями и близкими, а также предоставляют возможность выражать свои мысли и идеи. Кроме того, социальные медиа играют важную роль в развитии бизнеса и маркетинге, предоставляя возможность рекламировать продукты и услуги широкой аудитории.

В итоге, социальные медиа имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Они предоставляют широкие возможности для общения и информирования, но также могут быть использованы для распространения ложной информации и нарушения приватности.

Иванова М.Ю. в научной статье «Правовое просвещение в условиях цифровизации» выделяет то, что пользователи социальных медиа должны быть более осведомленными и критически мыслящими, чтобы избежать негативных последствий и получить максимум пользы от использования этих платформ [5, с. 91].

Таким образом, социальные медиа стали неотъемлемой частью современной жизни и продолжают играть важную роль в обществе. Они открывают новые возможности для общения, самовыражения и развития, но требуют осторожности и здравого смысла в использовании.

Социальные медиа позволяют людям быть на связи с друзьями, делиться своими мыслями и идеями, узнавать новости и события. Однако они также могут быть использованы для распространения ложной информации, нарушения приватности и манипуляции общественным мнением. Чтобы использовать социальные медиа безопасно, важно следовать нескольким правилам. Во-первых, нужно проверять информацию перед её публикацией или распространением, чтобы не стать жертвой фейковых новостей. Также важно бережно относиться к своей личной информации и настройкам приватности, чтобы избежать утечек данных и кибер злоупотреблений.

Кроме того, важно помнить о цифровом следе, который оставляют все наши действия в социальных сетях. Поэтому стоит воздерживаться от публикации агрессивных или оскорбительных комментариев, которые могут навредить не только вашей репутации, но и отношениям с окружающими.

«Используя социальные медиа с умом и ответственностью, мы можем наслаждаться их преимуществами, не подвергая себя и других нежелательным рискам. Важно помнить, что наше поведение в онлайн-среде отражает нашу личность и стиль общения, поэтому стоит быть внимательными и добросовестными в использовании социальных медиа», – полагает Сакович С.М. [12, с. 79].

Эксперты определяют современные социальные медиа как модусы, которые предоставляют пользователю огромное количество возможностей, однако с ними приходит и большая ответственность. Чтобы избежать негативных последствий и получить максимальную пользу от использования социальных медиа, пользователи должны быть более осведомленными и критически мыслящими [4, с. 156].

Во-первых, пользователи должны быть осведомлены о возможных рисках и угрозах, связанных с социальными медиа. Они должны принимать во внимание, что их данные могут быть собраны и использованы третьими лицами. Пользователи должны быть внимательны при заполнении профиля и настройке конфи-

денциальности, чтобы ограничить доступ к своим личным данным. Также важно знать, как распознать ложную информацию и фейковые новости, чтобы не поддаваться манипуляциям.

Во-вторых, пользователи должны быть критически настроены и не принимать всю информацию, представленную в социальных медиа, как истину. Важно развивать навыки проверки источников информации, а также умение анализировать и оценивать ее достоверность. Проверяйте факты и сверяйте информацию с другими надежными источниками, прежде чем принимать что-либо за истину.

Кроме того, пользователи должны быть активными участниками в социальных медиа. Это означает, что они должны активно взаимодействовать с другими пользователями, высказывать свои мысли и идеи, делиться своим опытом. Однако, при этом важно проявлять уважение к другим и их мнениям, не провоцировать конфликтов и избегать негативных комментариев [3, с. 102].

Наконец, пользователи должны оценивать свое время, проводимое в социальных медиа. Они должны осознавать, что это инструмент для общения и получения информации, а не замена реальной жизни. Важно находить баланс между временем, проведенным в социальных медиа, и временем, проведенным с реальными людьми, а также заниматься другими полезными и интересными делами.

В целом, социальные медиа предоставляют множество возможностей, но в то же время требуют ответственного и осознанного использования. Быть осведомленным, критически мыслящим и активным пользователем поможет избежать негативных последствий и получить максимальную пользу от использования социальных медиа.

Литература

1. Ананишнев В.М., Осмоловская С.М., Ткаченко А.В. Медиа как средство воздействия массовой информации на жизнедеятельность человека // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2021. № 1 (37). С. 40-48.
2. Вахмистрова Д.А., Аверьянова А.В., Осмоловская С.М. Социологические исследования в области медиаобразования // Актуальные проблемы социологии и маркетинга. Сборник работ преподавателей, аспирантов и студентов. М., 2020. С. 73-76.

3. Ефременко В.В., Кузьмина И.Г., Осмоловская С.М. Процесс формирования и перспективы развития медиаобразования в России // Актуальные проблемы социологии и маркетинга. Сборник работ преподавателей, аспирантов и студентов. М., 2020. С. 102-108.
4. Змазнева О.А., Ананишнев В.М., Черненькая С.В., Хилханов Д.Л., Хилханова Э.В., Леньков Р.В., Ткаченко А.В., Морозовская Л.Л., Давыдов С.Г., Осмоловская С.М. Социология медиакоммуникаций: теория и практика. Монография. М., 2023. 156 с.
5. Иванова М.Ю. Правовое просвещение в условиях цифровизации // Сборник работ преподавателей, аспирантов и студентов. М., 2022. С. 91-94.
6. Мистюкова Д.Т., Осмоловская С.М. Медиакомпетентность современных преподавателей и студентов // Актуальные проблемы нравственности в социологии, психологии и маркетинге. Сборник работ преподавателей, аспирантов и студентов. М., 2020. С. 145-149.
7. Осмоловская С.М. Трансформация медиаизмерений: работа с большими данными // Сборник работ преподавателей, аспирантов и студентов. М., 2023. С. 25-28.
8. Осмоловская С.М. Общество, культура и масс-медиа // Сборник работ преподавателей, аспирантов и студентов. М., 2023. С. 4-8.
9. Ройтман А.М. Массовая культура под влиянием новых медиа // Сборник работ преподавателей, аспирантов и студентов. М., 2023. С. 40-44.
10. Сакович С.М. Маркетинговые технологии. М.: Изд-во Компания КноРус. 2019. 158 с.
11. Сакович С.М. Коммуникационные инструменты общественного контроля в высшей школе // Коммуникология. 2019. Т. 7. № 1. С. 79-86.
12. Соколов Н.С. Влияние социальных медиа на формирование общественного мнения и политические процессы // Сборник работ преподавателей, аспирантов и студентов. М., 2023. С. 45-48.

СОЦИАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПАНДЕМИИ

Кириллов В.В., Алексейчева Е.Ю., Казенина А.А.

Молодое поколение является основополагающим фактором для устойчивого развития любого общества. Социальная устойчивость молодежи имеет решающее значение для обеспечения эффективного взаимодействия социальных структур, реализации социальных процессов и отношений, а также целостности и единства общества.

Молодое поколение играет решающую роль в социальной устойчивости, так как молодежь более восприимчива к новым идеям и технологиям, которые могут способствовать социальным изменениям и прогрессу. Вклады в образование молодого поколения повышают их человеческий капитал и потенциал для внесения позитивного вклада в общество [18, с. 79]. Молодые люди часто являются активными участниками социальных сетей и онлайн-сообществ, которые могут облегчать коммуникацию и сотрудничество [3, с. 82]. Молодежь легче адаптируется к изменяющимся социальным условиям и лучше справляется с переходными периодами. Молодые люди часто демонстрируют более высокие уровни эмпатии и инклюзивности, что может способствовать более сплоченному и гармоничному обществу.

Социальная устойчивость молодого поколения способствует эффективному взаимодействию социальных структур, ведь молодые люди могут соединять в социальных сетях различные группы и организации, укрепляя социальный капитал [1, с. 240]. Их активное участие в гражданских и общественных инициативах может укреплять гражданское общество и повышать его подотчетность.

Социальная устойчивость молодого поколения также поддерживает реализацию социальных процессов и отношений, так как молодежь может посредничать в конфликтах и способствовать диалогу между различными социальными группами. Они могут продвигать социальную справедливость и равенство, выступая против дискриминации и предрассудков. Их участие в социальных движениях может привести к значительным социальным изменениям и реформам.

Наконец, социальная устойчивость молодого поколения имеет основополагающее значение для поддержания целостности и единства социальных структур. Молодые люди вносят свой вклад в социальную сплоченность через совместные ценности и общие цели, они могут укреплять чувство общности и принадлежности, объединяя людей разных происхождений. Их участие в социальных организациях и институтах способствует социальной когезии и укрепляет социальные сети.

В настоящее время идет широкое распространение дезинформации и ложной информации, которая может быстро распространиться через средства массовой информации и социальные сети. Это явление называют информационной пандемией. Она может нанести значительный вред как отдельным лицам, так и обществу в целом.

Дезинформация может подорвать доверие к авторитетным источникам информации, таким как ученые, журналисты и общественные деятели; привести людей к принятию неправильных решений, которые могут подвергнуть их опасности или нанести ущерб.

Информационная пандемия часто играет на страхах и предрассудках людей, что может усилить поляризацию общества и сделать сложным конструктивный диалог. В случае медицинской дезинформации это может привести к отказу от лечения, самолечению и другим действиям, которые могут нанести вред здоровью. Распространение ложной информации может привести к недоверию, страху и даже насилию в отношении отдельных лиц и групп.

Молодые люди, в силу большого значения для них социальных сетей, чаще сталкиваются с дезинформацией и ложной информацией, поэтому поддержание социальной устойчивости молодежи в условиях информационной пандемии имеет большое значение.

Инвестируя в молодежь и поддерживая их социальное развитие, мы можем создать более устойчивое и процветающее общество для будущих поколений. Проблема социальной устойчивости молодежи требует междисциплинарного подхода, объединяя социологию, психологию, философию, историю, экономику, менеджмент, информационную безопасность [14, с. 179].

В психологическом контексте личностная социальная устойчивость – это своего рода психологическая самозащищенность,

неподверженность влиянию факторов, негативно отражающихся как на самом субъекте, так и на его окружении. Применяя принцип детерминизма, можно раскрыть результаты психологического воздействия данных факторов на психоэмоциональное и психофизиологическое состояние человека, что отражается на когнитивной, оценочной и волевой сфере личности и приводит к изменениям в регуляции и качестве ее активности. Устойчивость в этом случае наблюдается в предвидении ситуаций влияния негативных факторов и применении механизмов ответных действий, вплоть до прекращения их воздействия на других членов общества.

Формирование и проявление личностных качеств осуществляется как в рамках межличностного взаимодействия, так и при взаимодействии с социальными группами. Демонстрируемые поведенческие особенности человека являются результатом его социальной самоидентификации и социальной адаптации в условиях соответствующей среды, а также следствием его индивидуальных психологических возможностей.

Уровень социальной устойчивости и однородности ценностно-нормативных систем, принимаемых индивидом, социальной группой и обществом в целом отражается в демонстрируемых поведенческих стратегиях, формах массового поведения и коллективных действий. Определяя коллективное поведение как образ мыслей, действий и их оценки, складывающиеся в обществе и проявляемые у большинства его членов, следует отметить, что на его формирование оказывают действие исторические и культурные условия, природно-территориальные факторы, и, конечно, устойчивость общества к вмешательству извне (например, стремление внешней среды внести изменения в политическое устройство или экономические устои общества). Разнообразные формы коллективного поведения берут свое начало с древнейших времен и продолжают в то или иной модификации на протяжении всей истории человечества в общих увлечениях, бунтах, панике, возмущении толпы, религиозных оргиях, мятежах и т.п. Наиболее ярко они проявляются в переходные и кризисные периоды, эпохи кардинальных социальных изменений.

Изменения в сфере массового поведения довольно часто сами представляют толчок для запуска процессов, влекущих как положительные, так и негативные социальные изменения, среди которых следует выделить следующие состояния:

состояние структурного благоприятствования – характерно при возникновении социальных условий, позволяющих проявление конкретной разновидности коллективного поведения (например, для развития финансовой паники необходимо наличие свободного и быстрого оборота денежных средств в сочетании с неопределенностью экономической политики государства);

состояние структурного напряжения – возникает при наличии риска кардинальных изменений в важных аспектах социальной системы (например, войны, экономические и политические кризисы, природные и социальные факторы риска);

состояние разрастания обобщенного убеждения – представляют собой появление и укрепление общих взглядов на реальность, а также общих идей по подходам к реагированию на нее;

состояние роста ускоряющих факторов – создание (искусственное или реальное) условий для «запуска» механизмов, способных вызвать массовую реакцию и (или) действие на то или иное событие (явление и т.п.), в целях обострения ситуации (например, смена политического устройства, банкротство банка и т.п.);

мобилизация общества к действию – подразумевает состояние, для которого характерно прохождение «точки невозврата», ситуация социального взрыва (в том числе, агрессии толпы), формат революции или массовой паники.

Еще одним индикатором устойчивости общества служит характер имеющих место коллективных действий, совершаемых в рамках движений, таких как экологические, феминистские, религиозные, политические, молодежные и иные движения.

Социальные движения в общем смысле следует рассматривать как эффективное средство оказания коллективного воздействия на происходящие в обществе события, но организация этих движений будет скорее формальной (например, религиозные движения, революции и т.п.). В целом люди в большинстве случаев участвуют в движениях косвенно, их вклад заключается в выражении симпатии и поддержки программы движения.

Возникновению и распространению социальных движений способствует развитие урбанизации, интенсифицирующей социальные взаимодействия, индустриализация, когда большая масса людей, концентрирующихся на предприятиях, в ходе постоянных контактов в течение рабочего дня способствует зарождению сход-

ной жизненной позиции по отношению к социальным и иным явлениям и процессам, вплоть до создания условий для развития коллективного протеста.

Также социальные движения стимулирует массовый характер образования [15, с. 105] – ориентация на формирование жизненной позиции детей и молодежи, создание молодежных сообществ, в силу возрастных особенностей остро реагирующих на несправедливость, политические события (реакция может проявляться в форме массовых выступлений).

Развитие современных информационных технологий, современные средства массовой информации обеспечивают доступность информации, облегчают коммуникацию и мобилизацию [16, с. 142].

Общество само способствует усилению мотивации потенциальных участников социальных движений – на фоне развивающейся социальной отчужденности, духовной растерянности наблюдаются процессы объединения людей в поиске утраченной общности, жизненных смыслов целей и ориентиров [17, с. 69].

Распространение активистской и прогрессистской идеологии обеспечивает направленность на неприятие фатализма и детерминизма, акцентирование внимания на субъективности и роли принимаемых людьми решений; а ориентация общества на политическую либерализацию – рост движений сопротивления и революционных движений;

Также значимым фактором является увеличение доли свободного времени, так как способствует рефлексии человека.

Одним из основных показателей устойчивости общества является уровень развития гражданского самосознания его представителей. Обозначаемая как гражданское общество, это качественная характеристика неразрывно связана с правовым государством. Однако, опыт естественно - исторического развития показывает, что гражданское общество – это, с одной стороны, независимая от государства сфера, но с другой стороны – без государства оно существовать не может. Гражданское общество проявляется в системном самоконтроле граждан следовать интересам государства, в том числе в условиях, когда государственный контроль отсутствует.

Структурно гражданское общество представляет собой совокупность разноплановых, не опосредованных со стороны государ-

ства взаимоотношений и взаимодействий индивидов в условиях рынка и установленной правовой государственности. Следует заметить, что истоки формирования гражданского общества исходят от его членов (т.е. снизу, инициатор – не власть, а социальные группы и т.п.). Изначально это спонтанный процесс, триггером которого являются частные интересы граждан. Затем это проявляется в формировании и развитии этических и моральных норм, не противопоставляющих себя действующим правовым стандартам и принимаемым членами общества.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что социальная устойчивость проявляется в коллективном поведении, качественных показателях социальных движений, уровне развития гражданского общества.

Также следует обратить отдельное внимание и на негативные признаки, говорящие о проблемах в этой сфере. Это степень присутствия девиантного и делинквентного поведения, преступности в обществе и отдельных социальных группах (в том числе в молодежной среде), социальных конфликтов. Девиантное поведение – относительно, а делинквентное – абсолютно. Примерами делинквентности могут служить воровство, взяточничество, грабежи или убийства, которые являются нарушением основных законов государства, гарантирующих права личности, что, соответственно, преследуется в уголовном порядке. Девиантность может проявляться в таких поступках, как сквернословие, чрезвычайно громкий или возбужденный разговор, что не нарушает требований законодательства, но однозначно противоречит условным нормам поведения. Некоторые девиантные проявления могут оказаться и в юрисдикции административного права, могут повлечь за собой уплату штрафов, осуждение и порицание окружающих людей, неодобрительность и т.п. В целом к формам девиантного поведения относят уголовную преступность, алкоголизм, наркоманию, проституцию, азартные игры, самоубийство и т.п.

Исследователями отмечается важность функциональной роли установления девиаций в обществе, а именно, обозначение границ допустимости, а также побуждения людей подтверждать свою приверженность моральным устоям общества.

Значимым признаком проявления нарушений в социальной устойчивости является рост преступности как демонстрации социальной безнравственности. Социологическое исследование

преступности предполагает установление и анализ социальных причин и провоцирующих преступление факторов, проводит оценку социально-типологических личностных особенностей преступника, в целом криминальной субкультуры как среды зарождения возможных новых девиаций, раскрывает наказание за преступление в контексте социального явления.

Противоположностью социальной стабильности (не устойчивости, а статичности) является социальный конфликт, имеющий свою структуру, выполняющий определенные функции. Структура конфликта представляет собой совокупность устойчивых элементов, динамично взаимодействующих и взаимосвязанных между собой как компоненты целостной системы. Для обозначения фрагмента конфликта часто используется понятие «конфликтная ситуация».

Структура социального конфликта:

объект – конкретная причина, социальная или иная проблема, которая является поводом столкновения интересов;

субъекты – стороны, задействованные в социальном конфликте, имеющих кардинальные различия во мнениях;

инцидент – формальный повод для начала открытого противостояния;

окружающая среда, в которой зарождается и развивается социальный конфликт;

конфликтная ситуация – противоречия, возникающие между субъектами по поводу объекта.

Стадии развития конфликта предполагают следующую динамику: возникновение социальных противоречий и провоцирование конфликтной ситуации;

развитие (эскалация) социального конфликта;

деэскалация и разрешение социального конфликта;

постконфликтная стадия.

Социальный конфликт нельзя рассматривать только как негативное явление, нарушающее установившийся порядок. При определенных условиях именно социальный конфликт будет тем необходимым источником, развитие которого создаст предпосылки для дальнейших прогрессивных социальных изменений. В этом случае социальная устойчивость проявляется именно в дифференциации прогрессивных и регрессивных изменений, адекватном реагировании на них.

Однозначно позитивными функции конфликта можно считать: коммуникативную функцию; функцию разрядки и снятия социальной напряженности; консолидирующую функцию.

В зависимости от силы воздействия социального конфликта, характера его целевых установок, готовности общества (социальной группы) к их восприятию, их способности адекватно реагировать, в обществе (социальной группе) начинают зарождаться новации, происходят процессы изменения существующего социального порядка. И если незначительное изменение предполагает модернизацию существующих социальных практик, отдельных компонентов социальной системы, то кардинальные (структурные) изменения влекут за собой трансформацию общественного состояния, вплоть до замены самой социальной системы.

Социальная трансформация отлична от такой формы значительных социальных изменений как социальные процессы. Когда имеет место трансформация, то это означает наличие базовых качественных изменений, сопровождаемых существенной модификацией системы взаимосвязи элементов в социальной системе, или изменение функций системы или ее компонентов. Это сдвиги в основе социальной реальности, которые затрагивают все ее сферы, трансформируя ее сущностные качества (например, промышленная, политическая, социальная революции и т.п.).

Устойчивость – не то же самое, что состояние статичности или законсервированности, это готовность воспринимать изменения, а в случае необходимости (угрозы сохранения самой системы) противостоять им. Особого внимания в современных условиях заслуживает изучение проблемы социальной устойчивости в молодежной среде, наиболее восприимчивой и подверженной влиянию факторов, дестабилизирующих экономическую, социальную и политическую ситуацию.

Молодежь, как социальная группа, у которой только происходит формирование мировоззрения, оказывается наиболее подверженной информационной пандемии. Если оставить вопрос без внимания, то молодежная среда может оказаться в состоянии социальной анемии, дезорганизации, что в итоге может привести к непредсказуемости социальных процессов.

Особую значимость приобретает качество социальной устойчивости молодого поколения как одного из основных факторов развития российского общества в долгосрочной перспективе

[8, с. 31]. Для достижения планируемых результатов необходимо наличие системного, научно обоснованного междисциплинарного подхода к разработке программы развития социальной устойчивости молодежи с учетом сложившихся социокультурных, экономических и политических условий, выявить механизмы и определить эффективные технологии управления процессом [9, с. 265].

Социальная устойчивость молодежи определяется по демонстрации личностной проявляемой позиции и готовности к активной социально преобразующей деятельности всей социальной группы. В этой связи и механизмы становления социальной устойчивости можно разделить на внутренние (рефлексия) и внешние (воздействие внешних факторов).

К внутренним механизмам становления социальной устойчивости личности относят: механизм мотивации на достижение поставленной индивидом цели; механизм идентификации себя и окружающей среды; механизм принятия и освоения социальных ролей.

Данные механизмы берут свое начало еще в подростковом возрасте и активизируются в дальнейшем в совокупности с сознательными формами самоорганизации, саморазвития и самореализации. Например, механизм мотивации действует на протяжении всех этапов развития личности, изменяясь с возрастом по мере усложнения социальных контактов и связей. Механизм идентификации проявляется уже в детском возрасте (например, в подражание родителям), его характерной особенностью является то, что он осуществляется независимо от сознания ребенка и не может полностью контролироваться родителями [20, с. 11]. На этом этапе идентификация ребенка — особая ответственность его взрослого окружения. С возрастом образец идентификации выбирается индивидом осознанно и объектом может быть как реальный человек, так и вымышленный персонаж (например, литературный герой). Со временем происходит дезактуализация выбранного образца, складываются новые отношения, появляются иные мотивы, цели и идеалы.

Механизм принятия и освоения социальных ролей тоже начинает действовать с детского возраста, во многом он имеет сходство с механизмом идентификации, но в нем отсутствует персонализация приобретаемого эталона социальной позиции. Освоение социальной роли (позиции) имеет непосредственное отношение к формированию личности, что обосновано следующими факто-

рами: появление новых мотивов; соподчиненность мотивов; изменение системы мировосприятия, ценностных установок, этических норм и т.п.

Перечисленные механизмы формирования не существуют обособленно друг от друга, их действие на индивида носит совместный характер, а движущие силы развития личности способствуют усилению их воздействия. Под движущими силами развития личности понимают наличие противоречий между:

индивидуальными потребностями и внешними условиями; меняющимися физическими и духовными запросами и прежними формами деятельности;

новыми установленными требованиями к осуществлению и результатам деятельности и недостаточно сформированными умениями, навыками и опытом.

Мотивация побуждает индивида к удовлетворенности своих потребностей [2, с. 454], направляет и организует его, придает жизни смысл и значимость (так называемая смыслообразующая мотивация). Общество выступает субъектом воздействия, а человек – его объектом.

В тоже время социализация предполагает не только приспособление индивида, но и его активное участие в проектировании своей жизненной траектории, работу по самоизменению. Идентификация с «другими» и восприятие себя в «другом» – составляют исходную основу формируемой в человеке социальности. В последующем идентификации и интеракции перерастают в ролевое поведение, основанное на социальных нормах.

Первичная социализация создает основу для последующего этапа. В рамках настоящего исследования особое внимание следует уделить именно вторичной социализации, агентами которой являются представители администрации школы, университета, профессиональной организации и т.д. То, что контакты с ними осуществляются реже и они менее продолжительны, их воздействие, как правило, менее глубокое, чем у первичных агентов. Вторичная социализация затрагивает вторую половину жизни человека, и проявляется как результат взаимодействия с институтами вторичной социализации (государством, средствами массовой информации, профессиональным коллективом и т.д.). И если первичная социализация является сферой межличностных отношений, то вторичная сфера – социального взаимодействия.

Смена социальных ролей, поиск жизненных смыслов, новое окружение и характер контактов, становление стиля и образа жизни представляют собой так называемые жизненные циклы – этапы социализации. В этом смысле уход от прежней социальной роли, приобретение новых ценностей и взглядов, следование иным правилам поведения называется десоциализацией, следующий за ним этап – ресоциализация. В совокупности эти процессы характеризуют так называемую взрослую социализацию, качество которой напрямую отвечает за социальную устойчивость молодого человека.

Одним из внешних факторов влияния на социальную устойчивость является семья, которая изначально служит пространством первичной социализации, приобщения к ценностно-нормативной системе, формирования мировоззренческой позиции и т.п., а впоследствии, созданная самим человеком в период взрослой социализации – характеризует его общечеловеческие качества, гражданскую позицию, отражает потенциал как участника процессов сохранения традиционных культурных ценностей и преобразования в соответствии с ними окружающей среды.

Понятие семьи непосредственно связывают с необходимостью воспроизводства населения и рассматривается как гарант социально-психологической целостности, обусловленной наличием системы взаимоотношений между супругами, родителями и детьми.

Как социальный институт семья пополняет общество трудовыми ресурсами и исполнителями социальных ролей, а для подрастающих членов семьи является фундаментом для развития социальной устойчивости. Значимость выполняемых семьей социальных функций невозможно переоценить, без них социальная система не сможет функционировать и в целом существовать. Этим объясняется заинтересованность общества в выполнении семьей своих функций по воспроизводству и социализации новых поколений, а целью государственной политики по сохранению института семьи является ее укрепление и сохранение традиционных форматов.

Значимость семьи в развитии социальной устойчивости молодого поколения объясняет пристальное внимание к исследованию условий и предпосылок возникновения негативных проявлений в этой сфере. Также для молодого человека формирование таких

жизненно важных компетенций, как системное и критическое мышление; межкультурное взаимодействие; самоорганизация и саморазвитие и ряда других, формируемых в современной системе образования [21, с. 88], является одним из условий его социальной устойчивости.

Диагностика социальной устойчивости молодежи позволит оценить уровень ее подверженности внешнему влиянию, готовности сохранять духовно-нравственный иммунитет в условиях негативного воздействия внешней среды, в том числе радикальных идеологий. Результатом должно стать не только выявление уровня социальной устойчивости (или неустойчивости), но и прогноз риска возникновения напряженности в молодежной среде, разработка управленческих решений по усовершенствованию механизмов укрепления социальной устойчивости [10, с. 34].

Россия представляет собой пространство взаимодействия устойчивых социокультурных групп, имеющих многовековой опыт межкультурной, межнациональной и межконфессиональной коммуникации [6, с. 329]. Риском развития социальной неустойчивости молодежи являются социальные кризисы, дестабилизирующие упорядоченное существование общества [11, с. 9]. Поэтому, чрезвычайно важным является осознанное и осмысленное отношение молодого поколения к потенциально возможным изменениям общества, его заинтересованность в прогнозировании результатов влияния воздействующих извне факторов (в том числе информации) на мировосприятие и мировоззренческую позицию как фундамент социальной устойчивости.

Внимание со стороны государства к вопросу сохранения и развития социальной устойчивости молодежи обусловлено нарастающей тенденцией активизации негативного влияния ряда внутренних и внешних факторов, представляющих угрозу трансформаций для ценностной, социально-экономической и политической сферы российского общества в целом. Деструктивное информационное воздействие на сознание молодого человека, может стать предпосылкой роста агрессивности в молодежной среде, возникновению национальной и религиозной нетерпимости, и, как следствие, социального напряжения в обществе. Опасность для устойчивого развития российского общества представляет демографическая проблема, начавшаяся в предыдущее десятилетие и продолжающаяся в настоящее время, а ведь это

может привести к убыли населения и сокращению трудовых ресурсов, ослаблению обороноспособности страны.

Государственная молодежная политика ориентирована на создание условий для развития гармоничной личности, настроенной на самосовершенствование, повышение уровня интеллектуального и творческого потенциала, конкурентоспособной, обладающей активной жизненной позицией, социально устойчивой и мотивированной на воплощение новых созидательных идей.

Необходимо создать условия для устойчивого формирования ценностно-нормативной системы, учитывающей многонациональность, мультикультурность и многоконфессиональность России как государства. Продвижение статуса культуры как национального приоритета отражено в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р [19]. Молодежь должна обладать гуманистическим мировоззрением, устойчивой к внешним негативным факторам системой нравственных ценностей и гражданских приоритетов, проявлять принадлежность к культурному, историческому и национальному наследию, уважать его многообразие.

Мерами, способствующими укреплению социальной устойчивости современной молодежи, являются:

- проведение мероприятий по профилактике экстремизма;
- взаимодействие с молодежными субкультурами и неформальными движениями в целях формирования у их представителей созидательного мировоззрения;

- вовлечение молодежи в активную работу объединений поискового, археологического, военно-исторического, краеведческого профилей;

- оказание содействия творческой деятельности молодежи (в том числе по поддержке талантливой молодежи);

- формирование у молодого поколения мотивации на достижение успеха (например, при популяризации профессиональной и личностной траектории развития выдающихся личностей);

- развитие молодежного туризма (включая совершенствование его инфраструктуры);

- поддержка молодежных экологических проектов;

- развитие механизмов повышения доступности объектов культурного наследия (в том числе через развитие системы льготного

кредитования культурно-просветительских организаций и учреждений культуры);

активизация сети молодежных, физкультурно-оздоровительных, военно-патриотических, развивающих цифровую и компьютерную грамотность клубов [5, с. 72].

Выполнение поставленных государством задач будет возможно и давать эффективные результаты только при условии активного участия в ее реализации самой молодежи, формирование мотивации к которому также является интересом государства и реализуется в рамках организации просветительской работы с молодежью, которая предполагает:

гуманитарное и правовое просвещение молодежи;

развитие компетенций функциональной грамотности;

обеспечение условий и наличия комплексной мотивационной системы для самообразования молодежи (в том числе обеспечение доступности образовательных и просветительских ресурсов);

актуализация к современным условиям системы поощрения талантливой молодежи;

совершенствование подходов к организации инклюзивного образования (в том числе лиц с ограниченными возможностями здоровья);

использование социализирующих ресурсов семьи;

развитие системы молодежного самоуправления;

пропагандировать ценности здорового образа жизни;

разработка и реализация мер по физическому развитию молодежи и повышению уровня культуры безопасности жизнедеятельности;

формирование экологической культуры молодежи.

Одним из значимых направлений государственной молодежной политики является ее реализация в социально-экономической сфере, гарантировать молодежи воплощение технологии «социального лифта».

Также значимым направлением повышения социальной устойчивости молодежи является семейная политика государства, так как семья как социальный институт выполняет важные социализирующие функции и от качества семейного климата зависит не только состояние социальной устойчивости современной молодежи, но и будущих поколений.

Для развития гражданского сознания необходимо создание и развитие благоприятного информационного поля, что обусловлено необходимостью противодействия распространению в молодежной среде тенденций к обесцениванию общепризнанных человеческих ценностей, снижению значимости культурных традиций, деформации исторической памяти и распространении ложных представлений о значительных периодах отечественной истории, что способствует снижению общего уровня интеллектуального и культурного потенциала общества, проявлению агрессии и нетерпимости, асоциального поведения молодых граждан. Не менее тревожной является тенденция к атомизации российского общества, разрыву традиционных социальных связей и, как следствие, распространение индивидуализма как формы мировоззрения.

В этой связи в части информационной составляющей молодежной политики государства следует выделить следующие направления:

- популяризация образа гармонично развитого молодого человека, демонстрирующего социально ориентированные профессиональные и творческие успехи;

- развитие компетенций информационной безопасности в молодежной среде в целях профилактики экстремизма, дискриминации по национальным, социальным, религиозным и иным признакам;

- применение эффективных технологий информирования молодежи о реализуемой молодежной политике;

- системный подход к информированию молодежи о трудоустройстве и программах поддержки собственного бизнеса [7, с. 61].

Проблема социальной устойчивости молодого поколения является предметом совместной деятельности и усилий государства, общества, социальных институтов и социальных групп. Каждый из участников процесса становления и укрепления социальной устойчивости молодежи вносит свой вклад в достижение результата, задействуя свойственные для него механизмы и применяемые эффективные в каждом конкретном случае технологии.

Рассматривая воздействие общества в целом и отдельных социальных групп, входящих в его состав, на формирование мировоззрения молодого человека, его гражданской позиции и культурной идентичности, особого внимания заслуживает анализ

механизмов социальной регуляции осуществления данного процесса [12, с. 29]. Одной из наиболее часто проявляемых форм социальной регуляции считается социальный контроль.

Социальный контроль представляет собой систему реализуемых обществом процессов и механизмов, обеспечивающих сохранение и продвижение социально приемлемых образцов и стратегий поведения, что в конечном итоге способствует эффективному функционированию социальной системы. Это особая форма социальных отношений, предполагающая наличие двух взаимосвязанных элементов – установленных норм и санкций как средств поощрения и наказания, стимулирующих соблюдение социальных норм.

В рамках исследования социальных технологий, применяемых в процессе формирования и сохранения социальной устойчивости молодежи, санкции наряду с личной ответственностью молодого человека за свои поступки и поведение способствуют развитию осознанного восприятия необходимости следования сложившейся в обществе ценностно-нормативной системе.

Социальный контроль воздействует на внутренние и внешние механизмы становления социальной устойчивости, поскольку способствует развитию мотивации на достижение поставленной цели, идентификации молодого человека и окружающей среды, формированию способности принятия и освоения социальных ролей.

Санкционное влияние социального контроля на процесс формирования социальной устойчивости молодежи выполняет свою координирующую роль. Однако для полноценного хода развития данной способности у молодого поколения необходимо наличие достаточного уровня сформированности жизненно важных компетенций, в совокупности складывающих социальный портрет современного молодого человека, демонстрирующего социально ориентированную жизненную позицию, принимающего ценности патриотизма, семьи, нравственности, принципы действующей правовой и законодательной системы, следующего здоровому образу жизни, способному к самоорганизации и саморазвитию [4, с. 172]. Компетентностная модель в этом случае может быть представлена как система, включающая креативность, восприимчивость к инновациям, навыки проектного мышления, способность к эффективной коммуникации, информационную и циф-

ровую грамотность, проецирование мобильной индивидуальной личной (в том числе в рамках семейного института) и профессиональной траектории. Это не может рассматриваться как формальный перечень компонентов системы, здесь важны прежде всего их качественные показатели и потенциал их развития.

Управление процессом становления социальной устойчивости молодежи, базирующейся на перечисленных компетенциях, как уже говорилось в предыдущих параграфах, является важной для государства стратегической задачей, решаемой в рамках таких укрупненных направлений, как:

гражданско-патриотическое направление – организация процесса по обеспечению условий для успешного формирования мировоззрения, в основу которого включено понятие о ценностях, патриотизме, нравственности и т.п.;

культурно-просветительское направление – распространение в молодежной среде просветительских программ, направленных на укрепление социального, межкультурного, межнационального и межконфессионального согласия;

антидевиантное направление – недопущение популяризации проявлений национализма, ксенофобии, экстремизма, маргинальных и криминальных настроений в молодежной среде;

направление лидерства и командообразования – разработка комплекса мер, направленных на формирование у молодежи уверенности в своих способностях и возможностях, развитие у ее представителей ориентации на успешную и эффективную социально ориентированную деятельность;

направление содействия развитию творческого потенциала молодежи;

семейная молодежная политика - пропаганда института семьи и брака как традиционных, исторически сложившихся социокультурных ценностей.

Также значимыми являются задачи по созданию и реконструкции культурно-образовательных и музейных комплексов, совершенствованию материально-технического и методического обеспечения их деятельности, продвижению просветительских проектов.

В Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в рамках национальной цели «Возможно-

сти для самореализации и развития талантов» делается акцент на необходимости трансляции духовно-нравственных и культурных ценностей в молодежной среде, ознакомлении с историческими традициями и культурным опытом народов России в целях воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности. Ставится задача по поиску инновационных форм организации работы с молодежью, в том числе в рамках межведомственного взаимодействия. Примером этому могут быть сетевые площадки и центры публичной истории по актуальным проблемам современной истории, политики и культуры, которая представляет собой форму партнерства организаций различной профессиональной направленности (образовательной, научной, культурной, управленческой и т.д.), объединенных для решения культурно-просветительских и образовательных задач.

Деятельность данных организаций ориентирована на:

разработку концепции распространения и популяризации знаний в области истории России и обществознания;

разработку и внедрение методических материалов по актуальным вопросам истории России и обществознания для научно-педагогических работников, реализующих основные образовательные программы различных уровней образования, дополнительные образовательные программы;

разработку дисциплин (модулей) для обучающихся, осваивающих общеобразовательные программы, образовательные программы профессионального образования различных уровней, направлений подготовки и специальностей;

разработку дополнительных профессиональных образовательных программ, программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки, ориентированных на актуальные вопросы истории России и обществознания;

разработку и реализацию просветительских проектов, направленных на распространение и популяризацию знаний в области истории России и обществознания;

участие в формировании у общественности и средств массовой информации и телекоммуникации (далее – СМИ) объективного представления об актуальных вопросах истории России и обществознания;

планирование, согласование и контроль за организацией и проведением мероприятий, направленных на распространение и

популяризацию знаний в области истории России и обществознания.

Федеральный проект «Развитие системы поддержки молодежи («Молодежь России»)» направлен на создание условий для эффективной самореализации молодежи, в том числе развитие инфраструктуры. Основу деятельности составляет реализация комплекса процессных мероприятий «Поддержка молодежных инициатив». Федеральный проект «Социальная активность» создан для развития и поддержки добровольчества (волонтерства) в молодежной среде.

По направлениям, перечисленным в Федеральных проектах «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» и «Социальная активность» в настоящее время в России созданы и пользуются популярностью целый ряд молодежных организаций, союзов, объединений.

Российский союз молодежи (Росмолодежь), созданный на базе комсомольской организации 31 мая 1990 года, в настоящее время является одной из самых массовых молодежных неполитических некоммерческих организаций страны, насчитывающая более 150 тыс. человек.

Общероссийское общественное движение содействия укреплению дружбы и согласия среди молодежи «Всероссийский межнациональный союз молодежи» – добровольное, самоуправляемое, состоящее из участников и не имеющее членства молодежное некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан (<https://vmsm.info/>);

«Волонтеры победы» – общественное движение, участники которого занимаются благоустройством памятных мест, помогают ветеранам, проводят различные всероссийские и международные акции, которые помогают сохранить память о войне, это единственная общественная добровольческая организация, которая занимается сопровождением шествия «Бессмертного полка» в Москве (<https://волонтерыпобеды.рф/about>).

Проводятся конкурсы и реализуются проекты:

Всероссийский конкурс «Моя страна – моя Россия» (<https://moyastrana.ru/>);

Платформа «Добровольцев» (<https://dobro.ru/>).

Федеральные проекты «Социальные лифты для каждого», «Профессионалитет» и «Молодые профессионалы (Повышение

конкурентоспособности профессионального образования)» разработаны в целях предоставления для граждан возможностей для профессионального и карьерного роста, путем формирования и развития системы профессиональных конкурсов. Как результат их реализации, обеспечивается возможность получения качественного профессионального образования [13, с. 10], соответствующего требованиям экономики и запросам рынка труда, что способствует кадровому обеспечению экономического роста в стране, развивается система переквалификации граждан с учетом обновления содержания квалификационных требований и профессиональных условий, передовых технологий, трансфера лучших мировых практик подготовки кадров, соответствующих потребностями экономики. Практический показатель представлен в повышении количества выпускников, трудоустроившихся в течение одного календарного года, следующего за годом выпуска.

По направлениям, перечисленным в Федеральных проектах «Социальные лифты для каждого», «Профессионалитет» и «Молодые профессионалы (Повышение конкурентоспособности профессионального образования)» в настоящее время в России также созданы и пользуются популярностью ряд молодежных организаций, союзов, объединений, например:

Российское движение детей и молодежи «Движение Первых» – созданное по инициативе участницы конкурса «Большая перемена» Д. Красовской и одобренное Президентом РФ Владимиром Путиным, его задача – объединение на добровольной основе детей и молодежи по объединяющим их интересам для организации и участия в мероприятиях и проектах по 12 направлениям (образование, наука, труд и профессия, культура, добровольчество, патриотизм, спорт, здоровый образ жизни, медиа и коммуникации, дипломатия, экология, туризм) (<https://будьвдвижении.рф/>).

Российские студенческие отряды – крупнейшая молодежная организация страны, которая обеспечивает временной трудовой занятостью более 150 тысяч молодых людей из 81 субъекта РФ, а также занимается гражданским и патриотическим воспитанием, развивает творческий и спортивный потенциал молодежи (https://трудкрут.рф/o_rossiyskikh_studencheskikh_otryadakh.htm);

Всероссийский студенческий союз – общероссийская общественная организация, являющаяся одной из крупнейших молодежных организаций в Российской Федерации.

Для развития у молодежи компетенций информационной и цифровой безопасности имеют важное значение Федеральные проекты «Цифровизация услуг и формирование информационного пространства в сфере культуры («Цифровая культура»)» и «Цифровая образовательная среда». В части изменений в системе российского образования создается и внедряется цифровая образовательная среда как системное требование к осуществлению образовательной деятельности.

Для достижения планируемых результатов разработаны подразделы государственной программы (Федеральные проекты), имеющие унифицированные целевые установки, соответствующее им содержание, выделяемое из разных источников финансирования (Таблица 1).

Таким образом, управление процессом становления социальной устойчивости российской молодежи в условиях информационного общества осуществляется в рамках совместного участия государства, гражданского общества, различных социальных институтов. Для достижения планируемого эффекта необходим постоянный мониторинг эффективности применяемых мер, гибкость и мобильность в выборе социальных технологий, актуализация средств и ресурсов, задействованных в процессе.

Таблица 1. Объем финансового обеспечения федеральных проектов, способствующих повышению социальной устойчивости молодежи в условиях информационной пандемии

№/№	Федеральный проект	Объем финансового обеспечения (руб.)
1	«Развитие системы поддержки молодежи»	44 382 811,1
2	«Цифровая образовательная среда»	41 998 090,2
3	«Цифровая культура»	41 07 971,4
4	«Профессионалитет»	30 000 000,0
5	«Молодые профессионалы»	26 343 130,1
6	«Социальные лифты для каждого»	18 496 733,7
7	«Патриотическое воспитание граждан РФ»	15 667 380,0
8	«Социальная активность»	3 830 384,3

Смягчить последствия информационной пандемии можно следующими мерами:

Как уже отмечалось, информационная пандемия представляет собой серьезную угрозу для общества, но ее можно смягчить с помощью совместных усилий по повышению цифровой грамотности, проверке фактов и поощрению критического мышления. Защищая себя и других от дезинформации, мы можем создать более осведомленное и устойчивое общество.

Необходимо обучать людей тому, как оценивать надежность информации и выявлять дезинформацию. Также следует ужесточить процедуры проверки фактов и разоблачения ложной информации, создавать и распространять достоверную информации для противодействия дезинформации. В усилении регулирования нуждаются и социальные сети, необходимо внедрение мер для ограничения распространения дезинформации и ложной информации в социальных сетях.

Снижению информационной пандемии также будет способствовать всесторонняя поддержка и продвижение надежных источников информации, таких как ученые, журналисты и государственные учреждения.

Велико значение системы образования, так как развитие у молодежи навыков критического мышления поможет им оценивать информацию и выявлять предвзятость и ложь.

Резюмируем, что с точки зрения повышения социальной устойчивости молодежи в условиях информационной пандемии приоритетными направлениями государственной политики являются:

- обеспечение системой образования формирования у молодежи необходимых личностных, социальных и профессиональных компетенций;

- поддержка талантливой молодежи и молодежных стартапов, создание условий для ее самореализации, развитие самостоятельности и инициативности;

- создание системы трудоустройства в соответствии с актуальными интересами молодого поколения, профилем образования, возможным карьерным ростом;

- разработка и реализация программ гражданской и патриотической направленности.

Рассматривая особенности организации и управления процессом повышения социальной устойчивости российской молодежи, следует еще раз отметить значимость социального контроля как системы реализуемых обществом процессов и механизмов, обеспечивающих сохранение и продвижение социально приемлемых

образцов и стратегий поведения, что в конечном итоге способствует эффективному функционированию социальной системы, который воздействует на внутренние и внешние механизмы становления социальной устойчивости, способствует развитию у молодого поколения мотивации на достижение поставленной цели, идентификации себя и окружающей среды, формированию способности принятия и освоения социальных ролей.

Литература

1. Акташ Р., Алексейчева Е.Ю., Бак Х., Гёзташ Дурна Г., Геймбух Е.Ю., Гребенщиков Ю.Ю., Далкылыч Л.Ч., Джан Эмир Б., Дьяченко Г.В., Егорова Н.В., Захарова М.В., Йылдырым А., Йылмаз Х., Кына И., Кырлы Э., Лоскутникова М.Б., Маршалова И.О., Миронова Е.А., Оздемир Р., Пашалыоглу Дж. и др. Связующая нить: русский язык в XXI веке в общении культур (Проект «Ното dicens»). Коллективная монография. М., 2023. 288 с.
2. Алексейчева Е.Ю. Основные тренды потребительского поведения в условиях кризиса // Экономика и предпринимательство. 2016. № 8 (73). С. 453-456.
3. Алексейчева Е.Ю. Этика distant-образования // Актуальные проблемы образования. материалы методологического семинара. Сер. «Библиотека Мастерской оргдеятельностных технологий МГПУ». Ярославль, 2020. С. 78-84.
4. Алексейчева Е.Ю., Ананишнев В.М., Бирич И.А., Григорьева Е.И., Гришин С.Е., Ермоленко Г.А., Ефимова Е.А., Жукоцкая А.В., Змазнева О.А., Кожевников С.Б., Петрова О.Е., Сухорукова О.А., Ткаченко А.В., Учаев А.Н., Хилханов Д.Л., Черненькая С.В., Шалаева Н.В. Патриотизм как проект (методология и опыт эмпирического исследования). М., 2024. 232 с.
5. Алексейчева Е.Ю., Ананишнев В.М., Ермоленко Г.А., Жукоцкая А.В., Казенина А.А., Кожевников С.Б., Нехорошева Е.В., Осмоловская С.М., Сахарова М.В., Скородумова О.Б., Хасянов А.Ж., Хилханов Д.Л., Хилханова Э.В., Черненькая С.В. Цифровая гуманитаристика: человек в «прозрачном» обществе. Коллективная монография. М., 2021. 144 с.
6. Алексейчева Е.Ю., Андреев И.Л., Васильев Д.В., Водолазов Д.М., Гребенщиков Ю.Ю., Жукоцкая А.В., Закиров

- О.А., Захарова М.В., Звонарева Н.А., Ильмиев Р.И., Казенина А.А., Калабухова Г.В., Калашников С.Б., Кириллов В.В., Козлова А.А., Кувшинова Е.Е., Малышева О.Г., Маслова Н.Н., Московцева Ж.Ю., Набокина М.Е. и др. Московведение 3.0: региональный компонент в образовательном пространстве столицы. М., 2024. 404 с.
7. Алексейчева Е.Ю., Бороздина А.В. Проблемы подготовки нефинансовой отчетности российскими компаниями // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. 2014. № 2 (26). С. 56-67.
 8. Алексейчева Е.Ю., Еделев Д.А., Магомедов М.Д. Экономическая география и регионалистика. Учебник. М., 2011. 696 с.
 9. Алексейчева Е.Ю., Ермоленко Г.А., Жукоцкая А.В., Гаврикова Д.С., Григорьева Е.И., Джуад Ю.Ю., Казенина А.А., Кириллов В.В., Кожевников С.Б., Кораблин Д.А., Лакаев П.В., Мапельман В.М., Миркушина Л.Р., Савченко И.А., Сахарова М.В., Сухорукова О.А., Ткаченко А.В., Трубина Н.А., Чёрненькая С.В., Хилханов Д.Л. и др. Культурные коды. Учебно-методическое пособие. М., 2023. 296 с.
 10. Алексейчева Е.Ю., Кириллов В.В., Малышева О.Г., Токарева Е.А. Проблемы развития государственно-общественного управления // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Экономика». 2019. № 4 (22). С. 32-43.
 11. Алексейчева Е.Ю., Куломзина Е.Ю., Шинкарёва О.В. Меры социальной поддержки семей с детьми для смягчения последствий пандемии COVID-19 // Вестник Екатеринбургского института. 2021. № 3 (55). С. 4-11.
 12. Алексейчева Е.Ю., Куломзина Е.Ю., Шинкарева О.В. Налоговые меры поддержки в связи с пандемией COVID-19: опыт России // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2021. № 3. С. 25-37.
 13. Алексейчева Е.Ю., Куломзина Е.Ю., Шинкарева О.В. Роль среднего профессионального образования в подготовке квалифицированных кадров для российской экономики // Вестник Екатеринбургского института. 2022. № 1 (57). С. 4-12
 14. Алексейчева Е.Ю., Магомедов М.Д., Костин И.Б. Экономика организации (предприятия). Рекомендовано уполномоченным учреждением Министерства образования и

- науки РФ — Государственным университетом управления в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям подготовки «Экономика» и «Менеджмент» (квалификация «бакалавр»). М., 2023. 290 с.
15. Алексейчева Е.Ю., Скубрий Е.В., Черкашин О.Ю. Образование: показатели оценки и вопросы его совершенствования в целях развития инновационной экономики // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. 2019. № 1 (19). С. 99-110.
 16. Казенина А.А., Жукоцкая А.В. Развитие навыков межкультурного и межличностного взаимодействия в условиях цифровой образовательной среды (на примере реализации кроссдисциплинарного курса «Культурные коды») // Диалог культур. Культура диалога: цифровые коммуникации. М., 2022. С. 140-144.
 17. Казенина А.А., Сахарова М.В. Традиции и новации в ценностном восприятии деятельности современного студента (воспитательный потенциал досуговой деятельности) // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2023. № 2 (46). С. 68-75.
 18. Нехорошева Е.В., Алексейчева Е.Ю. Имидж как управленческий ресурс общеобразовательной организации // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. 2018. № 4 (18). С. 78-92.
 19. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года».
 20. Токарева Е.А., Казенина А.А., Хасянов А.Ж. Гражданская и культурная общероссийская идентичность в современной России // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2021. № 2 (38). С. 9-16.
 21. Шинкарева О.В., Алексейчева Е.Ю., Куломзина Е.Ю. Качество подготовки кадров в России как фактор развития экономического потенциала страны // Вестник Екатеринбургского института. 2024. № 1 (65). С. 86-90.

Заключение

Проблематика, которую затрагивают авторы коллективной монографии дает панорамное представление о многогранности бытия человека и модусов социального. Осмысляя отдельные грани – нравственность, образование, язык и другие – каждый исследователь руководствуется диалектическими принципами единства исторического и логического, уделяя при этом основное внимание проблемности рассматриваемых аспектов. Следуя сложившимся образцам и эталонам научного мышления и отечественной философской традиции, авторы не только глубоко анализируют тенденции, но и делают выводы, а также, что наиболее ценно – предлагают решения актуальных проблем современности в сфере «человек и общество».

Реализуя принцип преемственности в осмыслении классических для философской системы областей – антропологии, этики, социальной философии, политической философии, философии языка, философии образования и других – на переднем крае оказывается преломление традиционных проблем в призме ситуации сегодняшнего дня. Виртуализация, информационность, постмодерн в культуре и мышлении, социально-политические преобразования, глобальная мировая динамика и другие процессы, подвергающие трансформации бытие человека и непрерывно умножающие модусы социального ежедневно порождают новую почву для переосмысления.

Каждый из затронутых в статьях монографии модусов открывает перспективу не одного, а многих глубоких и фундаментальных исследований, которые сегодня принято проводить в междисциплинарном ключе. Это отражает объективную тенденцию усложнения социальных реалий, все более тесное взаимопроникновение различных областей жизни современного человека, не мыслимое сегодня вне контекста технологий и помноженное на увеличивающуюся скорость происходящих изменений.

Научная принадлежность авторов и результаты представленных ими исследований подтверждает продуктивность междисциплинарного подхода как требования современности. Будучи кандидатами и докторами философских, исторических, филологических, экономических, социологических наук, в общем поле философии они создают творческие союзы, реализуют обмен

идеями и представляют авторские ответы на самые актуальные социально-гуманитарные вопросы, касающиеся настоящего и будущего современного человечества, приглашая всех желающих присоединиться к размышлению над жизненно важными для всех нас модусами социального и бытием человека.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексейчева Елена Юрьевна – доктор экономических наук, профессор департамента философии и социальных наук ИГН МГПУ

Бирич Инна Алексеевна – доктор философских наук, профессор департамента философии и социальных наук ИГН МГПУ

Джерелиевская Ирина Константиновна – доктор философских наук, председатель РОО «Центр этики и эстетики Русского мира».

Ермоленко Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Жукоцкая Александра Васильевна – доктор философских наук, начальник департамента философии и социальных наук ИГН МГПУ

Джуад Юлия Юрьевна – кандидат философских наук, доцент департамента философии и социальных наук ИГН МГПУ

Казаченко Оксана Васильевна – доктор филологических наук, профессор департамента филологии ИГН МГПУ

Казенина Анна Анатольевна – кандидат философских наук, доцент департамента философии и социальных наук ИГН МГПУ

Кириллов Виктор Васильевич – кандидат исторических наук, директор ИГН МГПУ

Кожевников Сергей Борисович – доктор философских наук, профессор департамента философии и социальных наук ИГН МГПУ

Кузьменко Григорий Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии РГСУ

Лакаев Павел Викторович – старший преподаватель департамента философии и социальных наук ИГН МГПУ

Мапельман Валентина Михайловна – доктор философских наук, профессор Дирекции образовательных программ ИГН МГПУ

Осмоловская Светлана Михайловна – кандидат социологических наук, доцент департамента философии и социальных наук ИГН МГПУ

Отюцкий Геннадий Павлович – доктор философских наук,

профессор кафедры политологии и международных отношений
РГСУ

Рябова Марина Эдуардовна – доктор философских наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики ИИЯ МГПУ

Сахарова Мария Викторовна – кандидат философских наук, доцент департамента философии и социальных наук ИГН МГПУ

Смирнова Альфия Исламовна – доктор филологических наук, профессор департамента филологии ИГН МГПУ

Скородумова Ольга Борисовна – доктор философских наук, доцент гуманитарного факультета РГСУ

Черненькая Светлана Васильевна – кандидат философских наук, профессор департамента философии и социальных наук ИГН МГПУ

Хилханов Доржи Львович – доктор социологических наук, профессор департамента философии и социальных наук ИГН МГПУ

Хилханова Эржен Владимировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.

Научное издание

**МОДУСЫ СОЦИАЛЬНОГО И КОНЦЕПТ ЧЕЛОВЕКА
(ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ)**

Коллективная монография

Ответственный редактор Ю.Ю. Джуад
Вёрстка М.В. Мисин
Художник В.В. Демкин

Подписано в печать 25.12.2024.
Формат 64x90_{1/16}. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 11,85. Тираж 500 экз.

ООО «Галлея-Принт»
Полиграфия и издательская деятельность
111024, г. Москва,
ул. 5-я Кабельная 2Б, стр. 1
тел.: 8 (495) 673-57-85
8 (495) 777-81-28
www.galleyaprint.ru